

Юрий ПОЛЯКОВ

ПЕРЕЛЕТНАЯ
ЭЛИТА

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Новая книга Юрия Полякова несет заряд иронической бодрости, который наверняка заденет немало граждан из разряда тех, кого автор назвал перелетной элитой. И речь даже не о властителях либеральных дум, срочно покидающих ставшую вдруг неласковой к ним Русь ради берегов туманного Альбиона или солнечного Брайтон-бич. Сравнение знаменитого писателя гораздо жестче. «Я всегда думал, что, сожрав все в одном месте, перелетает на другое саранча, а не национальная элита, – пишет он. – Перелётная элита – особая примета новой России».

Все произведения, вошедшие в издание, нацелены на тех, кто, подобно саранче, поглощает нашу Родину, оставляя за собой выжженную землю и выжженные души. Но как предупреждение, эта книга обращена, прежде всего, к русским людям, противостоящим этому опустошению.

- **Юрий Поляков**

- **Часть I. Заметки несогласного**

- Ё-мобиль и перелётная элита
 - Вычеркнуть себя?
 - Булгаков против электротeatра
 - Бутов и его полигон
 - Как я был врагом перестройки
 - Казус Невзорова
 - Куда девалась литература?
 - Кустарь с монитором
 - Человек слова
 - Мейнстрим андеграунда
 - Шестидесятники: прекрасный плен или очернение эпохи?
 - Вольные бюджетники и немотствующий народ
 - «Ищу пассионариев во власти. С Фонарем...»
 - Когда на Парнасе тесно
 - Мой тост – за сильную правоту

- **Часть II. Писатель у диктофона**

- Писатель в эпоху перемен
 - Конец литературы
 - Самовыражение и самовыврождение
 - С «чемоданчиком» на «смотрины»
 - В эфире «Радио КП»
 - Приказано любить Турцию

- Дом на песке
- «Почему есть улица Высоцкого, а нет улицы Свиридова?»
- Кто они – живые классики?
- «Последний советский писатель»
- Часть III. Кафедра русского театра
- Часть IV. Стихоборье
 -
 - Свадебная фотография 1941 года
 - Ключи
 - Сумасшедшая
 - 21 июня 1941 года. Сон
 - «Душа, как судорогой сведена...»
 - Вдова
 - Газета
 - Киногерой
 - Монолог расстрелянного за невыполнение приказа
 - Они
 - «От сорок первого не деться...»
 - «Ударит хладом обреченным...»
- Часть V. Мысли на ветер

Юрий Поляков

Перелетная элита

© Поляков Ю.М., 2017

© Изборский клуб, 2017

© Книжный мир, 2017

Часть I. Заметки несогласного Статьи и эссе

Ё-мобиль и перелётная элита

1. Информационная травматология

К нашей странной жизни привыкаешь как к отделению травматологии, куда угодил, поскользнувшись на мокрой московской панели. Полежишь день-другой на больничной койке и уже не видишь ничего странного в том, что у соседа справа нога на вытяжке торчит, как бушприт, а слева стонет мужик, замурованный в гипс по самые брови. Поясница у него, видите ли, чешется. Потом выпишешься, через пару месяцев зайдешь на контрольный осмотр, вручишь доктору-кудеснику коньяк, заглянешь мимоходом в свою былую палату и обомлеешь: боже ты мой, что за мрачный вернисаж увечий, переломов, смещений и травм, едва совместимых с жизнью!

Примерно то же самое бывает со мной, когда на отдыхе или из-за срочной литературной работы я долго не смотрю телевизор, не залезаю в Интернет, не припадаю ухом к какому-нибудь охальному радиозуху, а потом возвращаюсь в отражённую реальность наших СМИ. «Нет, не может быть! И я здесь живу?! Паноптикум! Вот бывшего главу государственной корпорации «РусГидро» Е. Дода, топ-менеджера, можно сказать, с детства, взяли за то, что выписал себе лишние 73 миллиона рублей премии. Ему по закону полагалось 280 миллионов, а он себе накрутил – пожадничал. И весь эфир, все телекомментаторы, начиная с Дмитрия Киселёва, виртуоза гневных эфирных рукоплесканий, вскипели: «Кошмар! 73 миллиона, это же миллион евро!» Минуточку, коллеги, сначала объясните мне: откуда у главы, по сути, госструктуры такая премия – 280 миллионов, помимо зарплаты? Он, что своим телом брешь в плотине закрыл и спас спящий город от потопа? Но даже за такой подвиг не многовато ли? Вон, вдове погибшего лётчика-героя на все про все, включая компенсацию невосполнимой утраты, в сто раз меньше дали. А ведь у нас не один такой Дод! И если сравнить доходы разных «додов» и «додиков» со средней зарплатой по стране, то, как поётся в романсе, «оружия ищет рука». Если б защитники Москвы зимой 1941-го узнали про то, что у наркома, скажем, тяжёлой промышленности зарплата в тысячу раз больше, чем у рабочего или инженера, история могла пойти другим путем. Патриотизм патриотизмом, а классовой обиды ещё никто не отменял. Изумляет отвага нашего президента, который принял вызов оборзевшего Запада, имея в

тылу такую засаду, такую социальную западню!

При развитом советском саботаже была иллюзия: чем нам больше платят, тем лучше мы работаем, но теперь она развеялась, как дым над крематорием. Конечно, до какого-то момента экономические стимулы работают, но едва превышена некая внятная норма, человек впадает в гедонистический ступор. Топ-менеджеры, у которых в бумажнике кредиток больше, чем орденских планок на кителе генералиссимуса, к порученному делу, как правило, относятся без особого фанатизма. Видимо, большие деньги отвлекают от работы. Иной скудный бюджетник куда бойчей, старательней и опытней. Взять хотя бы нашу сборную. Сапёры по заминированному полю передвигаются живее, чем асы кожаного мяча по газону с подогревом. А рискующим жизнью сапёрам таких миллионов не платят. Зато продувшим футболистам не слабо погулять так, чтобы всеми своими рулетками содрогнулось Монте-Карло: шампанского выхлебали на такую сумму, что детдомовцев страны год молоком поить можно. Увы, друзья, видимо, мы живём с вами в стране высокооплачиваемых пофигистов.

Но мало того, что слой опузырившихся соотечественников имеет совершенно немотивированно высокие доходы, эти господа ещё очень сердятся, если кто-то начинает задавать вопросы про «бонусы» или «золотые парашюты». Мол, не ваше дело. А чьё? Или банковский топ-клерк сделан из другого генетического материала, нежели сельский врач? Помню, в каком-то телевизионном словопрении я обмолвился, что у нас в Отечестве, как в поговорке, «у одних щи пустые, а у других жемчуг мелок». Экклезиаст нашей либеральной экономики Е. Ясин аж затрясся: «Это неприлично, считать чужой жемчуг!» «А кормить пустыми щами – прилично?» – возразил я.

2. Заофшоренность

Впрочем, с ними, большевиками-рыночниками, об этом спорить бессмысленно, ибо процесс «десовестизации», запущенный в конце 1980-х, сделал своё дело: «стыд в узде» давно никого не держит. Помните, четверть века назад нам говорили: «Долой советскую уравниловку! Давайте богатеть вместе!» «Давайте! Ура!» – обрадовались мы. Но вместе как-то не получилось, богатеют немногие вместо всех остальных. Конечно, я не ребёнок и понимаю: в мире всегда будут богатые и бедные, даже в осаждённом Ленинграде кто-то запивал стерлядь хересом. Помните жутковатую прозаическую зарисовку Ольги Берггольц о

пышнотелой дамочке в блокадной бане? Но тут всё дело в мере и здравом смысле. Приведу пример. Может, допустим, один человек для своего удобства выкупить целое купе – съездить в Сочи? Конечно, ради бога! А вагон? Пожалуй. А целый поезд? Ну, если ему очень так хочется... А всю Северо-Кавказскую железную дорогу? Молчите? То-то и оно!

Недавно руководитель опять же государственной монополии вдруг отказался дать отчёт о своих доходах: не хочу, мол, огласки, а то лишние разговоры пойдут! Хотел бы я посмотреть на советского министра, пожелавшего скрыть, с какой суммы он должен заплатить партвзносы. Посадить бы не посадили, но руководил бы он после этого только своей женой, если она беспартийная. Или вот случай: сынок тоже крупного государственного чиновника вдруг попросил гражданство в стране, объявившей нам санкции, да ещё вложил в экономику своего будущего отечества миллиард – не рублей, конечно. Догадываетесь, сколько на эти деньги добрых дел в России можно было бы совершить? Но в России жить неуютно, нет перед домами лужаек, которые подстригают триста лет. Так откуда же им взяться, лужайкам, если боярские да купеческие дети тратятся на английские газоны и швыряют миллионы, чтобы попасть на приём во дворец к бабушке Елизавете! Любая страна прочна своими традициями, но не в том случае, когда это традиция уводить деньги из страны, а потом и самим сматываться следом. Да, советская элита была зашоренной, а нынешняя – заофшоренная. Что хуже?

Если бы солитёр обладал сознанием, он вряд ли сочувствовал бы тому организму, из которого высасывает соки. Российский капитал зачастую просто паразитирует на нашем Отечестве. Иной раз, чтобы докопаться, кому принадлежит тот или иной аэропорт, приходится проводить такие расследования, что сам Шерлок Холмс не выдержал бы и разбил свою скрипку о голову Ватсона. Я вот иногда иду мимо Царь-пушки и думаю: вдруг её уже купил какой-нибудь собственник, зарегистрированный на Сейшелах? Мы этого ещё просто не знаем. Узнаем, когда он пальнёт из неё в честь дня рождения своей любимой собачки.

Вообще, граница – какая-то чёрная дыра новой России. Если одновременно на всех яхтах, купленных нашими согражданами, настоящими, бывшими и ненастоящими, поднять государственные флаги РФ, то возникнет ощущение, будто наши неисчислимые прогулочно-морские захватили самые дорогие набережные мира. Я, конечно, против железного занавеса, достаточно и калитки, но если из твоего дома выносят что-то купленное на залоговом аукционе, можно, наверное, спросить: «А

вы, собственно, куда это потащили?» Но нельзя: чужой жемчуг считать неприлично, даже если его выловили из твоих пустых щей. Увы, наша открытость привела к тому, что едва соберутся кого-нибудь по статье привлечь, а он, глядь, уж давно за рубежами, обзавёлся замком, виноградниками, спортивным клубом и остров себе в Эгейском море присматривает, никак не сторгуетя. Яхты я уже упоминал.

Наверное, следователи просто не знают, что подозреваемые имеют обычай скрываться от правосудия. Пресс-секретарь одного серьёзного органа всякий раз, сообщая по телевизору о бегстве за кордон очередного жулика, ну так всегда печалится, словно от него самого молодая жена удрала. Конечно, беглеца объявляют в международный розыск, но это мне напоминает советский анекдот про неуловимого Джо, которого никто не ловит – на хрен нужен! Если бы Борис Абрамович Березовский аккуратнее повязывал свой шарфик, он бы до сих пор в международном розыске кайфовал. Ведь с Лондону, как и с Дону при царях-батьюшках, выдачи нет.

Недавно выяснилось: глава государственного унитарного предприятия «Антидопинговый центр» Г. Родченков, не рядовой, кстати, клерк, уничтожив допинг-пробы, смылся в Америку, где его, вероятно, ждали и было где вещички бросить. А мы руками разводим: ушёл, гад, ищи ветра в Манхеттене. Но я что-то не пойму: у нас ФСБ теперь расшифровывается как Федеральная служба безмятежности? Ведь кто-то же брал его на работу, кто-то отвечал за его деятельность, он кому-то подчинялся. Кому? Его курировали. Покажите – кто! Тоже удрал? Тогда покажите покровителей и этого удравшего. Нет, не показывают. Боятся, наверное, президента расстроить! Не бойтесь: у него и так лицо грустное... К тому же, в свете этого скандала иначе воспринимается и парад «гелендвагенов», который в Москве дали выпускники академии ФСБ, молодые бойцы невидимого фронта, выложив потом свои счастливые селфики в Мировой сети – ЦРУ на заметку. Ладно бы они так отметили поимку сотого шпиона, а то ведь в дипломах чернила ещё не просохли. Друзья моей молодости, лейтенанты 1970-х, свой выпуск в шашлычной «Утёс» отмечали, а домой на последнем троллейбусе добирались. Бред какой-то! И две изумленные тени – Дзержинского и Андропова – теперь, всхлипывая, бродят по ночным коридорам Лубянского дома.

Иной раз припомнишь и обомлеешь, сколько бывших министров, губернаторов, мэров, депутатов, чиновников, бизнесменов, потомившись у кормила государственной галеры, подалось за рубеж и там осело! Здесь, значит, клевали, зобы

набивали, а там гнезда свили, птицы божьи. Вот узнал, что у главного редактора популярной газеты семья давно на исторической родине обитает. Я, конечно, не еврей и многого не понимаю, но скажу так: если бы у меня вся родня была там, я бы больше интересовался программой партии «Ликуд», чем платформой «Единой России». Впрочем, там, очевидно, русскоязычному журналисту трудно найти себе работу, вот и приходится ишачить вахтовым методом, как на нефтяной вышке в тундре.

Давно заметил одну особенность европейских столиц: чем дороже универмаг, тем больше там продавцов, говорящих по-русски. А я-то всегда думал, что, сожрав все в одном месте, перелетает на другое саранча, а не национальная элита. Года три назад, случайно попав в пятницу на вечерний лондонский рейс, я просто обалдел: узнаваемых государственных мужей и медийных физиономий в самолёт набилось не меньше, чем светочей русской мысли на «философский пароход». Только вот светочей насильно высылали с родины, а эти сами каждый уикенд отлетают – общечеловеческим воздухом подышать. Перелётная элита – особая примета новой России. Теперь с этим, конечно, сложнее, не оттого ли у многих олигархов и министров в глазах тоска людей, три года в отпуск не ходивших.

3. Цинизм как семейная ценность

Далеко не случайно в последнее время все чаще «золотая молодёжь», дети-внуки олигархов, топ-менеджеров, чиновников, отчубучивают нечто возмутительное: то пешехода снесут, то дебош учинят, то компатриота в милицейской форме отлупят, то за границей напакосят... Однако каким бы громким и мерзким ни был скандал с отпрыском, состоятельные родители проявляют выдержку, граничащую с презрением, нанимают адвокатов и молчат, отвергая журналистов как вид. Во всяком случае, я ни разу не слышал от «предков» извинений за своих буйных чад, мол, простите, люди русские и нерусские, стыдно мне за моего обалдую, накажу: будет сидеть на хлебе и воде, учиться в Петрозаводске, отдыхать в Крыму, деньги вкладывать в народные промыслы, а ездить на самокате. Нет, молчат, как партизаны в гестапо. Почему?

Ну, во-первых, потому что общественное мнение у нас ещё так мало влияет на карьеру, статус и бизнес, что им можно пренебречь. Иначе министра спорта Мутко самого уже давно бы забили в какие-нибудь ворота. А во-вторых, и это главное: им в

самом деле совсем не стыдно. Перед кем извиняться, перед нищebroдами? В глубине души они считают: ну, поозорничал мальчик или девочка, так он (она) право имеет, это сын мой (дочь), наследник(ца) миллионов(ардов). Ненужное зачеркнуть. Такая вот мораль. Цинизм как семейная ценность. Или вы хотите, чтобы юные лоботрясы, наследники странно нажитых капиталов, переводили старушек через дорогу, а не устраивали на «зебре» жуткие ралли? Это ж так прикольно! Накажут? Кто? Они с молодых когтей знают, что суд – это место, где ты можешь приобрести себе столько закона, на сколько у тебя хватит денег. Папа не раз и не два откупался. Почему они должны иначе относиться к народу, терпящему такую социальную несправедливость, ведь бедный значит глупый. Им же не объяснили, что стать богаче – не значит стать лучше, хотя ехидный вопрос эпохи гибнущего социализма: «Если такой умный, почему такой бедный», давно пора на современный лад переформатировать бы: «Если ты такой честный, почему такой богатый?»

Но больше всего лично меня задевает откровенный антипатриотизм российского капитала. Все остальное – производное. Мой знакомый виноторговец запил с горя, когда воротили Крым: у него просел бизнес. Уж как он ругался! Другой весьма состоятельный российский бизнесмен, получая в Кремле награду, в ответном слове первым делом заговорил о любви к своим среднеазиатским пенатам. Оно понятно, арык детства не забываем, но ведь вам, уважаемый, не знак «Золотого хлопкороба» наш президент вручает, а российский орден. Вроде бы ничего страшного, можно обожать свою историческую родину и все силы при том отдавать России, но почему-то сразу вспоминается миллиардный супер-отель, воздвигнутый в солнечной Турции на деньги, выкачанные из московского «Черкизона». Но хватит, довольно об этом, иначе кровь рязанских пахарей вскипит в моих жилах!

Если человек – патриот, пусть и очень состоятельный, он никогда не будет зарабатывать здесь, а вкладывать там, речь, конечно, не о квартирке в Болгарии. Он не позволит своему отпрыску выдрючиваться перед согражданами. У родного очага не гадят. А если позволяет, значит, жить в «этой стране» не собирается. В семье человек, как рыбка в аквариуме, на виду. Когда для него главное – деньги, то всех людей, включая жён и подруг, он рассматривает с точки зрения вложения средств и извлечения прибыли. Для такого семья, хоть обвесь особняк иконами с Петром и Февронией в полный рост, не малая церковь, а надомный релакс-клуб. Иногда с элементами дорогого борделя.

Не справился семейный персонал с постельно-детородными и представительскими функциями – можно уволить без выходного пособия, наняв кого-то помоложе и потрепетнее. Благо выросло целое поколение юных особ, нацеленных на рынок дорогих матримониальных услуг. Брачный сервис для состоятельных господ. А уж разводятся рублёвские пары, как собаки кость делят. Никого не стесняются.

Но могло ли быть по-другому? Едва ли... Трудно себе представить, чтобы барин винулся перед крепостными за то, что зашиб, проносясь на рысаках, зазевавшегося мужика. К нам, увы, снова вернулась та самая классовая спесь, с которой боролась вся отечественная литература, передовые моралисты, диссиденты, возмущавшиеся, что номенклатура катается на черных «Волгах» с колбасой в багажниках и без очереди получает квартиры. Но первое, что потребовали борцы «за нашу и вашу свободу», когда вернулись, так это квартиры и побольше. Солженицына даже в Серебряном бору поселили, где как раз и расположены дачи тех самых вождей, которым они писали гневно-наставительные письма. Кстати, советская власть по мере сил боролась с зажавшимися соратниками. Карьера функционера, замеченного в откровенно барском отношении к простым людям, могла быстро закончиться.

4. «Капчванство»

Бытовало даже слово-приговор «комчванство». За коммунистическое чванство могли намять холку, снять с поста, исключить из партии. Но я почти не помню, чтобы у нас кого-то пожурили за «капиталистическое чванство». Разве Хакамаду, которой до сих пор не забыли, как она в голодные 1990-е советовала шахтёрам собирать грибы и ягоды. При прочих недостатках советские руководители были довольно скромны в быту. Сопоставляя их блага и привилегии с доходами и «бонусами» нынешних чиновников, включая гомерические «премии», так и хочется спросить, когда вернут из ремонта крейсер «Аврора». Если вам однажды доведётся увидеть уцелевшие цековские дачи, вы очень удивитесь, насколько там все просто и непритязательно. У бизнесмена с тремя палатками у Курского вокзала фазенда покруче будет. Дача Сталина, первого лица в государстве, не идёт ни в какое сравнение с поместьем какого-нибудь нефтяника или газовика в смокинге. Конечно, стандарты роскоши с тех пор изменились, но не настолько же! Да что там говорить, я ещё помню, как директор завода (отец моего

друга) и его подчинённый слесарь-ударник жили на одной лестничной площадке дома, этим самым предприятием построенного. Причём у работяги квартира была больше, так как он и в смысле производства детей оказался ударником. Но где же прошлогодний снег?

И ещё одно наблюдение в тему. Иногда по каналу «Россия-24» я смотрю интервью с нашими олигархами, людьми тёртыми, сильными, умными, по-своему обаятельными, однако исполненными самоуважения, переходящего в самообожание. Известен случай, когда секретарь райкома, чей портрет поместили на первой полосе «Правды», сошёл с ума от гордости. А эти вот держатся, хотя все время в топах «Форбса». Скажу честно, в слова олигархов я не вслушиваюсь: о своём бизнесе они сообщают примерно столько же, сколько умная невеста жениху о своём добрачном сексуальном опыте. Интересней смотреть на журналиста, уж как он трепещет, извивается, угождает вопросами, будто в случае промашки его расстреляют вместе с семьёй. Я, знаете ли, застал советскую журналистику и скажу прямо: корреспондента, с таким подобострастием говорившего даже с самым высоким партийным чином, коллеги просто бы подняли на смех, да и сам чин позвонил бы главному редактору: «Ты мне, слушай, больше этого лизуна не присылай!»

5. Классовая любовь

Как справедливо утверждал Остап Бендер, нарочно нервирова вора Корейко, все крупнейшие состояния созданы преступным путём. И был отчасти прав. Ильф с Петровым, описывая грандиозные аферы скромного служащего «Геркулеса», представить себе не могли, что фактически предсказывают пути становления нового российского капитализма. И заметьте, тот миллион, что великий комбинатор буквально выгрыз у «подзащитного», в свою очередь укравшего кучу денег у молодой Советской республики, достался, в конце концов, румынским пограничникам. Тоже символично...

В 1990-е богател тот, кто преступал через мораль, совесть, долг, нарушал закон. Помните: рэкёт, махинации с ваучерами и гуманитарной помощью, жульнические залоговые аукционы, распил бюджета, фальшивые авизо, вороватые фонды, пирамиды, рейдерские захваты, откаты, гешефты, торговля государственными интересами, постами и мандатами... Это было, отчасти и осталось. Ельцин и его команда целенаправленно создавали такие условия, чтобы невозможно было разбогатеть, не

нарушив уголовный кодекс. Власть повязала бизнес беззаконием, а бизнес получил взамен узаконенную несправедливость. Неправедные деньги поддерживали неправую власть. Олигархи дружно сбрасывались на выборную кампанию агонизировавшего Ельцина. Да что я вам, в самом деле, рассказываю, вы же все эти годы не на орбитальной станции провели!

В итоге, общесоюзные промышленные гиганты попали в руки к типам, удивительно похожим на отрицательных персонажей советского сериала «Следствие ведут знатоки». Реформы, которые проводили люди, корившие коммунистов за коллективизацию и раскулачивание, сами резко пошли по пути «рассереднячивания» народа. Средний советский класс в мановение ока превратился в люмпенов. Помните, как кандидаты наук челночили, мыли полы, торговали хламом на улице Горького? Слишком много было кандидатов наук? Да ладно! Не больше, чем сегодня офисного планктона, который если и приносит пользу, то разве близлежащим «макдональдсам» Под голосистые проклятия в адрес суровой сталинской индустриализации нам в 1990-е подсунули самый жестокий, жульнический и архаичный путь к рынку. Эту модель с помощью СМИ и экспертов Высшей школы экономики буквально навязали обществу, до того 70 лет жившему в условиях относительной, но все же социальной справедливости. Кстати, ни один из пропагандистов «умного рынка» не извинился за дезориентацию целой страны, они бодро продолжают наставлять и попрекать Кремль из телестудий, а иногда из Вильнюса.

Да, советский достаток был равномерно скуден, но нам хотя бы объясняли, почему живём мы невзрачно: деньги идут на космос, на гиганты пятилеток, на армию, на счастливое детство, на науку, на поддержку прогрессивного человечества. В 1990-е, когда не было ни космоса, ни армии, нистроек, ни науки, ни счастливое детства, ни прогрессивного человечества, куда пошли деньги от той же нефти или газа? На ударное создание класса богатых? На построение коммунизма по обочинам Рублёвки? На то, чтобы кто-то попал в списки «Форбса»? А зачем мне и ста сорока миллионам россиян этот самый богатый класс? Скрипеть зубами, когда один нувориш авианосную яхту на воду спускает, разбивая о ее борт бутылку шампанского, которая по цене не уступает автомобилю. Возмущаться, когда второй скупает спортивные клубы за рубежом, так как в детстве его из-за тонкой шеи не взяли в дворовую сборную по хоккею? Злиться, когда третий берет под Парижем поместье, не хуже Версаля? Беситься, когда четвертый, банкир, вкладывает три миллиарда в американское здравоохранение? Будь моя воля, я бы его на две

недельки положил в нашу районную больничку. Если выживет, уж, наверное, в другой раз не в заокеанскую, а в российскую медицину вложится. А даст дубу – так «Форбс» отпоет. Что сделала бы в подобном случае настоящая пресса? Она бы в один голос призвала сограждан срочно в массовом порядке забирать вклады из оскандалившегося банка, чтобы другие понимали: так плевать в страну, из которой ты выкачал состояние, нельзя, деньги, заработанные в России, в Россию и вкладывать следует. Но наша пресса мужала, вынося ночные горшки «семибанкирщины». Чего ж вы хотите от такой журналистики? Прошу эти мои слова считать выступлением на скором внеочередном съезде Союза журналистов РФ.

Какая нам с вами радость от класса богатых? Сажают их редко, чаще под домашний арест и то ненадолго. Не успеешь порадоваться, уже выпустили или амнистировали, как Сердюкова. Участники «панельных дискуссий на форумах», видимо, думают, что мы все забыли, простили и считаем их богатство естественным, заслуженным, исконным, даже священным. Мол, еще наши пращуры князьям Прохоровым верно служили, и мы поусердствуем. «Как не так! – сказал Архип, с злобной улыбкой взирая на пожар...» Никто не забыт, и ничто не забыто. А если ставить памятник Гайдару, как иногда предлагают, то в виде резиновой куклы, которой может дать между мелких глаз любой пострадавший прохожий.

6. Антисоветское порно

Сколько снято примирительных киношек, призванных убедить нас, что богатые плачут не только, когда платят налоги или откупаются от закона. Сюжеты этих трогательных лент примерно одинаковые. Например: очень богатый, очень честный и очень одинокий красавец-мужчина с очень русским лицом (Хабенский, Бондарчук или Куценко) в поисках любви и доброй мачехи для своей трудной дочери-подростка колесит на «бентли» по русской глубинке, пьёт с простыми мужиками водку, умиляется скромности селян, крепости народных характеров и находит-таки счастье в скромном лице сельской библиотекарши или учительницы, невинной, как лабораторная мышь, однако с формами Анастасии Волочковой. Их счастью пытается помешать мафия, продажные менты или бывшая хищница-жена, похожая на говорящую пудреницу, но нанятый киллер промахивается, а коррумпированного полковника осаживает честный генерал в исполнении Аристарха Ливанова или Бориса Токарева. И

влюблённые падают в ночные зеленыя... Не путать с «зеленью»!

Однако мало внушить пиплу, что богатство облагораживает. Чтобы классовую ненависть претворить в классовую любовь, как воду в вино, надо ещё убедить людей, будто попытка построить справедливое общество однажды уже привела к чудовищному, кровавому совку, который пора бы забыть, да пережитый ужас стучит в грудь, в основном престарелых советских мажоров. Сколько снято сериалов и картин про кошмары старой власти: про то, как внук члена Политбюро изнасиловал балерину Большого театра, бедняжка пошла в милицию, а её упрятали в дурдом. Или про то, как неосторожно пошутивших студентов взяли и без затей по статье расстреляли. Причём снял эту чушь режиссёр, прекрасно знавший, что студента ВГИКа Николая Рыбникова (впоследствии народного артиста СССР) за такой же розыгрыш просто отругали по комсомольской линии. Зачем маститый кинематографист врал? А вы про партийность и классовость искусства совсем забыли? Напрасно... Мы имеем дело с хорошо оплачиваемым социальным заказом. Задача – убедить всех, особенно молодёжь, в том, что тогда было совсем плохо, а теперь не совсем. Убеждать в том, что теперь совсем хорошо, даже за большие деньги никто не берётся, а при социализме брались. Парадокс!

Кстати, обратите внимание: в последние лет двадцать пять престижные литературные премии чаще всего присуждаются писателям, которые без устали кошмарят читателей жуткими безобразиями социализма, обычно вымышленными. Вот и Евгений Евтушенко заклеил палача Сталина за то, что при нем в Кремле для детей не устраивали новогодние елки. И хотя с 1935 года елки устраивались через дорогу – в Колонном зале, в памяти народной тиран останется врагом детей, так и не уступившим цветам жизни Грановитую палату. Однако что там Евтушенко, уже подросла хваткая творческая молодёжь, при старом режиме не жившая, но успешно освоившая уникальный жанр жёсткого антисоветского фэнтези, чуть не написал «порно». Ладно бы просто дёргали мёртвого советского льва за усы, так нет: эти авторы напоминают своего рода диггеров, плодотворно поселившихся в прямой кишке покойного царя зверей. Любопытно, что денежные фонды этих премий, поощряющих антисоветизм, пополняются не без помощи власти, умеющей попросить бизнес о небольшой культурной услуге.

Когда же, наконец, кремлёвские звезды договорятся с кремлёвскими орлами? Ведь премиальный антисоветизм имеет отнюдь не эстетическую природу. Вы не задумывались, почему до середины 1930-х годов прошлого века искусство молодой

республики советов просто кипело от ненависти к старому режиму, к имперскому прошлому, а потом вдруг как-то смягчилось: перестали сбрасывать с парохода современности классиков, увидели в минувших столетиях много положительного. Если не вдаваться в мелочи, все достаточно просто. Поначалу люди, взявшие в Октябре власть, видели будущую Россию отнюдь не суверенным государством, а частью грядущей Земшарной республики. На полном серьезе. А что? Мы же просились в НАТО. СССР был задуман как открытая конфедерацию, куда войдут по мере победы социалистических революций Англия, Франция, Италия, Испания, далее по глобусу. Особые надежды возлагались на передовую Германию, призванную помочь отсталому русскому пролетариату провести модернизацию. Даже планировали заменить кириллицу на латиницу – для взаимопонимания.

В этом контексте все, связанное с имперским прошлым, надо было срочно демонизировать, окарикатурить, чтобы никто, особенно молодежь, не скучал по Рюриковичам и Романовым. Однако Мировая революция не задалась, случился «коммунэкзит». СССР остался один на один со своими экономическими, а главное, геополитическими проблемами, которые нельзя «взять и отменить», как нельзя скрыть на щебенку Эльбрус. В этом историческом одиночестве стране снова понадобился опыт прежнего суверенного существования, опыт империи, а без восстановления связи времен, хотя бы частичной реабилитации прошлого – воспользоваться этим опытом невозможно. Если Суворов – изверг, подавивший освободительное восстание Пугачева, то кто же пойдет в суворовские училища? А вот именем Тухачевского называть военные школы как-то неловко: проشياпил, бонопартишка, Варшаву! Вот и подобрело советское искусство к проклятому прошлому, георгиевская лента осенила орден «Славы», в Красной армии появились «генералы» и «солдаты», хотя еще пару лет назад так называли только белогвардейцев. Впрочем, один редактор во время войны, прочитав фатьяновские строчки: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», посоветовал автору заменить «солдат» на «ребят» во избежание ненужных классовых ассоциаций. Но инерция – не тенденция.

В точно такой же ситуации мы оказались и после крушения Советской власти. Вспомните одержимое стремление младореформаторов без заминок влиться в цивилизованный мир, вспомните «сорок тысяч» американских консультантов Чубайса, которых Путин почему-то назвал «цэрэушниками», вспомните уверенность в том, что передовая Америка научит нас жить и

работать, что МВФ превратит деревянные рубли в настоящую валюту, что одностороннее разоружение – залог вечного мира... Сколько при этом денег и ресурсов утекло за рубеж, помалкивают, зато чуть что кричат про экспонаты Эрмитажа, сплавленные ради покупки оборудования для гигантов пятилеток. Мне тоже жаль проданные шедевры, но от этого была хоть какая-то польза. А вот какая польза от негоций Коха и комиссии «Гор – Черномырдин»? Главное – кому польза?

Чем же все кончилось? Тем, что НАТО обложило нашу страну по всем правилам медвежьей охоты. Нас подвергли унижительным санкциям, сделали олимпийскими «лишенцами». За что? За то, что мы вернули в родную гавань Крым, не только восстановив геополитическую справедливость, но и спасая население полуострова, ведь от майдана до Майданека всего шаг. В итоге мы снова остались один на один со своей геополитической судьбой, но не с двумя, как при Александре Миротворце, а с четырьмя союзниками: к армии и флоту прибавились авиация с ракетными войсками. Про пятого союзника, ядерное оружие, промолчу. Это наш вечный засадный полк.

На том сходство двух исторических ситуаций заканчивается. По логике вещей сегодня нужно пересматривать негативное отношение к советскому периоду, восстанавливать связь времен. Вроде бы первые лица государства давно отказались от антисоветской риторики, постепенно возвращая то разумное, что было в Советской цивилизации. Конечно, «Наши» – это еще не комсомол, но хотя бы наверху поняли, что молодежь не придорожная трава. Однако влиятельная часть медийной и творческой интеллигенции упорно воспроизводит в информационном и культурном пространстве диссидентский антисоветизм, который уже четверть века назад отдавал импортным нафталином. Судите сами: то гранитным истуканом Сталина, как таранам, бьют в кремлевскую стену, то хотят вынести из мавзолея Ленина, то рыдают над жертвами ГУЛАГА, в несколько раз сладострастно преувеличивая реальное число репрессированных. Как-то своему телевизионному оппоненту, согласившись с его скорбью, я предложил публиковать рядом со списками жертв, чем усердно занимается «Мемориал», имена следователей, судей и доносчиков, обрекших невинных на заточение или гибель. Почему бы нет? Дела большинства пострадавших сохранились, снимай с архивных полок и восстанавливай историческую справедливость. И что же вы думаете? Слезы у плакальщика сразу высохли, и он посмотрел на меня такими взглядом, что я как-то сразу увидел его в роли дознавателя НКВД, выбивающего из меня признание в порочных

связях с контрразведкой Мадагаскара.

К чему я это пишу? А к тому, что неуморимый антисоветизм в искусстве и СМИ «задержался» не сам собой, не по инерции. Он тихо поощряется и подпитывается. Зачем? Затем, что сложение имперского и советского исторического опыта резко усиливает Россию, а это многим не нравится. Советофобия поддерживается теми силами в политической, чиновной элите, в бизнес-сообществе, которые путем уступок и унижительных компромиссов жаждут вернуть нас в позу младшего краснокожего брата при Большом бледнолицем американском вожде. Почему? А потому что их личные интересы лежат вне России, и какая дрянь будет набита в трубку мира, которую нас заставят выкурить «партнеры», не важно: зеленые лужайки перед будущими заграничными именами им дороже полей и весей нашего Отечества. Иначе за каким лешим российскому банкиру вкладывать три миллиарда в здравоохранение США? Не будь этой влиятельной силы (хотел сказать «пятой колонны», но воздержусь), вряд ли наши некоторые певцы, актеры, писатели, секретари Союза журналистов РФ, говорили бы, что Крым надо вернуть законным владельцам и покаяться на Болотной площади. По их мнению, тот же Калининград так и остался по сути Кёнигсбергом, не прирос к пышному телу России-матушки. Но попробуйте у них же спросить, надо ли возвращать Голанские высоты или Техас, и вы наткнетесь на взгляд все того же дознавателя НКВД.

Однако вернемся к классовой любви. Ее всеми силами пытаются привить той части населения, которая в социализме оставила больше, чем приобрела при капитализме, ведь дефицит денег – не лучше дефицита советской торговой сети. Ели у Евгения Дода (а ведь он такой не один) только премия под триста миллионов рублей, значит, кому-то на нормальную зарплату денежных знаков вообще не хватит. Да, рынка без классовой розни не бывает. Но чаще почему-то говорят о нелюбви бедных к богатым, забывая, что чувство это взаимное. А вот кто кого не любит больше – это ещё вопрос.

В каком-то телеспоре, кажется, на «Суде истории», речь зашла о событиях октября 1993-го, и режиссёр Павел Лунгин, выходец из семьи знатных советских киношников, обладатель французского, кажется, паспорта, автор полнометражного рекламного ролика «Олигарх», вспомнил, какие ужас и отвращение он испытал, встретив тогда на улицах Москвы орды красно-коричневых. Так пресса именovala людей, выступавших против разрушения экономики и погрома страны под видом реформ и нового политического курса. С тем, что возмущение

было справедливым, а действия властей, включая расстрел парламента, даже за давностью лет не имеют оправдания, теперь никто не спорит: ну, погорячились от чистого сердца, зато власть и страну сохранили. Нет бы им «погорячиться» в августе 1991-го, но тогда их интересовала лишь власть, а не целостность страны. Судя по словам режиссера, осадок, а именно – отвращение к справедливо возмущившемуся народу – у него остался. Лунгину даже в голову не пришло, что он тоже мог вызывать отвращение у «красно-коричневых», если не своим видом, то уж точно – фильмами. Увы, классового диалога у нас не получается. Основное население продолжает говорить по-русски, а нувориши и их креативные клиенты давно перешли на трансатлантическое эсперанто.

Итак, подытожу: если булыжник оружие пролетариата, то антисоветизм – оружие компрадорской буржуазии. Сказано, соглашусь, немного в лоб, как-то по-агитпроповски. Но ничего не поделаешь: на голой правде рюшек нет.

7. Блудные дети

Называется это антагонизм. И как бы нувориши не убеждали себя и других, мол, просто бог первичного накопления поцеловал их в темечко, никто не верит. Все отлично понимают: нельзя за символическую сумму, занятую у казны же, или за наволочку грязных ваучеров купить комплекс, который страна строила две пятилетки, а потом его обанкротить, выгнав рабочих и открыв рынок западным фирмам. Мы что, не помним стрельбу 90-х и кладбищенские кварталы, где лежат не успевшие или не захотевшие выхватить свой кольт?! Ладно, если бы почти задарма получив себе общую собственность, они её приумножали, наращивали, поднимали страну, можно было бы и придавить жабу справедливости. Так ведь нет, наоборот, транжируют, рушат, свинячат, сплавляют за границу, изображая там северных махараджей, а потом чуть что, как дети к няньке, бегут за помощью к власти: «Спасите – кризис! Мой банк вот-вот лопнет!» А вы думали, капитализм – это рождественская подушка, под которой всегда подарки? У Диккенса банкроты вешались, а наши бегут в Кремль, и президент принимает их, как рембрандтовский отец блудных детей. Взрослыми они становятся, только когда вьют гуртами в Куршавель девок и за наши деньги дворцы в Ницце скупают.

Да ещё при этом считают нас быдлом, Почему? Мне понятно: тех, кто смиряется с несправедливостью, всегда сначала

презирают, а потом очень удивляются, если те вдруг забудят. Так было в первую русскую революцию, когда только в Московской губернии сожгли чуть не половину помещичьих усадеб. Выводов тогда не сделали. Понятное дело: инородцы смутили мирных селян. В Первой конной, наверное, тоже одни инородцы воевали. Бабель, например... Увы, классовое чванство до добра не доводит. Наша история учит этому, учит, даже не указкой – оглоблей, а все не впрок.

Недавний скандал на Дальнем Востоке с невыплатами работникам рыбного комбината показал: «капчванство», рвачество, цинизм хозяев жизни неистребимы. Они могут жертвовать на храмы, синагоги, мечети, соблюдать посты, даже, если очень провинились, стадион городу подарить, но при этом морить и гнобить тех, кто на них вкалывает. Как бы много у них всего ни было, им всегда кажется, что у них мало, а как бы мало у нас ни было, им всегда кажется, что у нас много. Увы, классовый эгоизм сидит в человеке на биологическом уровне. В ту дальневосточную историю вмешался Путин. А если бы не вмешался? Законы тяготения нельзя заменить натянутой верёвкой, даже очень прочной. Вот такой ё-мобиль...

8. Откуда дровишки

Почему-то считается, что происхождение капитала не имеет никакого значения. Имеет! У меня в одной пьесе есть фраза, которую неизменно зрители награждают аплодисментами: «Украсть не стыдно, а спросить, откуда столько денег, неприлично! Почему?» Я бы к каждому дорогому лимузину на лобовое стекло прилепил плакат: «А ты объяснил обществу происхождение своих богатств?» Объяснит, компенсирует, покается, докажет, что, пользуясь нашей с вами частью народной собственности, он принёс обществу пользу, пусть едет дальше. Наивно? Даже смешно? Возможно. «Не укради!» – тоже вроде сказано без затей, однако иногда работает. Западные миллиардеры давно стараются не раздражать рядовых налогоплательщиков наручными часами, стоящими дороже кремлёвских курантов, Классовый мир хрупок.

В нашей народной традиции большие деньги всегда воспринимались как тяжкая ноша, крест и ответственность. Не случайно была так развита благотворительность. Накопленное долгими и тяжкими трудами дарили родному городу, отдавали монастырям, богадельням... Кому жертвуют нынешние нувориши? Я не знаю. Впрочем, про одну щедрость помню:

купленные яйца Фаберже были показаны соотечественникам. Не подарены, как это сделал Третьяков, а лишь предъявлены. Помню, у «младореформаторов» часто проскакивала мысль: мол, неважно, как заработаны начальные деньги, пусть даже криминально (а иначе их и добыть-то нельзя), зато во втором или третьем поколении миру явятся цивилизованные предприниматели. Со временем стало очевидно: как заработаны деньги – это не пустяк, не «виньетка ложной сути», это очень важно! Прогнозы, мол, через поколение внуки диких капиталистов станут новыми Морозовыми и Мамонтовыми, не оправдываются. Увы! В семье трамвайного щипача фасон одежды оценивают только с точки зрения доступности карманов.

Но главная беда в том, что несправедливость, злоупотребления и аморализм 1990-х, включая прямое предательство государственных интересов, – все это так и осталось не осуждённым, хотя бы морально. Меня часто спрашивают: «Тебе-то легче будет, если ославят (даже не осудят) всю эту ваучерную гоп-стоп-компанию?» «Да, легче, и не только мне!» Прошлое зло, так и не названное своим именем, нам мешает жить сегодня. Простите за мрачное сравнение, но это, как упырь, не пригвождённый по легкомыслию осиновым колом: продолжает бродить вокруг нас, кусая здоровых, нормальных, бесконечно воспроизводя себе подобных. Когда новобранцам бизнеса и госслужбы говорят ныне, что теперь мы живём и работаем по-честному, без офшоров, откатов, взяток, они ухмыляются: «Эге, сами-то хапнули так, что защёчные мешки до земли висят, отделались отеческим «ай-ай-ай, понастроили вилл, а нас, значит, за лохов держите!» От такой ухмылки совсем недалеко до момента, когда молодого перспективного губернатора со светящимися пальчиками ведут на нары.

То же самое в нашей политической жизни. События 1993-го и 1996 годов в общественном сознании остались молчаливым признанием того, что победителей не судят, даже если они ради укрепления демократии разбомбили собственный парламент, переизбрали в президента, взвинтив никакой рейтинг, вечного отпускника с ядерным чемоданчиком. Помните про «крепкое рукопожатие» Ельцина? Так вот, оно до сих пор нам «каменной десницей» сдавливает глотку. Едва приятель-либерал начинает мне жаловаться на авторитаризм власти, я его спрашиваю: «Ты же радовался, когда расстреливали Белый дом? Терпи. Согрешить легко – лечиться потом долго...» Кто в итоге выиграл? Только те, кто боялся ответственности за содеянное и сворованное. Казалось бы, теперь, через двадцать лет, когда иных уж нет, а те долечиваются, ошибку можно, нужно признать и осудить

совершенное, чтобы в нашей политической жизни такого больше не было. А вот и нет, нас исподволь с помощью лукавых СМИ убеждают: ничего не поделаешь, так история распорядилась. История распорядилась сжечь миллионы евреев в печах. И что теперь – забыть да простить? Но мне снова показывают в «ящике» Чубайса, со слов которого можно подумать, что в коробке из-под ксерокса он нёс России светлое будущее. Лучше бы не донес! Тактическое враньё в политике возможно и даже порой неизбежно, но стратегическое враньё – это путь в пропасть.

Тогда, в 1990-е под палёную водку и разговоры о свободе в нашу жизнь почти мгновенно вернулись хорошо известные по классике нравы капитализма. А вы думали, мировая литература из вредности бичевала буржуазную мораль? Нет, она-то знала, о чём говорит. Однако теперь никуда не денешься, мы живём в мире взбесившихся денежных знаков. Можно, конечно, ещё раз попытаться построить социализм, рыночный, да еще с человеческим лицом, однако, судя по благодушной физиономии бессменного Геннадия Зюганова, дело это в ближайшие годы бесперспективное. Остаётся лишь облагораживать козью морду капитализма с его рогами и копытами. Диких сограждан, даже очень богатых, надо одомашнивать, «патриотизировать», чтобы не смели паразитировать, воспитывать, даже дрессировать с помощью общественного мнения и закона, который у нас в отношении небедных граждан пока мягок, как фаллос ветерана труда.

Есть, впрочем, и третий путь – революция. Сначала справедливость на руинах, затем долгое восстановление поголовья середняков, мещанские канарейки, занавески, герани... И, наконец, внуки победивших революционеров становятся буржуа.

«Как не так! – сказал Архип, с злобной улыбкой взирая на пожар...»

«Свободная пресса», 2016

Вычеркнуть себя?

Киев заявил, что продолжит кампанию по переименованию улиц и площадей Украины. На этот раз предлагается поменять все названия, в которых так или иначе употребляется Москва.

Прием не новый. Таким путём в своё время пошли прибалтийские республики, считающие, замечу, себя европейскими странами. Обретшая независимость Литва постаралась зачистить присутствие у себя и польского, и еврейского наследия (хотя Вильнюс в своё время считался Северным Иерусалимом). Латыши старательно затирают следы многовекового немецкого присутствия. Эстония пытается «забыть» шведское владычество. Но, конечно, старательнее всего эти три лимитрофа истребляют память о том, что их государственность сформировалась в лоне российской цивилизации. А премьер-министр Польши в своем выступлении в ООН, проклиная времена коммунистической оккупации, забыл как-то упомянуть о том, что Польша вместе с Германией готовилась напасть на Советский Союз, а потом, после Победы, став союзником СССР, по настоянию Сталина страна значительно увеличила свою территорию за счет немецких земель. В том же духе сегодня поступает ИГИЛ, уничтожая Пальмиру и прочие ценности древнейшей, но не мусульманской культуры.

Земли, с которых Киев пытается нынче вымарать упоминание о России, о Москве, и раньше, и сейчас были по преимуществу русскими по языку и культуре. Убирать в том же Харькове русские названия – такая же нелепость, как убирать их, к примеру, в Можайске или Брянске. Не случайно первая столица Украинской ССР была именно в Харькове, где преобладали русские рабочие, а столица собственно «гетманщины», напомним, – в Глухове. Там бы и сидеть нынешней киевской власти, поражающей всех своей глухотой к здравому смыслу. Неужели им не понятно, что вымарывай – не вымарывай русские топонимы с карты, превратить Малороссию и Новороссию в Галичину не удастся. Да, западная часть страны формировалась в составе Польши, Германии, Австро-Венгрии, и для нее Россия в самом деле – чуждый мир. Но заставить остальную часть Украины забыть, что она – часть русского языкового, культурного и историко-политического мира – нонсенс!

Как правило, к подобному приёму «перекодирования общественного сознания» прибегают начинающие этнократические государства, когда хотят стереть из своей истории следы более мощной и высокой цивилизации,

которой они и обязаны своим появлением на свет. Ну, как Эстонии сегодня признаться, что Петр Великий не только отвоевал, но и купил эту территорию у шведов за два с половиной миллиона золотых «ефимков», а Николай Первый открыл в Ревеле первую школу, где учили на эстонском языке. Конечно, обидно, когда твоя государственность не плод многовековых усилий народа, а каприз большой политической игры взрослых стран. Но вместо того, что бы взрослеть эти новые государства ведут себя как капризные «инфантилы»: не нравится рисунок истории – зачеркну, сотру ластиком или порву в клочки. Смешно! А теперь о грустном: государственность, не выстраданная, а выигранная в геополитическую лотерею, так же легко и теряется. Судьба Украины тому пример. Пока она потеряла часть территории и суверенитета, но процесс пошел. Да и прибалтийским «этнотемократам» русский вопрос решать рано или поздно придется.

АИФ, 2015

Булгаков против электротeatра

*К 125-летию писателя и 50-летию публикации
«Мастера и Маргариты»*

1. Булгаковский бум

После выхода «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» на просторах СССР – от Бреста до Сахалина – грянул булгаковский бум. Все читали, обсуждали, разгадывали диковинную новинку, которая в монотонном потоке советской литературы выглядела, как тропическая рыба в переделкинском пруду. Я был в ту пору любознательным старшекласником, но роман долго не давался мне в руки. Дефицит! Первой прочитала, конечно, Москва – творческая, номенклатурная, торговая. А я, отстояв многочасовую очередь, сначала увидел иллюстрации к «Мастеру» на посмертной выставке гениальной девочки Нади Рушевой, и лишь потом моя незабвенная учительница литературы Ирина Анатольевна Осокина буквально на день-два выпросила у кого-то для меня потрёпанные номера журнала «Москва». Это было непросто: даже педагоги-словесники записывались, чтобы прочесть знаменитый роман.

Тогда, в отрочестве, самое сильное впечатление на меня произвели сатирические эпизоды и мистическая линия Воланда с компанией. Через много лет именно страницы, посвящённые нравам Массолита, вдохновляли меня при написании романа-эпиграммы «Козлёнок в молоке». Я и эпиграф-то взял из булгаковского письма к Сталину. Но о нём ниже. Кстати, именно тогда читатели начали смотреть на суетных и корыстных писателей глазами оскорбленного насмешника Булгакова. 1990-е годы только подтвердили его правоту. Помню, в конце 1980-х я зашел в кабинет к очень крупному начальнику и отрекомендовался: «Поляков, секретарь союза писателей...» «А-а, из Массолита... Ну, садитесь...».

Тем временем вся страна влюбилась в Кота Бегемота. И перебежавших дорогу черных кошек рассматривали (я в том числе) прежде всего с точки зрения сходства с персонажем знаменитого романа. Зато любовная линия меня почти не задела: я не понимал, как это замужняя женщина может пойти с первым встречным, пусть даже и мастером, только потому, что этому незнакомцу не понравились её «отвратительные, тревожные жёлтые цветы». Да и Мастер, который не помнил имени своей

предыдущей жены, вызывал недоумение. Я в ту пору еще не понимал законов высокой условности. Впрочем, дьякон Кураев утверждает, что бывшую супругу, служившую вместе с Мастером в музее, арестовали, и забывчивость героя имеет репрессивное происхождение. Возможно, хотя и маловероятно.

Зато мне было жаль мужа Маргариты, молодого, трудолюбивого и порядочного человека, талантливого изобретателя. Скучного? Так не надо было выходить замуж за скучного. Кто неволил-то? Социализм освободила женщину от продажности буржуазного брака. Впрочем, то обстоятельство, что Маргарита по окончании романа о Пилате, заскучала и снова стала уходить на «прогулки», наводит на некоторые размышления. При этом мне очень нравилась Гелла. Я с острым юным эротизмом видел перед собой завязки её ажурного фартучка, потерявшиеся в ложбинке меж ягодицами. А философско-религиозных глав я просто не понял по возрасту и недостатку образования. Ходили смутные разговоры, мол, самые острые места, язвящие «совдепию», в журнальной версии подчистили, однако когда со временем я прочитал полную версию, то понял: советская редакция вела себя вполне деликатно. Потом, став редактором «Московского литератора», я убедился: цензоры (уполномоченные Главлита) были людьми весьма начитанными, широко мыслящими, но дисциплинированными.

Вскоре знакомая девочка из торгово-распределительной семьи пригласила меня на «Таганку», где шла инсценировка «Мастера и Маргариты» в постановке Любимова. Попасть на спектакль было так же невозможно, как сегодня – на концерт Челентано, доставленного спецбортом для разового выступления в рублёвском имении какого-нибудь бугра из «Роснано». Вешалки, с которых начинается театр, поразили меня тесным обилием дефицитных дублёнок и шуб. Гардеробщица с недоумением приняла мое потрёпанное пальтецо на рыбьем меху. Девочка, обутая в долгополую и к тому же вышитую дубленку, застеснялась. Хорошо помню актрису Шацкую, она летала над сценой на канате, изумляя строгую публику чуть приобнажённой грудью. Воланд в исполнении Смехова был похож скорее на басовитого директора комиссии, уставшего от нудных покупателей. Он и распродажу французского тряпья устраивал в этом духе, мол, подавитесь. Когда же в зал швырнули оторванную тряпичную голову болтливой конференсье, зрители ахнули, а моя спутница испуганно прильнула ко мне. Впрочем, ничего у нас не вышло. Видимо, я не прошёл, как теперь выражаются, «дресс-контроль».

В моей личной библиотеке роман «Мастер и Маргарита» появился в 1979 году. Это был изумрудный том «Избранного», выпущенный «Худлитом» и продававшийся в «Берёзке» за валюту и чеки Внешторга. Забавный факт, если вспомнить, с каким сарказмом Булгаковым написана знаменитая сцена в Торгсине. Я заплатил приятелю-спекулянту за книгу 60 рублей. Чтобы масштаб цен стал понятен, скажу: в ту пору моя зарплата корреспондента «Московского литератора» составляла 120 рублей. Возьмите нынешний средний месячный доход россиянина, разделите пополам, и вы поймёте, на какие жертвы шёл советский библиофил, чтобы иметь на полке заветный том.

2. Странное возвращение

Пожалуй, появление «Мастера и Маргариты» было одним из самых серьёзных ударов по официальной версии советской литературы с её иерархией, уходившей корнями в идейно-художественную борьбу 1920–1930 и 1950–1960-х годов. А литературная борьба, нравится это кому-то или нет, в свою очередь отражала политическую судьбу страны, тяжкую и суровую, как и всякая послереволюционная история. И если до революции писатели хотели быть политиками, то после революции они вынужденно стали политиками, чтобы выжить или пожить. В мои школьные годы в учебниках Демьян Бедный ещё слыл классиком, а Николая Заболоцкого, например, как бы не существовало. Когда в фильме «Доживём до понедельника» учитель-интеллектуал (его играл Вячеслав Тихонов, загримированный как-то не по-русски) запел, аккомпанируя себе на рояле, стихи Заболоцкого про иволгу, знающие люди восприняли это как тонкий вызов официальной литературной иерархии. Тогда же вошло в моду в спорах о фронтовой поэзии, упоминая Самойлова, опускать Твардовского. О Свиридове начали поговаривать: «Хоровик. Что с него возьмешь?» Следующим этапом стало оспаривание авторства Шолохова, чтобы, так сказать, «ударить по штабам».

В тогдашнем классическом советском наследии имелось немало имён, чьё творчество было явлено массовому читателю лишь частично: Бунин без «Окаянных дней», Всеволод Иванов без романов «Кремль» и «У», Пастернак без «Доктора Живаго», Пильняк без «Повести непогашенной луны», Платонов без «Котлована» и «Чевенгура» (часть романа под названием «Происхождение мастера» была напечатана при Брежневе), Ахматова без «Реквиема», Гроссман без второй части эпопеи «За

правое дело!», Булгаков без «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Собачьего сердца»... Все эти вещи даже не упомянуты в первом томе «Краткой литературной энциклопедии» 1962 года. К слову, словарная статья о великом писателе, крошечная, без фотографии, не превышает размером стоящий рядом текст о мемуаристе-толстовце Валентине Булгакове. Для сравнения: в том же томе статья о супостате Михаила Афанасьевича – драматурге Биль-Белоцерковском втрое больше да еще снабжена портретом мэтра и снимком из спектакля «Шторм». Каково? Однако надо признать: в профессиональном сообществе при определении значения автора «по гамбургскому счёту» (выражение Виктора Шкловского, гнобившего мастера вместе со всеми) эти «потаённые» тексты негласно учитывались, хотя в литературоведческих трудах почти не фигурировали, за исключением, пожалуй, мемуаров.

В 1972 году я поступил на факультет русского языка и литературы Московского областного пединститута имени Крупской и хорошо помню: в курсе советской литературы Булгакову отводилось буквально несколько слов, в основном речь шла о пьесе «Дни Турбиных». А ведь и «Мастер и Маргарита», и «Белая гвардия», и «Записки юного врача», и «Театральный роман» были к тому времени опубликованы и возлюблены читателями. Советская филология не спешила раздвигать ряды классиков, чтобы втиснуть туда же и Булгакова. В ней ещё большое влияние имели распорядители прошлой эпохи, застрельщики жёстких чисток и проработок, впрочем, остепенившиеся, ставшие академиками и мэтрами, как Шкловский или Кирпотин...

К тому же, бурная читательская любовь, не санкционированная званиями, премиями и наградами, всегда вызывала у литературных комиссаров в пыльных шлемах подозрение. А Михаила Афанасьевича читатель полюбил сразу и навсегда. Наш заведующий кафедрой советской литературы тучный Фёдор Харитонович Власов, добрый дедушка и исследователь творчества Леонида Леонова, на вопрос пытливой студентки о значении Булгакова поморщился и отмахнулся: мол, не фигура, не мыслитель – в отличие от автора «Русского леса». Впрочем, это ещё полбеды: поэта Евтушенко он считал почему-то женщиной и звал *Евгенией* Евтушенко. Скорей всего, то было старческое озорство человека, когда-то определявшего силовые линии идейно-творческих полей и сосланного теперь в заштатный пединститут.

По моим наблюдениям, Булгаков входил в наше общественное сознание как-то странно, дискретно, что ли,

какими-то фрагментами, которые долго не складывались в грандиозное целое. По крайней мере, так казалось мне, а ведь я был не только студентом-филологом, но и начинающим литератором, допущенным к изустным секретам советской литературы. Например, глотая «Мастера и Маргариту», я и сам не сразу сообразил, что это тот же самый Булгаков, который написал биографию Мольера в «ЖЗЛ», – её я прочёл ранее. Книга поразила меня, школьника, какой-то лихостью, не характерной для этой мемориальной серии, пропитанной пиететом, удивила свободой обращения с жизнью мирового классика, словно автор вёл речь о своей литературной ровне. Да, только Михаил Афанасьевич мог вместо пролога поместить разговор с повитухой, которая держит на руках недоношенного младенца – будущего автора «Тартюфа».

А вот ещё одно наблюдение. Из 60 миллионов советских зрителей, посмотревших в 1973 году комедию Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», немногие заметили, от души хохоча, что это экранизация булгаковской пьесы «Иван Васильевич», шедшей, кстати, в Театре киноактёра. Во всяком случае, когда я обратил на это внимание своих друзей, они искренне удивились, хотя к первоисточнику отсылали крупные, во весь экран, титры. Между прочим, и в русской части 200-томной, весьма обстоятельной «Библиотеки всемирной литературы», выпускавшейся с конца 1960-х по середину 1970-х, тома Булгакова не оказалось. Помните? А ведь входившие в редколлегия Николай Тихонов и Константин Федин наверняка знали цену автору «Мастера и Маргариты». Впрочем, ревность к таланту литературного сверстника способна исказить историю словесности до неузнаваемости.

Почему же возвращение Михаила Булгакова не было столь безусловным и одномоментным, как, допустим, Бабея или Цветаевой? Думаю, тут важны несколько моментов. Первый. Булгакова никогда не запрещали совсем, и возвращался он не как жертва политической борьбы, а просто как большой писатель, не уместившийся в своём прокрустовом времени. Напомню, в отличие от многих архисоветских авторов он умер в своей постели, а не на нарах или у расстрельной стенки. В СССР попутчикам жилось безопаснее, чем соратникам, ушедшим в уклон или оппозицию. Судьбы Бабея, Нарбута, Кольцова, Киришона или Пильняка – тому пример. Зато потом, в «оттепель», жертвы политической борьбы шумно реабилитировались уцелевшими единомышленниками и одноплеменниками, которые в 1960–1980-е годы доигрывали конспирологические партии, начатые в 1920-1930-е.

Второй момент. Булгаков обладал чисто русским взглядом на мир и, соответственно, – национальным художественным даром. Такой, знаете ли, бывает, например, у Шевченко или Шолом-Алейхема. Но реализовывать свой дар писатель был вынужден в литературно-театральном пространстве, где господствовали лютей интернационализм и лукавая русофобия, прикрытые «земшарными» блузами и френчами. Мастер дожил-таки до частичной реабилитации русской традиции, даже подал заявку для участия в конкурсе на новый, патриотический учебник истории, призванный заменить классовый кошмар школы Покровского. (Если учебник был написан и сохранился в архивах, хорошо бы найти, издать!) И, думаю, дело тут не только в крупной премии, обещанной правительством и сопоставимой с лотерейным выигрышем Мастера, но и в желании поквитаться за унижения своего народа в предшествовавший период, когда Бухарин всех русских объявлял «нацией обломовых». Достаточно вспомнить возмущённую запись в дневнике после посещения редакции журнала «Безбожник»:

«Сегодня специально ходил в редакцию «Безбожника». Был с М. С., и он очаровал меня с первых шагов.

– Что, вам стекла не бьют? – спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

– То есть как это (растерянно).

– Нет, не бьют (зловеще).

– Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос...

Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходуется. В редакции сидит невероятная сволочь...

– Как в синагоге, – сказал М., выходя со мной...

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен... Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены.

Однако к концу 1930-х, когда «националистический нэп» (выражение тех времен) набрал силу, писатель был уже безнадежно болен. Да и последний его роман не вписывался по всем своим параметрам в ту прощенную и разрешённую часть русской культуры, которую поощрял новый, национал-большевистский курс. Русскую традицию реабилитировали лишь настолько, насколько она могла быть полезна многонациональной советской империи. А когда русская самость слишком поднялась после войны, ее прихлопнули жутким

«ленинградским делом», по кровавости не сопоставимым с гонениями на космополитов, тоже весьма суровыми.

И, наконец, третий момент, объясняющий «дискретное» возвращение Булгакова. Он один из немногих, кто в сверхполитизированные 1920–1930-е годы писал так, как хотел, повинаясь лишь своей внутренней свободе. Помните:

«– О чем роман?

– Роман о Понтии Пилате.

Тут опять закачались и запрыгали язычки свечей, задребезжала посуда на столе, Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил. Бегемот почему-то заплодировал.

– О чем, о чем? О ком? – заговорил Воланд, перестав смеяться. – Вот теперь? Это потрясюще! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху...»

Несколько упрощая и осовременивая тему, можно сказать, что мастер существовал вне тогдашних «букеров», «больших книг», «золотых масок» с их идеологическими, тематическими, клановыми, мелко конъюнктурными, а то и просто меркантильными установками. Тогда, например, было выгоднее ненавидеть царскую Россию, великодержавный шовинизм, «нацию обломовых». Сегодня доходнее презирать СССР, «русский фашизм», «совков». Какая разница? Никакой. Русофобия – дама модная и всегда драпируется в идеологические тряпки из последней сезонной коллекции.

Да, репертком Булгакова не любил. А что, разве нынешний «агенпоп» (агентство по печати) любит самостоятельных писателей, обладающих оригинальным, да ещё русским даром? Нет, не любит. «Реперткомы» начинают понимать оригинальность только после того, как она запущена в серию. Этим и объясняется, что сочинения, попадающие в короткие списки нынешних премий, похожи друг на друга, как штампованные сувениры. Таковы же фильмы и спектакли. Штопор в виде возбуждённого фавна – правда, занятно? А если таких фавнов целая полка!?

4. Золотая норма

И тут я хочу поделиться некоторыми своими соображениями о природе писательского дара. Почему одни авторы выпадают из нашего зрения при первом же извие литературного процесса, как оставшиеся за кормой прибрежные избушки, другие ещё некоторое время маячат за поворотом русла, точно обглоданные

атеизмом колокольной, а третьи светят всегда, подобно звёздам над головой? В чём дело? В авторской установке на вечность или сиюминутность? Нет. Любой нормальный писатель садится к столу, взыскав вечности. Циничные борзописцы не в счёт, они к литературе имеют такое же отношение, как бывалые девицы по вызову к тайне любви. Помните, даже графоман Рюхин ревновал к славе Пушкина, конечно, понимая её по-своему: «...Что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «буря мглой»? Не понимаю!.. Повезло, повезло... Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...» Кстати, Шарику тоже «свезло» – профессор Преображенский сделал его человеком. Примерно так же в те годы из малограмотных ударников и рабкоров с помощью массового призыва в литературу пытались лепить новых властителей дум. Почти все они вскоре, как и прооперированный пёс, вернулись в первобытное состояние. Иных из «призванных», уже стариками, я застал в 1970-е слоняющимися по Дому литераторов в ожидании дармовой рюмки. Интересно, вкладывали автор «Собачьего сердца» и эту окололитературную аллюзию в свою знаменитую повесть?

Между прочим, конец прошлого и начало нынешнего века ознаменовалось массовым призывом филологов в литературу. Логика та же: если человек знает историю литературы, читал основополагающие тексты, безошибочно отличает метонимию от литоты, то из него обязательно выйдет писатель. А вот и нет. Количество филологических знаний не переходит в качество художественного таланта, подобно тому, как от массажа дамского живота, даже весьма темпераментного, дети не зачинаются. Результат у всех перед глазами: при обилии олауреаченных сочинений найти талантливую книгу очень трудно. У меня от нынешнего литературного процесса странное впечатление: будто сотни безголосых преподавателей сольфеджио набились на сцену Большого театра и запели хором. Ужас!

Но вернёмся к тайне ремесла. Почему одни книги уже через десять-двадцать лет читать невозможно, а другие продолжают нас волновать? Почему одни устаревают, а другие почти нет? И что именно устаревает в первую очередь? Тема, жизненный материал? Но ведь история «Барышни-крестьянки» невозможна без крепостного состояния, а, поди ж ты, волнует нас и через сто пятьдесят лет после отмены «рабства дикого». По моим наблюдениям, главное устаревание текста происходит на языковом уровне. Попробуйте сегодня почитать «Красное дерево» Пильняка! Прочсть-то прочтёте, конечно, но это будет серьёзное

филологическое занятие. Затрудненное чтение, как и затрудненное дыхание, радости не приносят. Кроме того, когда устаревают приметы текущего быта, актуальные намёки, шпильки и затрещины литературно-политической борьбы, многие сочинения делаются просто скучными. Становится ясно: они были не талантливы, а лишь казались или провозглашались таковыми. Увы, в литературе много званных, меньше избранных и совсем мало одарённых тем, что необходимо для долгого читательского успеха.

Речь, прежде всего, о двух главных качествах – абсолютном языковом слухе и даре рассказчика. Они даются от рождения, выработать их в себе нельзя, можно лишь симитировать, чем многие и занимаются, иногда не без внешнего успеха. Сизифов подвиг Солженицына тому пример. Чаще всего сами авторы не чувствуют отсутствия у себя этих базовых качеств. Так, избалованная родней дурнушка недоумевает, почему за порогом отчего дома никто не замечает её очевидную красоту. Таким авторам кажется: чтобы ухватить живой язык, достаточно зайти в народ, побегать по цехам, пивными помойкам с блокнотиком или, как теперь принято, «погуглить». И вся недолга! Нет, далеко не вся. Так, за два десятилетия увлечения «вербатимом» та же «новая драма» не дала нам ничего годного даже для самого непритязательного репертуара. Премии? «Золотая маска»? А это теперь как нагрудный знак «Молодой гвардеец пятилетки». Не более того... Некоторое время иллюзия успеха поддерживается критикой, она замечает и выдвигает именно такую «актуальную современность» в литературе или драматургии, норовя при каждом удобном случае «ударить по пилатовщине». Иной критик напоминает мне теоретическую балерину, никогда не стоявшую на пуантах, зато знающую, как их правильно завязывать.

Многие зоилы Булгакова искренне не понимали, чем он лучше Артёма Весёлого или Фёдора Гладкова. Другие понимали и за это не любили его ещё больше: чужой не может быть талантлив по определению. Не забудем, Булгаков пришёл в отечественную словесность, когда из неё систематично и жёстко изгонялись не только русский дух, но и буква: уже было подготовлено решение о переводе орфографии на латиницу, многие национальные языки на неё перевели. Если бы не заминка с мировой революцией и не приход к власти фашистов, отрезвивших кремлёвских мечтателей, мы вполне могли бы сегодня вести речь о писателе Bulgakove и его романе «Master i Margarita». Именно в 1920-е начала складываться «двухобщинность» русской словесности, которой, в отличие от национальных литератур, почти не коснулась политика «коренизации», т. е. государственной поддержки

национальных кадров во всех сферах. Наоборот, до середины 1930-х в русской литературе шел процесс «искоренизации», от слова «искоренить». Он-то и привел к расколу. Именно политика, а не эстетика сделала антиподами, скажем, Павла Васильева и Эдуарда Багрицкого. Власть, спохватившись, пыталась в 1940-1970-е бороться с этим процессом размежевания или хотя бы замедлить его, но тщетно – «двухобщинность» окончательно оформилась, победив в 1991 году. Теперь, скажем, Василий Аксёнов и Василий Белов, в сущности, принадлежат к почти разным литературам. А главный вопрос нашей «двухобщинной» словесности можно свести к фразе из комедии «Иван Васильевич»: «Ты чьих будешь?»

Булгаков вызывал у собратьев по цеху не только идеологическое и клановое раздражение, но и чисто профессиональное, ибо принадлежал к тем немногим писателям, которые ощущают родной язык на уровне «золотой нормы». Именно она остаётся после того, как спадёт вербальная пена эпохи, и она, «золотая норма», действительно добывается, как радий, из «тысячи тонн словесной руды». Прав был Маяковский, обладавший тем же даром, потому и оставшийся в поэзии едва ли не один из всего бутафорски-пошивочного цеха супругов Бриков. Неслучайно Булгаков и Маяковский общались на равных, хотя и недолюбливали друг друга. Вспомним хотя бы эпизод, когда «горлан-главарь» подсказал мастеру фамилию для злодея-учёного: Темирязев. Гениально! Однако Михаил Афанасьевич назвал своего профессора Персиковым.

На каком-то подсознательном уровне писатели с таким даром чувствуют, в каком направлении будет развиваться язык. Именно этот «будущий» язык и ложится в основу индивидуального стиля. Особо рьяным современникам манера таких писателей часто кажется старомодной, не поспевающей за обновлением мира и общества. А речь всего лишь о продвинутом языковом консерватизме. Соратники-футуристы пошли гораздо дальше Маяковского. А толку? Проза зрелого Булгакова вообще на фоне «производственного романа» тех лет кажется приветом из классики XIX века. И что? Бежать за новизной – это как догонять по шпалам ушедший поезд. Лучше подождать в станционном буфете, пока состав тронется в обратный путь. А с новизной это случается всегда, она обязательно сдаёт назад.

Теперь о втором неперменном качестве писателя. Он должен обладать врождённым даром рассказчика, а это примерно то же самое, что и талант мелодиста в музыке. Он или есть, или его нет. Речь не об умении закрутить сюжет, выстроить интригу, поддержать динамику. Нет! Этому можно научиться даже в

Литинституте, если попадешь к хорошему руководителю семинара. Речь совсем о другом – об умении превратить в сюжет интонацию, саму манеру повествования, склад речи. Это дано немногим. Булгаков таким даром обладал. Из моих старших современников на такое был способен Владимир Солоухин, за что его терпеть не могли филологические прозаики, ушибленные Прустом. Этим же даром, без сомнения, обладал Фазиль Искандер, а также Юрий Нагибин, но лишь до того, как повредился на почве национальной самоидентификации.

5. Литературный волк и стриженные пудели

Совокупность этих двух талантов – языкового слуха и дара рассказчика – сразу неизмеримо поднимает писателя над коллегами по перу. Конечно, Булгаков, как те же Алексей Толстой и Андрей Платонов, ощущал своё превосходство над большинством современников, и это сквозит в его поведении, в быту, в манере одеваться. Знаменитый галстук-бабочка – это, как бы мы сейчас сказали, сознательный маркер избранности, как и грубый свитер Хемингуэя. Михаил Афанасьевич даже письмо Сталину в 1931 году при всей тяжести написал так, как не мог позволить себе никто другой. Я при цитировании постарался сохранить строфику и выделенные автором фрагменты. Судите сами:

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

*«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо было для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; **перо писателя нечувствительно переходит в сатиру...***

*... мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то больше самопожертвование и что именно для службы моей отчизне **я должен буду воспитываться где-то вдали от неё.***

... я знал только, что еду не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорее, чтобы натерпиться, – точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от неё».

Н. Гоголь»

Это эпиграф. Вы поняли? Письмо вождю с эпиграфом. Оригинально, согласитесь! Я вот написал не одно письмо президенту Путину о трудностях «Литературной газеты», но ни разу не догадался предпослать эпиграф. (Может, и к лучшему, ведь вождь в отличие от президента автору не ответил) И далее Булгаков без всякого перехода и мотивации этой обширной гоголевской цитаты высказывается по существу вопроса:

«Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1930 года.

Сообщаю, что после полутора лет молчания во мне с неудержимой силой загорелись новые замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я страдаю тяжёлой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикован.

Причина болезни моей мне отчётливо известна. На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли, стриженный ли волк, он всё равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком...»

Сам помучившись в своё время с «фобическим неврозом», могу утверждать: более точного описания этого болезненного состояния я ни у кого не встречал: «припадки страха и предсердечной тоски». Не сердечной, а именно – предсердечной. Лучше не скажешь! Кто страдал – поймет. Зачем понадобилась такая откровенность? Витали слухи, что у генсека тоже с нервишками проблемы, а общие недуги сближают. Трудно вообразить, чтобы кто-то ещё мог позволить себе отправить в высшую инстанцию письмо, выстроенное против всех правил «прошений». Обширная цитата из Гоголя следует сразу за обращением к Сталину и сначала воспринимается как слова самого Булгакова. С одной стороны, это намёк на то, что создателю «Ревизора» многолетние «загранкомандировки» не мешали знать и любить Отечество. С другой стороны, тут очевидна заявка на соизмеримость Михаила Афанасьевича с Николаем Васильевичем. Это подтверждают слова автора письма о том, что он, Булгаков, – «один-единственный литературный волк» в СССР. Какое слово тут ключевое – «волк» или «единственный»? Думаю, оба.

О «стриженном пуделе» стоит сказать особо. Именно к этой

породе Михаил Афанасьевич явно относит почти все остальное литературное сообщество за редкими исключениями. А ведь это сообщество было жёстко сформировано как раз той самой правящей партией, к лидеру которой и обращается с просьбой заявитель. В таком тоне писатели не позволяли себе говорить не то что со Сталиным, а даже с Горбачёвым, всем своим видом вызывавшим желание налепить ему на голову томатную пиццу...

Именно дерзким самостоянием, помимо замечательного таланта, можно объяснить стойкий читательский и зрительский успех Булгакова. Литератор, гуляющий, как пудель, на поводке у власти или у оппозиции, а также влекомый запахом сыра в премиальной мышеловке, устареваает быстрее, чем лозунг вчерашних выборов. Именно внутренняя свобода так бесила собратьев по перу и неистовых зоилов, недоумевавших, куда же смотрит ОГПУ. Между прочим, «Г.П. Ухов» – один из псевдонимов Булгакова. Улавливаете? Как говорится, наш ответ Киршону. Теперешним критикам, обслуживающим современную «акустическую комиссию» и гнобящим нынешних «литературных волков», чаще надо бы заглядывать в педантично составленный памятливым Михаилом Афанасьевичем список его хулителей и очернителей: «Авербах, Алперс, Бачелис, Безыменский, Лелевич, Биль-Белоцерковский, Вишневский, Киршон, Машбиц-Веров, Орлинский, Пельше, Блюм, Пикель, Рубинштейн, Циновский» и т. д. Желаете, господа, остаться в истории отечественной словесности таким же образом? Нет? Уже остались.

6. Латунские-булгаковеды

Кстати, составитель одной из последних биографий Булгакова поостерёгся включать приведённый список в свой толстый том. Неполиткорректные фамилии. Но кто же в этом виноват? Из песни слова не выкинешь. Зато Солженицын не побоялся и полностью привел список гонителей в своем двухтомном труде «Двести лет вместе». А мог ведь тоже уклониться по семейным обстоятельствам. Вообще, в сочинениях о Булгакове находишь много чепухи. Вот, к примеру, вышедшая в «ЖЗЛ» книга Алексея Варламова. Работа в целом вполне достойная, если не считать усердного антисоветизма, присущего обыкновенно отпрыскам номенклатурных семей. Но и в ней есть некоторые странности. Так, автор видит всех идейных противников Булгакова если не мерзавцами, то приспособленцами и двурушниками. Но это ведь далеко не так – у многих врагов писателя, если отбросить зависть, была своя

правда: они верили в красную идею, прошли Гражданскую войну, рисковали жизнью, победили и ожидали увидеть на литературном поле советской республики соратников и единомышленников. А тут белогвардейскую пьесу Булгакова продвигает в репертуар МХАТа чуть ли не сам Сталин. (Во всяком случае, вопрос выносится аж на Политбюро) Есть от чего взвиться! И далеко не все враги Булгакова оказались на поверку приспособленцами, многие, не согласившись с отходом от мировой революции, сгинули в ГУЛАГе, который сами же и построили для врагов социализма. Кто же знал, что социализм отчасти обрусееет и станет великодержавным! Не стоит на то сложное, противоречивое время смотреть глазами советского диссидента, подрабатывающего чтением в колхозных клубах лекций об образе Ленина в кино.

Впрочем, высказывание еще одного булгаковеда меня просто озадачило. Сообщая о браке Булгакова с Еленой Сергеевной, автор не смог удержаться от ветхозаветного восторга: «И слились две великие крови!» Как, каким образом? Общих детей-то у них не было. Странно слышать такое решительное утверждение о верховенстве крови из уст автора, который обычно в таких политкорректных вопросах боязлив, как дачный заяц. Если это аллегория и речь идёт о преодолении через женитьбу тех черт булгаковской прозы, которым посвящена книжка Михаила Золотоносова «Мастер и Маргарита как путеводитель по бытовому русскому антисемитизму» (1995), то вряд ли брак повлиял на писателя в этом смысле. Он был, по-моему, в сфере семейного строительства скорее прагматиком. Во всяком случае, история его предыдущего брака с Белозерской, наводит на подобные размышления. Следует также напомнить, Елена Нюренберг была дочерью рижского еврея-выкреста и поповны, но в семье от прежнего отцовского иудейства ничего не осталось, кроме, полагаю, родственных связей. К тому же, инородцы окраин империи явно не разделяли крайностей русофобии 1920-х годов. Они быстро поняли: латышский или украинский национализм не идет ни в какое сравнение с великорусским, так толком и не оформившимся под тяжестью державной ноши.

Нисколько не умаляя страстного сердечного влечения мастера, осмелюсь предположить: для него это был ещё и оборонительный союз, заключенный с женщиной, имевшей родственные, деловые и дружеские связи в новой советско-космополитической элите, в мире сросшихся карательных и культурных органов, где Булгаков, в отличие от того же Бабея, был чужаком. Еще один яркий пример такой «кентавризации» – Всеволод Мейерхольд, получивший немало ядовитых стрел от

Михаила Афанасьевича. Вспомним хотя бы трапедию с голыми боярами, задавившую, рухнув, реформатора сцены. Третья женитьба Булгакова чем-то напоминает мне брак Чехова с Ольгой Книппер. Кстати, родная сестра Елены Сергеевны Ольга Бокшанская служила в Художественном театре всё при том же Немировиче-Данченко. А возможно, и приглядывала за титаном. Любопытная параллель, не правда ли...

В юбилейный год, читая материалы о Булгакове, наблюдаешь глупые попытки нынешней «акустической комиссии» вогнать его в антисоветский дискурс. Я далёк от того, чтобы представлять автора «Багрового острова» адептом или хотя бы «яростным попутчиком» большевиков, но он, как и другие думающие современники, понимал: сложившийся после революции режим – это возмездие за накликаемую революцию, это если и зло, то вынужденное делать добро, хотя бы ради самосохранения. Но попробуйте сегодня объяснить это продолжателям дела незабвенного профессора Покровского в отечественной гуманитарной науке! В ответ они затянут песню про ГУЛАГ, столь же популярную среди нынешней мемориальной интеллигенции, как фокстрот «Аллилуйя» в 1920-е годы. Кстати, именно эта общественная тусовка имеет нынче гораздо большее влияние на политику СМИ, включая ТВ, нежели профильное подразделение Администрации президента. Уж, поверьте мне, израненному ветерану эфирно-строчечного фронта...

И хотя со времен посещения Воландом Москвы жизнь в стране сильно переменилась, принципы воздействия на умы сограждан остались те же. Всё-таки язвительный мастер неслучайно придумал для контрольно-указующих органов (и тусовок) кличку «акустическая комиссия», ибо замалчивание очевидного и ретрансляция нелепого – основные приёмы введения в заблуждение. А глушение – тоже вид запрета. «Акустика», точнее, сиюминутный, целенаправленно усиленный резонанс фальшивого звука, – это именно то, что сейчас мы зовем манипуляцией общественным сознанием.

Но искусственная акустика недолговечна, её результат рассасывается порой ещё до того, как очередной «любитель домашних птиц» Семплеяров вылетит из чиновного кресла. Записные акустики, сидевшие не столько в ЦК, Главлите и ОГПУ, сколько в Союзе писателей, замалчивали мастера почти полвека. Прежде всего, потому, что у него был дар и, как следствие, самостоятельность. Замалчивали. И что? Всё кончилось булгаковским бумом, когда, как справедливо тосковал Рюхин: «... Что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе!» И это воистину так! Именно Булгаков

стал одним из символов русской литературы XX века, хотя критики сначала «гнали его по правилам литературной садки в огороженном дворе», а потом просто не замечали – как умер. И где теперь они, званые, избранные, обласканные? Вы давно были на премьере Вишневого или Биль-Белоцерковского? Давно читали на ночь Бедного или Безыменского? Давно клали под подушку «Электроцентраль» Шагинян? А ведь все они любимцы акустической комиссии, лауреаты всех степеней, кавалеры всего, что висит. Они классики той, булгаковской эпохи, где самому Михаилу Афанасьевичу отводилась роль маргинала, сочиняющего на смерть глядя какой-то вздорный роман о чертях и Понтии Пилате. Где они теперь, эти классики? Зато латунские поголовно стали булгаковедами и пишут биографии мастера, используя его авторитет в сиюминутных околосредотворенных склоках, призывая ударить по «шариковщине». Ей-богу, когда я впервые увидел Смянского, то ахнул: ну, вылитый Латунский!

7. Электротетра

Шёл я недавно по Тверской улице мимо «электротетра» «Станиславский» и вспомнил вдруг, что когда-то здесь, в Московском драматическом театре имени Станиславского, впервые увидел «Дни Турбиных» в постановке Михаила Яншина с Евгением Леоновым в роли Лариосика. Кстати, вы когда-нибудь задумывались, почему автор так назвал или согласился с таким названием сценической версии «Белой гвардии»? Ну да, вроде бы понятно: литературная переключка – «Труды и дни», «Дни нашей жизни»... Но мне кажется, тут затаён более глубокий смысл. Действительно, то были их дни, дни Турбиных, небольшой период, когда исход революции и Гражданской войны зависел от того, на чью сторону станут Турбины, не только конкретная семья, описанная в романе, а шире – тот образованный, работающий и патристичный слой русского общества, чей выбор, в конечном счёте, и определил победителя. Как потом подсчитали, даже офицерский корпус, главная надежда сил реставрации, поделился примерно пополам между белыми и красными... «Так за Совет народных комиссаров мы грянем громкое “ура-ура-ура!”»

Ах, что за чудо был тот давний яншинский спектакль! И такая мрачная сегодняшняя символика: «электротетра». Прямо какая-то помесь варьете Стёпы Лиходеева с нехорошей квартирой. Напомню, именно наступлению «электротетра» насмерть противостоял драматург и режиссёр Михаил Булгаков. Нет, я не о синемаграффе, боже меня упаси! Братья Люмьеры и Васильевы

тут ни при чём. Я о той выдуманной сценической новизне, что горит не живым одухотворённым светом, а лишь рябит да прыгает в глазах, точно голые бояре на трапедии. Эта новизна словно бы подключена к тарахтящей динамо-машине, которая с одобрения «акустической комиссии» снабжает дурной энергией очередной окончательный эксперимент над искусством и здравым смыслом.

Не огорчайтесь, Михаил Афанасьевич, и этот «электротئاتр» ненадолго.

Журнал «Москва», 2016

Бутов и его полигон

Хочу поблагодарить «Вечерку» за возможность прокомментировать материал Михаила Бутова «Литературного заговора нет, а есть нехватка хороших авторов», который в Международный день писателя опубликован рядом с моим интервью, видимо, в качестве альтернативной точки зрения. Однако, никакой альтернативы я не заметил. Во врезе читаю: *«На столе перед Бутовым – огромная стопка книг. Ее ему предстоит прочесть не более чем за три-четыре недели, чтобы вскоре приступить к следующей стопке... Он будет отбирать те произведения и тех авторов, которые позже войдут в список номинантов на крупнейшую отечественную литпремию – «Большая книга».*

У любого здравого человека сразу возникнет недоумение: почему один и тот же литератор, весьма ангажированный, вот уже второе десятилетие, изнуряясь, обязан без отдыха читать (?) и отбирать книги для «крупнейшей» российской литпремии (ПБК). Кстати, таковой она стала, будучи, по сути, «дочкой» Министерства связи со всеми вытекающими материальными и информационными преимуществами перед иными премиями. Такой рекламы и денежного содержания не имеют даже правительственные премии. Монополизм ПБК привел к тому, что писателей, даже очень хороших, но не допущенных в ее орбиту, для информационного пространства, а, значит, и для большинства читателей как бы не существует. По странному стечению обстоятельств в основном это писатели патриотического направления.

Почему я считаю Бутова ангажированным? А какой же он еще, если заявляет, будто «99 % членов советского Союза писателей просто не заслуживают того, чтобы о них вспоминали! Они были порождением номенклатурной системы...» Чем-то мне это напоминает отношение того же Пролеткульта в 20-е годы к дореволюционной литературе: сатрапы царизма! А сатрапы – это «золотой» и «серебряный» века отечественной словесности. Извиняет Бутова лишь то, что его мрачный максимализм от незнания, ведь до 20 % членов СП СССР были художественными переводчиками, благодаря которым мы смогли по-русски прочитать лучшие произведения зарубежной литературы. Еще около 20 % – авторы научно-познавательных, популярно-исторических и других воспитательных книг. И все они «порождение номенклатуры»? Об оставшихся 59 % поговорим в другой раз, но замечу, что профессиональный уровень даже

самых «проходных» советских романов о рабочем классе был гораздо выше тех текстов, что из года в год попадают в «короткие списки». Кстати, отпечаток болезненного и неосведомленного антисоветизма лежит на всей деятельности ПБК.

Говорю все это со знанием дела, так как некоторое время я, как главный редактор «ЛГ», довольно близко соприкасался с ПБК, входил в число так называемых «академиков», а в 2008 году согласился на роль сопредседателя жюри вместе с А. Архангельским. Кстати, функция это чисто декоративная. То, что я увидел вблизи, подтвердил мои самые мрачные догадки. Явным лидером того года был мощный роман «Каменный мост» А. Терехова. Вторым номером шла хорошая литературоведческая беллетристика (книга про личную жизнь Ахматовой) А. Марченко. Но «экспертное сообщество» отдало вдруг первую премию беспомощному сочинению Юзефовича «Карлики и журавли», о котором, думаю, читатели «Вечерки» даже не слышали. Когда я вскрыл конверт, то сначала хотел отказаться вручать премию, как это сделал Меньшов, не ставший вручать приз фильму «Сволочи» – подлой фантазии о военном детстве. Но мне стало жаль седого Юзефовича, он же не виноват, пишет, как умеет. Вина на тех, кто крутит этот литературный «лохотрон». Молчать я не стал и сразу высказал свои претензии к ПБК и не в «ЛГ», как можно подумать, а на страницах газеты, которую выпускала сама «Большая книга». Среди прочего, предложил регулярно менять председателя «экспертного сообщества», да и сам совет чаще обновлять во избежание «сговора монополистов», ибо «эксперты» все тоже из одной реторты. Пригласите, говорил я, в модераторы критика из губернской России или из республики, и вы увидите совершенно другую литературу! Пригласили? Конечно, нет, ведь тогда пришлось бы выйти за узкий круг своих авторов, страдающих гормональным либерализмом. Но эта публика к честной творческой конкуренции не привыкла.

Объясню, как работает, «экспертное сообщество». Допустим, в редакцию ЛГ прислали новую книгу того же Бутова, а у меня есть два рецензента. Один давно всем сердцем не любит автора новинки. Второй относится к нему без предубеждений. От того, кому я закажу отзыв, и зависит, какая рецензия, объективная или намеренно разгромная, появится в газете. Конечно, я отдам книгу объективному автору, а вот сам Бутов, судя по тому, что каждый год ПБК упорно воспроизводит один и тот же «набор литературных хромосом», беспристрастностью не страдает. Отсюда и нехватка хороших авторов. Ведь если искать их только среди своих, приходится даже Б. Екимова объявлять последним

«писателем-деревенщиком». О существовании А. Байбородина, В. Личутина или В. Лихоносова Бутов, видимо, и не подозревает: эти авторы печатаются в «Нашем современнике», а не в «Новом мире», где служит наш модератор. А чужой для него не может быть талантлив по определению. Его даже читать не надо. Конечно, никакого заговора в литературе нет, есть только сытый междусобойчик за казенные деньги.

Теперь о любимом приеме моих оппонентов – переводить принципиальную критику в личную сферу. Бутов объявляет: «Книга Юрия Полякова выдвигалась на премию в самом первом сезоне, но не удостоилась благожелательности экспертов, откуда и его давняя нелюбовь к «Большой книге». А выдвигать каких-либо других писателей «Литературка», наверное, считает ниже своего достоинства». Деликатные англичане в таких случаях говорят: «Не надо экономить правду!» Бутову хорошо известно, что ЛГ никогда никого не выдвигала на ПБК, в том числе и мой роман «Грибной царь». Зачем нам пустые хлопоты? Два года назад я уже объяснился на эту тему с пресс-центром ПБК, обвинившим меня в сведение счетов и подрыве деловой репутацию «Большой книги». Позволю себе самоцитирование: «Репутации ПБК повредить невозможно, как невозможно повредить репутации женщины известного поведения... В 2005 или 2006 профессор-литературовед В. Агеносов, несмотря на мои возражения, номинировал на ПБК мой роман «Грибной царь», который не вошел даже в длинный список, о чем я профессора предупреждал заранее. С тех пор «Грибной царь» переиздан более десяти раз, экранизирован, инсценирован, переведен на иностранные языки. Если вы мне назовете хоть один роман, получивший ПБК и имевший потом такую же судьбу, я уйду в монастырь»...

В монастырь, мне, как видите, уходить не пришлось. Но и коллега Бутов продолжает игры на литературном полигоне для своих. Зачем же тогда эти мои замечания? Для власти? Нет, ее, судя по всему, устраивает либеральный перекосяк в литературной жизни страны. Писал я скорее для истории, чтобы потом, когда «либеральный пролеткульт» грохнется, как всякое ложное построение, никто не смог бы сказать, мол, «народ безмолвствовал».

«Вечерняя Москва», 2016

Как я был врагом перестройки

Попробую выразить ощущения, какие испытывает средней неизвестности литератор, внезапно прославившийся. Вообразите ничем не выдающуюся, скучно обыкновенную даму. И вот однажды, она, невестребованно задремав в одинокой постели, просыпается ослепительной красавицей. Подруги в отчаянье озирают ее скрипичную талию, переходящую в виолончельные бедра, и плачут дома перед зеркалом. А мужчины, вчера едва замечавшие простушку, теперь с мольбой заглядывают в ее глаза и с томительным зовом смотрят ей вслед. Compliments, цветы, в глазах рябит от предлагаемых рук и сердец... Вообразили?

Тогда продолжим наш рассказ.

1. Ветер перемен

Нечто подобное случилось и со мной после выхода в январе 1985-го в «Юности» моей первой повести «ЧП районного масштаба». Так бывает, молодой автор своим творческим жалом вдруг попадает точнехонько в некий общественный нерв, не обнаруженный почему-то опытными литературными иглоукальвателями. И вся читающая страна, как Иоланта, содрогается в коллективном прозрении: «Ах! Где были наши глаза?» На почти ежедневных встречах с читателями я чувствовал себя чуть ли не пророком, от которого ждут, по крайней мере, объяснения смысла жизни и политических прогнозов на ближайшие лет сто. Сначала я, конечно, робел, но потом ударился в оптимистическое визионерство. Мне верили, а число граждан, желающих немедленно со мной выпить, неумолимо росло, угрожая здоровью.

Как-то, в начале 1986 года, я пришел в наше литературное министерство – Союз писателей СССР, расположенный в «доме Ростовых» на улице Воровского (теперь Поварская). Мне надо было оформить документы для заграничной командировки, о чем прежде даже не мечталось, а тут вдруг позвали в Болгарию! Иду и вижу: мне навстречу по узкому коридору, подобно тугому поршню, движется второй человек в СП СССР Юрий Николаевич Верченко. Он был настолько толст, что на самолет ему брали два билета: в одном кресле не помещался. В коридоре разойтись с ним можно было, лишь нырнув в какой-нибудь кабинет. Что я и собирался сделать. Но этот прежде едва замечавший меня литературный генерал остановился, хитро улыбаясь, поманил

пальцем-сарделькой и спросил:

– Знаешь уже?

– Что, простите?

– Не знаешь? Тогда слушай: вчера Михаил Сергеевич хвалил твое «ЧП» на Политбюро. Сказал: побольше бы нам таких. Понял? Только не зазнавайся!

– Ну что вы! – я замотал головой, изображая послушное смущение, которое так нравится начальству.

– Ладно, ладно, скромник! – он глянул на меня с внимательной усмешкой раскройщика судеб.

Потом не раз я встречал в жизни этот примерочный взгляд начальства, выбирающего очередного кандидата на выдвижение. Меня двинули в 86-м, избрав сразу секретарем Московской писательской организации и СП РСФСР, а также членом правления СП СССР. Теперь, когда литературное сообщество превратилось в нечто среднее между профсоюзом бомжей и клубом вольных графоманов, понять степень моего возвышения трудновато. Чтобы люди, забывшие или по молодости лет не знающие номенклатурных раскладов, поняли, о чем речь, могу дать подсказку. Представьте: вы сразу стали членом совета директоров Газпрома, Роснефти и Сбербанк. Одновременно! Так понятнее? Остается добавить: в те далекие годы известный писатель занимал в кремлевской табели о рангах очень высокое положение. А как же! Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Брежнев – все писали книги. Ныне это место в преёй скуранте начальственного благоволения отдано медальным спортсменам, энергичным инвалидам-колясочникам и ночным мотоциклистам, прикрепившим к рогатому рулю наш триколор.

Когда перед съездом писателей СССР обсуждали новый состав высшего органа – секретариата, мудрый Георгий Мокеевич Марков, увидав в списке и мою фамилию, спросил: «Вы что, совсем хотите парню жизнь испортить!» И меня гуманно понизили – переместили в правление, а то бы я впервые в истории стал трижды секретарем. Но и без того мой вертикальный взлет вызвал сдержанное негодование коллег и даже эпиграммы:

Гляжу с тоской на Полякова Юру

Писуч, активен, на лицо хорош.

Вошел, он, словно лом, в литературу.

Куда еще ты, комсомолец, прешь!

Неведомый зоил обыграл известные стихи Михаила Светлова про «комсомол шестидесятих лет»:

*И скажет космос: «Кончилось пространство!
Куда еще ты, комсомолец, прешь!»*

Центонная стихотворная сатира была и тогда в моде, просто никому не приходило в голову делать из этого профессию. Обиду и раздражение коллег понять можно: многие за право войти в какое-нибудь занюханное правление без усталости интриговали, суеились, выполняли соцзаказы и гнули партийную линию так, что, в конце концов, сломали. К примеру, прозаик и главный редактора журнала «Октябрь» Анатолий Ананьев, не найдя своей фамилии в списке будущих секретарей, упал в обморок и оставался без сознания, пока ему не шепнули, мол, вставай, дурашка, – вписали тебя куда следует. А тут какого-то молокососа после первой же повестушки буквально опутали литературными лампасами с ног до головы. Обидно, да?

Тем временем в стране набирала силу перестройка. Мало, кто понимал, *что* это такое. Просто помолодели лица вождей, в мае и ноябре восходивших на трибуну мавзолея, хотя остальное пока было по-прежнему: кролики шли – бобры стояли. Но в журналах нет-нет да появлялись запрещенные прежде сочинения, вроде «Котлована» и «Собачьего сердца», или статьи о недостатках социализма, одолев которые, мы окажемся не в коммунизме, конечно, а в новом дивном мире, подозрительно напоминающем ароматно гниющий капитализм. Одним из первых на эту тему в статье «Авансы и долги» высказался бывший зять Хрущева экономист и писатель Николай Шмелев. Когда я с ним знакомился, на меня пахло дорогим вирджинским табаком. По тем временам верный признак принадлежности к выездной элите. Люди стали раскованнее, говорливее, смелее. То, о чем раньше бурчали на кухнях, теперь можно было услышать в трамвае и даже на партийном собрании. А переимчивые эстрадники уже пели о «ветре перемен», не подозревая по своему невежеству, что сея ветер, можно пожать бурю и даже цунами.

Воплощенным символом этих перемен был, конечно, генсек Горбачев. После своих предшественников, похожих на мумии, ожившие по важной государственной надобности, он выглядел почти юношей, говорил быстро, без бумажки, даже бормотал, улыбался и всюду таскал за собой жену Раису Максимовну, похожую на районную прокуроршу, одевшуюся для похода в облдрамтеатр. Конечно, опытные люди, пережившие не одну кремлевскую метлу – и железную, и кукурузную, вслушиваясь в жизнерадостный клекот нового лидера, качали головами, не понимая, о чем, собственно, он токует и куда ведет. Но

большинству было наплевать. Народ и в самом деле застоялся, хотел перемен. А тех, кто пережил настоящие перемены, сиречь, революцию, и знал, что это такое – радикальное изменение уклада, оставалось уже совсем немного. Они пытались предостеречь, тот же Молотов, но кто же слушает пенсионеров, даже выдающихся? Жизнь страны оказалась в руках Манилова, окончившего высшую партийную школу и прочитавшего под одеялом пару диссидентских книжек.

Шел, как я уже сказал, 1986 год. До настоящей, «хлестнувшей за предел» свободы было еще далеко. Еще песочили на парткоме коммуниста Окуджаву, пытавшегося из Польши ввезти в СССР видеокассеты с эротическими фильмами, необходимыми, как поведал бард, чистосердечно разоружившись перед партией, для сочинения интимных сцен в новом романе. Еще сажали за антисоветскую пропаганду и чтение» «Посева». Еще военная цензура упорно, раз за разом снимала из подписного номера «Юности» мою повесть «Сто дней до приказа», но в шелесте алых знамен уже появилась усталость – так трепещут осенние листья перед тем, как опасть.

2. Великий Габр

Вдруг позвонил режиссер Леонид Эйблин и сообщил, что меня хочет видеть Герой Социалистического Труда Евгений Иосифович Габрилович. Я опешил: что понадобилось от молодого писателя живому классику, автору «Машеньки» и «Коммуниста»? Так, вероятно, ошалел бы изобретатель РШУ (рогатки школьной усовершенствованной), вызванный для знакомства творцом АКМ (автомата Калашникова модернизированного) Я помчался и с трудом нашел Дом ветеранов кино на Нежинской улице, где мэтр обитал после смерти жены, всю жизнь продержавшей его даже не в ежовых, а в дикобразных рукавицах. Матвеевское в ту пору еще не сообщалось с Можайским шоссе, отделенным от трассы огромным оврагом, на дне которого виднелись покосившиеся сараи и квадратики городских огородов с синими завивающимися кочанами капусты.

Дом ветеранов кино (ДВК) построили, выгородив участок на краю ближней сталинской дачи. Символично, что создатели великого советского кинематографа доживали свой бурный век в угодьях вождя, сделавшего «электротheater» важнейшим из искусств, жестко, надежно и умело впрягшего синематограф в бронетелегу Советской державы. По чистым коридорам бродили знаменитые тени. На стенах висели застекленные рисунки

Эйзенштейна и Юткевича. Устроен ДВК был по последнему слову медицины и геронтологии, являя образец суперсовременной богадельни. Даже вход был оборудован пандусом для колясочников. Это полвека-то назад! Вообще, должен заметить, верхушка советской творческой и научно-технической интеллигенции умела взбить вокруг себя особый кокон комфорта, почти невероятный в условиях советского бытового аскетизма. Удобства эти нельзя было купить, а только выслужить у власти. Возможно, так оно и правильно. Если государственный муж может купить все, что хочется, зачем ему государство вместе с косоруким народом? Именно такие мысли посещают меня, когда я вижу в телевизоре иных нынешних министров.

Габрилович обитал в однокомнатной квартирке, заполненной книгами и старинными фотографиями. Широкую лоджию затеняли ветвями подросшие деревья. На столе стояла портативная пишущая машинка – вполне обычная, кажется, «Рейнметалл». Печатал мастер медленно, точно каждый раз заново отыскивал нужную букву на клавиатуре. А вот у Юлиана Семенова, записного плейбоя советской литературы, помню, была крошечная, в две ладони, «Колибри» с перепаянным за большие деньги русским шрифтом. Отправляясь в командировку, отец Штирлица по особому разрешению выкупал полностью купе, и весь путь, иногда многодневный, оглашал вагон непрерывным щелчком вполне законной машинки для печатанья денег.

Великий Габр был уже стар, скрючен, ходил с трудом, страдая ногами, но ум его кипел замыслами. Удивительно работоспособное поколение! Иногда мне кажется, талантливые люди, погибшие в германскую, гражданскую и отечественную войны, сгинувшие в классовых, политических, партийных и религиозных разборках, удивительным образом передали уцелевшим свои нерастраченные жизненные и творческие силы. Возможно, существует такая еще не разгаданная наукой закономерность, и когда в нынешних фильмах про «те еще времена» советских энтузиастов изображают мятущимися доходягами, мне просто смешно. Не надо свою бледную немочь и душевную плесень приписывать предыдущим поколениям. Они были другими.

Сказав пару добрых слов о моей нашумевшей повести «ЧП районного масштаба», Евгений Иосифович предложил написать с ним в соавторстве оригинальный сценарий. О чем? Вы будете смеяться – о партии, точнее, о хорошем человеке, попавшем в номенклатуру. «Какая ерунда!» – воскликнет читатель, привыкший смотреть на «совок» с «хазано-жванецким» прищуром. А вот и не ерунда! Писателей советской эпохи проблема

коммуниста во власти волновала не меньше, чем вопрос престолонаследия – литераторов Шекспировского круга. От личных качеств людей во власти жизнь зависит всегда. И совсем не важно, что у них в кармане – партбилет или жалованная грамота...

Конечно же, я с радостью согласился. Еще бы – работать вместе с Великим Габром! О таком даже не мечталось! Кто не видел легендарную ленту «Коммунист» и не ронял слезы, сострадая заведующему колхозным складом Евгению Урбанскому, застреленному ревнивым кулаком! Все смотрели и все роняли. Ставить будущую картину должен был талантливый Леонид Эйдлин, работавший до того вторым режиссером с Сергеем Юткевичем на фильме «Ленин в Париже». Продолжительная творческая командировка в капстрану и шейный шелковый платок придавали ему европейский вид, но судьба Отечества при этом его искренне волновала, в частности, беспокоило, что в Переделкино, где он с семьей снимал на лето дачу Нади Леже (теперь там Зураб Церетели), перестали ходить молочницы из соседней деревни. Кстати, как-то недавно мне позвонил поэт Евгений Евтушенко и потребовал, чтобы я, пользуясь близостью к Путину, восстановил в нашем писательском поселке почтовое отделение, как было при треклятой советской власти, а то теперь приглашения на посольские приемы приходят к автору «Братской ГЭС» с непоправимым опозданием. Что и говорить: поэт всегда с людьми!

Габрилович сразу предупредил: героем фильма, точнее, героиней будет молодая привлекательная дама. Его вообще в качестве объекта художественного исследования больше интересовали женщины, мужчин он считал слишком простоватыми и малоинтересными для искусства объектами. Нашу героиню изначально должна была играть прогремевшая в фильмах «Карнавал» и «Москва слезам не верит» актриса Ирина Муравьева, по совместительству жена Леонида Эйдлина. Дело в киношном мире обычное. Достаточно вспомнить Орлову и Александрова. Я, кстати, не против семейственности в искусстве, если в брачных объятиях соединяются талантливы люди, а вместе с фамильным сходством и дачей в Мамонтовке дети наследуют еще и дар. Но талант, увы, не передается половым путем ни супругу в постели, ни младенцу в утробе. Творец распоряжается своими «искрами божьими» наподобие лотерейных выигрышей. Но об этом как-то подзабыли, и нынешнее российское искусство напоминает мне санаторий, где природа отдыхает на потомках. Бывают, конечно, исключения, но они редки, как уссурийские тигры.

Итак, я купил путевку в ДВК, и мы сели за работу. Господи, что за жизнь! Отменное питание, прогулки по цветущим аллеям, а вечерами показывают недублированные западные фильмы или отечественные ленты «с полки» – из спецхрана Госкино. Сюжет сложился быстро. Мы попросту взяли его из жизни, тогда, действительно, во власть стали двигать новых людей, чем-то себя проявивших. Вспомните хотя бы мои два с половиной писательских секретарства. Впрочем, подобные коллизии и ранее были типичны для «производственного» ответвления нашей литературы. На эту тему писали и снимали многие, но безусловным лидером был драматург Александр Гельман, умевший неприязнь к социализму облечь в остросюжетную борьбу за чистоту идеалов, овеванных вдумчивым советским оптимизмом. Платили, кстати, за это хорошо. Надо заметить, ВКП(б) – КПСС любила советоваться с творческой прослойкой о видах на урожай и путях развития бесклассового общества. А вот тех, кто затеял шоковые реформы в 1990-е, мнение простонародья, включая литераторов, вообще не интересовало. Эпохе первичного капиталистического хапка художественные подтексты с двойными кодами оказались без надобности, и автор «Премии» исчез из искусства, оставив нам в отместку сына – галериста Марата Гельмана.

Но вернемся на Нежинскую улицу, в нашу творческую лабораторию. Сюжет придумался вот какой: молодая бодрая «энтээровка» Лиза Мельникова после яркой речи на каком-то партийном слете замечена и взята на работу в райком партии. Новый первый секретарь Борисов хочет резко обновить и ускорить жизнь вверенного ему участка действительности, он научно грезит и собирает свою команду. Лиза – дама бескомпромиссная, едва освоив азы аппаратной работы, она бросается в бой. Страсти вскипают вокруг конфликта директора вычислительного центра «Алгоритм» опытного Пыжова с неуживчивым новатором и правдолюбом Калужным. Новые сослуживцы Лизы уговаривают ее не лезть в чужой монастырь, ругают, называют «неуправляемой», но она лезет и срывает прием в партию Луковникова – любимца Пыжова. Нет, никакого намека на нетрадиционное соратничество пожилого руководителя и молодого выдвиженца не было, и быть не могло. Эта тема пришла в искусство позже. Параллельно разворачивался непростой роман героини с театральным режиссером Лехой. Замечено: чем слабее мужчина в творчестве, тем любвеобильнее. В моем поколении лучше всех умели разговор о поэзии с пытливой девушкой перенести из библиотеки в постель графоманы. Лиза уходит от мужа Коли, который может осчастливить лаской и

внутрисемейным трудолюбием любую женщину, но только не Мельникову!

Работали мы дружно. Великий Габр мягко осаживал меня, когда я в бытописательском восторге стремился засунуть в сценарий сведения про то, где у секретаря райкома на столе лежат скрепки, а где чистые бланки. Он, как котенка, тыкал меня носом в общечеловеческие ценности: любовь, зависть, ненависть, предательство... Это – главное. А скрепки? Может, их лет через двадцать и вообще не будет. Он учил во всем, даже в производственном конфликте ударника с бракоделом, искать и находить вечные противоречия бытия. Будущий постановщик Леонид Эйдлин следил за сложением сюжета ревниво и придирчиво, как новосел – за строительством дома, где предстоит жить. Услыхав от меня какую-то деталь или аппаратную присказку, вроде: «по белой нитке ходишь!» – он вскакивал, мечтательно закатывал свои левантийские глаза и восклицал:

– Я знаю, кто это может сыграть!

– Кто? – меня охватывали безумные мечты. – Евстигнеев? Бурков? Леонов? Смоктуновский?

– Не-ет! У меня есть в Кимрах знакомый клоун! Гений!

Иногда, если взглянуть со стороны, мы напоминали трехструйный фонтан. Надо ли объяснять, что струи были разной силы и дальностью. В Габре (а было ему уже хорошо за восемьдесят) обнаружилось очень своеобразное смешение патриархальной мудрости и забавной старческой забывчивости.

– Ребята («ребята» – я и Эйдлин), запомните, Лиза – хорошенькая и очень модная. Собираясь на свидание, она чистит зубным порошком свои тапочки и вертится перед зеркалом!

– Евгений Иосифович! Какие тапочки? Какой порошок! У нас же не послевоенная Москва!

– Ах, да... Разумеется. Но все равно она модница! Пусть что-нибудь чистит... И перед зеркалом крутится...

– И говорит пусть побольше! Она у нас мало говорит! – добавлял будущий постановщик. – Юра, надо придумать ей словечки, чтобы народ подхватил!

И рассказывал, как Ирина Муравьева прямо на съемочной площадке изобрела замечательную фразу, которой не было в сценарии фильма «Москва слезам не верит»: «Не учи меня жить – лучше помоги материально!»

Получив вводные, я удалялся в свой номер и утром приносил несколько страничек, нащелканных на машинке, читал вслух, волнуясь и томясь комплексом подмастерья. Габрилович слушал без выражения, пожевывая синеватыми губами и вздыхая. На лице Леонида мелькали зарницы будущих режиссерских открытий.

– Хорошая сцена в столовой, – кивал мэтр. – А с кем это там Лиза говорит?

– С Бурминовым.

– А кто у нас Бурминов?

– Старый коммунист.

– Очень хорошо!

– Я возьму Вельяминова! – загорался Эйдлин.

– Погодите! Нашей Лизе нужна подруга. Эдакая оторва...

– Зачем? Муравьевой и так нечего играть! – трагически бурчал постановщик, знаменитую жену он называл исключительно по фамилии.

– Юрочка, к завтрашнему дню придумайте нам подругу. А чем руководит этот, как его?..

– Пыжов?

– Да, Пыжов... Надо что-нибудь очень современное.

– Может, электронно-вычислительный центр?

– Изумительно! Пусть кто-то ведет Лизу и рассказывает, как на экскурсии.

– Подруга! Она как раз работает там программистом! – импровизировал я.

– Великолепно!

– Муравьевой нечего играть!

Сочиняемая история поначалу напоминала типичный производственный эпос. Имелся резонер из старых большевиков, говоривший правильные вещи: «Что такое прием в партию? Ювелирное дело! Основа основ, первый вопрос! Из-за него ведь и расплевались большевики с меньшевиками в одна тысяча девятьсот третьем году... А теперь очередь в партию, как за водкой! Я бы посмотрел на эти очереди, когда кулачье с обрезамы шастало или Деникин к Москве шел...» Сегодня эта тоска по бескомпромиссным большевицким временам кажется нелепостью. Но думаю, никто не будет спорить с тем, что у ВКП(б) – КПСС был свой героический период, а лишь потом настала пора удовлетворения растущих потребностей, отсюда мощное наследие советской власти, которое все никак не проедем. Проблема наших современных партий в том, что у них никогда не было никакого героического периода, если не считать поедания бесплатных бутербродов в «живом кольце» у Белого дома. Все нынешние партии начали с удовлетворения растущих потребностей.

Поначалу наша заявка на сценарий так и называлась – «Первый вопрос».

Мы честно отразили тогдашние конфликты, обиды, заблуждения, общую уверенность в том, что жизнь можно

улучшить легко и быстро, надо просто захотеть и преодолеть сопротивление тех, кто не хочет, хотя за перемены были, кажется, все, включая цепных псов режима. Василий, литературовед в штатском, курировавший наш союз писателей от организации с всемогущим названием «КГБ», спросил меня как-то: «Ну что у тебя там со «Ста днями до приказа»? «Не разрешают...» – вздохнул я. – «Идиоты!» – процедил он. После 91-го Василий, кажется, работал у хитроныры Гусинского в службе безопасности банка «Мост», которую возглавил, кстати, бывший начальник Пятого, антидиссидентского, управления КГБ генерал Бобков, а его сын был поэтом и сочинял авангардистскую ерунду. Вам это не напоминает членов Дома Романовых с красными бантами на шинелях в феврале 1917-го? Мне напоминает. Советскую власть могло спасти только чудо Господне, но Вседержитель атеистам не помогает, хотя и не мешает.

Однако от набравшего силу потока перестроечных произведений наш сценарий отличался принципиально, так как придуманная история Лизы Мельниковой как-то сама собой завершилась мрачным конфузом. Пусть продвинутый читатель не содрогается. Никто в конце по рецепту Владимира Сорокина не испражнялся на стол президиума, не мочился в декольте инструктору ЦК и не откусывал нос секретарю парткома. Однако все попытки героини обновить жизнь города привели к краху – и общественному и, так сказать личному. Калюжный, которого она продвинула, оказался мелким карьеристом, сев в кресло Пыжова, он продолжил то же очковтирательство, но овечья перестроечной риторикой. А Луковников, которому наша героиня обломала вступление в партию, наоборот, взлетел, за отменные деловые качества его взяли на повышение в Москву, с ним уехала и Лизина подруга-оторва, утверждавшая, что в мужчине она ценит только размер... жалования. Ретроград Пыжов прекрасно чувствует себя на пенсии и успокаивает Лизу: «Все будет хорошо!» Кстати, так назывался второй вариант сценария. Они встречаются в пункте детского питания: он пришел за молочком для внука, а Лиза для дочери.

Уп-с... Совсем забыл: мятущийся режиссер Леха, попользовавшись телом и связями нашей героини, получив место в областном драмтеатре, бросил Лизу на сносках. Отставленный муж Коля готов принять беглую супругу в любом количестве без единого упрека, и другая бы обрадовалась, вернулась, но только не Мельникова! А что же первый секретарь Борисов, задуманный нами как обнадеживающая тень души Горбачева? Он, пряча глаза, предлагает неуправляемой Лизе после декретного отпуска стать директором ПТУ. А это как сегодня из президентского

пресс-центра перейти на работу в районную газету «Муромский вестник». И то ладно! Не посадили же. Не выбросили из окна, как партийного финансиста Кручину в 1991-м. Третий, окончательный, вариант сценария назывался «Неуправляемая». В последней сцене Лиза одна-одинешенька, точнее, с коляской, в которой спит ребенок, сидит в сквере и наблюдает суету вокруг готового к открытию монумента «Молодость мира», чем собственно и увенчались бурные реформы Борисова во вверенном ему городе. Чем закончил пиццеед Горби, мы знаем.

– Здесь будет улыбка Кабирии! – вдохновенно твердил Леня Эйшлин, уверенный, что теперь-то Муравьевой есть, что играть. – Мне нужна улыбка сквозь слезы!

Слезы ждать себя не заставили.

3. Погром

Теперь, спустя годы, поумнев, я понимаю, чем была для Габриловича работа над тем сценарием. Человек, почти всю жизнь не ссорившийся с начальством (антикосмополитическая реконкиста его лишь задела), автор, создавший немало «партийных» сценариев, на закате решил написать про то, о чем раньше не разрешали, о том, что случается с хорошим, честным человеком, угодившим во власть, которая портит даже королей. Меня он взял в союзники, так как я, сочинив «ЧП районного масштаба», влетел в эту «аппаратную» тему подобно юному кавалеристу, не справившемуся с кобылкой и угодившему ненароком в самую гущу превосходящих сил противника.

А страна тем временем закипала. Перестройка напоминала весенний косметический ремонт квартиры с неизбежной перестановкой мебели. «Ах, посмотрите, сколько грязи скопилось за старым буфетом!» – «Ерунда! Вы еще не видели, что делается в туалете!» Кто ж тогда знал, что дело закончится выбрасыванием из окон вполне приличной мебели и ломкой несущих стен, отчего обрушится кровля. Но это случилось позже, когда ремонтом в советской квартире занялся прораб Ельцин. Наступил 1987 год. Много было разрешено, критика всячески поощрялась, в советской эпохе уже обнаружили столько темных пятен, что и сами начали удивляться, как прожили в таких нечеловеческих условиях семь десятилетий. Лет десять назад однокурсница, оставшаяся, вопреки всему, работать в школе, пригласила меня в свой класс – выступить перед школьниками. Поговорили, поспорили. Среди вопросов был и такой: «А правда, что при Советской власти досыта ели только первые секретари, а все

остальные голодали?» Видимо, в детской головке в результате промывания мозгов «жидкостью Эрнста», сочетание «первые секретари» стало тем собирательным злом, каким для нас, внучат Ильича, были «буржуины». «Правда, – ответил я. – Вторые секретари питались кое-как, а третьи просто падали на улице от голода!» Дети моего юмора не догнали. Однокурсница все поняла, покраснела и отвела глаза.

Но вернемся в третий год Перестройки. Поставив точку, мы торжественно отвезли сценарий на Мосфильм и стали ждать ответа, предчувствуя триумф. Эйдлин обзванивал киногогов, и, кажется, уговорил на роль Пыжова самого Стрельчика! И тут нас позвали на заседание худсовета 4-го творческого объединения, которое возглавлял в ту пору чутко-прогрессивный Владимир Наумов, известный своей тихой отвагой в рамках дозволенного. Габрилович по старости лет не поехал, напутствовав меня и Леонида, мол, в гуле восторгов не стоит заноситься, так как сценарий еще сыроват, его можно и нужно «доводить до ума». Удивительно требовательное к себе поколение! По сравнению с ним нынешние сценаристы не пишут тексты, а что-то бормочут на компьютере. Мы пошли на заседание. Вообразите, вы с тортом и букетом являетесь на званый ужин, но, переступив порог прежде гостеприимного дома, получаете ногой в пах, а вашим же тортом – в лицо. Худсовет отверг наш сценарий, расторг договор, списав аванс по статье «творческая неудача». Доброе было государство!

Заседание напоминало погром. Говорят, во времена Ивана Пырьева, некогда возглавлявшего Мосфильм, подобный разнос объясняли лютым антисемитизмом, а в нашей авторской группе два члена из трех были евреями. Но, во-первых, Пырьев давно умер, и в «советском Голливуде» давно царил добродушный семейный космополитизм. Во-вторых, среди погромщиков изобиловали вполне процветавшие жертвы «пятого пункта». Значит, национальная подоплека погрома отпадает. Карали, как всегда, за несовпадение с политической линией. Тяжкое родовое проклятье предков, одолевших черту оседлости, – это скорее мстительные фантазии эмигрантов, не приладившихся к новому месту. Ей-богу, этническая принадлежность в нашей стране довольно редко и лишь в отдельные периоды истории являлась причиной гонений или «непущаний». Хотя бывало всякое. Сейчас, например, труднее русским.

Самый мягкий упрек, брошенный нам во время разноса, звучал примерно так: «Вы враги перестройки!» Нас стыдили, корили, винули, ставили в пример сценарий журналиста Юрия Щекочихина, который, видя все трудности ускорения, не подвергал сомнению идеалы обновления. Так, муж застав жену с

сантехником, не теряет веры в преимущества моногамного брака перед промискуитетом. Тон задавал неведомый режиссер Леонид Марягин – человек с внешностью Мефистофеля, злоупотребляющего пивом. Впоследствии он (Марягин, а не черт) снял первый советский фильм с радикально голыми девицами легкого поведения – «Дорогое удовольствие», потом еще игровую ленту о Льве Троцком. Обе канули в закранье. Сколько же их тогда надуло ветром перемен – «грандов гласности»! И где они все? Переночевали на груди утеса-великана и растаяли. В последний раз я видел Марягина в нулевые годы. Он рекламировал по телевизору пилюли то ли от переедания, то ли от давления. А в предпоследний раз... Но об этом чуть позже.

Мы были потрясены и оскорблены, прежде всего – за мэтра. Невероятно: отвергнуть самого Габра с примкнувшими к нему Поляковым и Эйдлиным! Это примерно то же самое, как сегодня не разрешить на правительственном концерте спеть Кобзону или Пугачевой. Кошмар! И произошло это в эпоху гласности, когда все советское искусство правдивеет прямо-таки на глазах. А нам заткнули рот! Позор! Сам мастер, кажется, больше прочего горевал из-за того, что среди противников «Неуправляемой» оказалась Нина Скуйбина, редактор студии и супруга Эльдара Рязанова, для которого и в самом деле у природы плохой погоды не бывает.

Мы, примкнувшие, возмутились, восприняли обструкцию как наступление на гласность, решили жаловаться, даже набросали челобитную члену Политбюро А.Н. Яковлеву, прося поддержки. Габрилович письмо прочитал, посмотрел на нас ветхозаветным взглядом и покачал головой: «Не надо, ребята!» В молодости посидев в камере ЧК как анархист, он сообразил, когда лучше кричать, а когда молчать. Евгений Иосифович понял: мы вторглись в сферу большой политики, где искусство само по себе не гуляет никогда и нигде, включая страны вечнозеленой демократии, а уж в нашем-то грешном Отечестве и подавно. Я догадался об этом со временем, и жить сразу стало веселее. Сегодня, видя в теляшке какого-нибудь лысого или кудрявого литератора, целенаправленно взрывающегося правдолюбием, я сразу прикидываю: из какого кремлевского кабинета тянется к нему, шипя, бикфордов шнур. Конечно, бывают исключения, но они редки, как упомянутые уссурийские тигры, которых, возможно, заботами президента станет побольше.

А тогда, в 1987 году, мы замахнулись на самое святое – на партию, готовившуюся, как вскоре выяснилось, сложить полномочия. Ведомые художественной логикой, мы невольно предугадали все, что случится вскоре со страной. Искусство

может многое подсказать царям и простолюдинам, конечно, если к его мнению прислушаться. Сегодня, по-моему, наша власть относится к искусству, как буфетчик консерватории к симфонической музыке, он даже усвоил, что от Чайковского выручка круче, нежели от Губайдуллиной, но не более того.

Теперь я понимаю: попав меж двух жерновов, наш сценарий был обречен в любом случае. С одной стороны, интеллигенция сладко агонизировала в эйфории разрешенного свободомыслия, ей, наконец-то, позволили вольно выражать исконно-заветное неудовольствие страной обитания и неуспешным народом. Ради этого почти сексуального счастья она прощала власти все ошибки и несурезицы, обещавшие впереди серьезные потрясения. Даже самая осторожная критика хаотичных методов и туманных целей ускорения воспринималась как злостное покушение на главное завоевание – свободу слова. Спрашивать: «куда идем?» – считалось неприличным. Интеллигенцию волновал дугой вопрос: «Почему идем так медленно?» О хлебе насущном пока вообще никто не задумывался, полагая это прямой обязанностью постылого государства, которое, собственно, и собирались рушить с помощью заморских консультантов. Когда в 1990-е выяснилось, что генерал спецслужб, а позже депутат от демократов Калугин – американский агент, все отнесли к этому спокойно, как к самому собой разумеющемуся. А кто же еще? Ведь умный человек не может быть не плутом!

Со временем стало очевидно: в высшей номенклатуре есть серьезные люди, отлично понимающие губительность горбачевской «перестройки». Напомню, сам термин появился в эпоху реформ Александра II Освободителя, и «гласность», кстати, оттуда же. Они, эти люди, сознательно вели страну к потрясениям, к обрыву, чтобы в падении и хаосе одним махом сменить политический и экономический строй СССР. Скорее всего, и распад Советского Союза был заранее запланирован и оговорен. Еще Сахаров советовал поделить одну шестую часть суши на несколько десятков уютных кусочков, а Солженицын тяготился «южным подбрюшьем». Что и говорить: мелко нарезанная Россия – давняя золотая мечта Запада. Кому ж приятно возделывать свой лилипутский садик, если за забором начинаются уголья великана.

Судя по всему, Яковлев и был координатором сил, направленных на радикальное переустройство страны, на капитализацию под лозунгом «Больше социализма!» Думаю, неприятие нашего «антиперестроечного» сценария шло если не от него самого, то от его ближнего круга. Ведь зарубить фильм, освященный именем Габриловича, Героя Соцтруда и

бесчисленных госпремий, можно только с высочайшего согласия. Таковы были тогдашние правила игры. Да и сегодняшние тоже. А чего собственно испугались-то? Неужели одна кинолента могло изменить ситуацию в стране, переломить настроения, повернуть вспять историю? Теперь в это трудно поверить. Нынче даже премьера, превращенная мощным пиар-прессингом в событие века, проходит по стране косым дождем. Но тогда все было иначе. Помните, какими морально-политическими бурями стали ленты: «Маленькая Вера», «Россия, которую мы потеряли», «Так жить нельзя», «Покаяние», «Легко ли быть молодым»? Да и снежкинское «ЧП районного масштаба», к которому приложил руку автор этих строк. Именно литература и искусство помогли свернуть на антисоветскую сторону многим доверчивым мозгам. Это были мощнейшие «антисоветики» (по аналогии с антибиотиками), убивавшие в сердцах все социалистическое.

Напомню: к 1987-му у людей стали появляться вопросы к новому курсу. Точнее других сформулировал недоумение писатель-фронтовик Юрий Бондарев, сказавший с высокой трибуны, что страна похожа на самолет, который взлететь-то взлетел, а куда садиться не знает. Как же набросилась на него передовая свора! А какие битвы велись вокруг письма скромной ленинградской преподавательницы Нины Андреевой! Его опубликовали в «Советской России» под заголовком «Не могу поступаться принципами!» Стольких проклятий не устаивалась даже Фанни Каплан, стрелявшая в Ильича. Ведь сознание советского человека воспринимало критику, допущенную на газетную полосу, экран телевизора или кинотеатра, на театральную сцену или в радиоэфир, как отчетливый призыв бороться и одолеть негативные тенденции жизни. Именно так осуществлялась в нашем однопартийном обществе обратная связь. Появление в этой атмосфере сгущающегося недоумения и недовольства Горбачевым антиперестроечного фильма, в создании которого принял участие живой классик советского кино Габрилович, а главную роль сыграла всенародная любимица Ирина Муравьева – могло бы стать щелчком детонатора. Но могло и не стать... История капризна, как женщина.

Если бы фильм «запустили в производство» по утвержденному плану в 87-м, на экраны он вышел бы как раз к концу 88-го, в переломный момент, когда уже многие были готовы сказать Горбачеву: «До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес!» Именно в этом году мы проскочил точку невозврата. А могли ведь остановиться, свернуть и пойти, скажем, «китайским путем» обновления без самопогрома. Лично я ради эволюционной модернизации еще лет

десять посидел бы на скучнейших партсобраниях, повторяя детскую риторику, разработанную партией для простодушных рабфакофев 20-х годов. Но многим уже хотелось «делать историю», им нравилась стремительная «собчачизация» общественной жизни с трибунными истериками и призывами в не просчитанные дали. Да и рубль, сорвавшись с цепи «безнала», делал свое дело. «Корейки» уже вылезали из подполья, пилили свои золотые гири и вступали, пока закулисно, в большую политическую игру. Не сомневаюсь, отмашку на закрытие «Неуправляемой», как, впрочем, и других антиперестроечных поползновений, дали те, кто хотел, чтобы точку невозврата страна прошла, не заметив. Так и случилось. И хороши бы мы были, послав жалобное письмо Яковлеву. Марионетки жалуются кукловоду на то, что кто-то дергает их за нитки. А недовольных марионеток, как известно, складывают в сундук.

О мудрый, печальный, старый Габр! Кажется, то был его последний порыв. Во всяком случае, до его смерти, а прожил он еще шесть лет, похоронив сына, я ничего о его новых работах не слышал. Леонид Эйдлин страшно переживал крах нашего сценария, впал в депрессию, но, кажется, так и не догадался об истинных причинах неудачи, считая это результатом интриг Марягина и Скуйбиной при пассивной снисходительности Наумова. Года через четыре я написал кинокомедию «Мама в строю», специально под Эйдлина и Ирину Муравьеву, но снова как-то не сложилось. Бывают творческие союзы, над которыми, тяготеет злой рок. Потом мы общались, встречались накоротке. Незадолго до смерти Леонид позвонил мне и между прочим молвил: «А ведь если бы я все-таки тогда снял нашу «Неуправляемую» с Муравьевой в главной роли, вся моя жизнь сложилась бы совсем по-другому!» «Возможно, и не только твоя, Ленья!» – подумал я, но промолчал.

4. Неинтеллигентный сценарий

В середине 1990-х я попал на какое-то сборище творческой интеллигенции чуть ли не в Колонном зале. Мы сидели вместе с журналистом Леонидом Павлючиком, служившим тогда в газете «Труд» и не заболевшим еще рецидивирующим либерализмом. Около нас было свободное место. Когда в проходе появился раздобревший Марягин, журналист замахал руками, мол, иди к нам! Тот кивнул и понес живот в нашу сторону.

– Богатым будешь – между двумя Леонидами сидишь, – сказал мне Павлючик. – А вы не знакомы?

– Нет, – ответил Марягин.
– Очень даже знакомы! – возразил я.
– Разве? – режиссер приподнял инфернальную бровь. – Откуда?

– А помните, как вы зарубили на Мосфильме сценарий, который мы написали с Габриловичем и Эйдлиным?

– Да, что-то такое случалось... Но ведь это же был крайне неинтеллигентный сценарий!

Жаль, что теперь в анкетах нет графы «социальное происхождение». С каким бы удовольствием я написал «из рабочих!» и свернул набок мефистофельский нос Марягина. Но годы, проведенные в творческой среде, смягчили мой нрав, облагородив манеры мальчика из заводского общежития, и я лишь горько усмехнулся в ответ...

Не раз и не два я пытался разыскать тот сценарий в своих бумагах. Безрезультатно. Спрашивал у Эйдлина, но и он тоже не смог найти. Когда к 60-летию я предпринял генеральную ревизию моего архива, то обнаружил лишь десятка два страничек, оставшихся от разных вариантов. Однако жизнь полна судьбоносных случайностей. Как-то меня пригласили на передачу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», посвященную 30-летию перестройки. За чаем в ожидании эфира я поведал Карену Шахназарову о том, как в 1987-м мы написали пророческий, можно сказать, сценарий, зарубленный и бесследно исчезнувший.

– Для какой студии писали? – хмуро уточнил не улыбчивый директор «Мосфильма».

– Для вашей! Но прошло столько лет...

– У нас ничего не пропадает.

Через неделю продюсер Александр Литвинов вручил мне ксерокопию нашей киноповести «Неуправляемая» – сразу два варианта. Странное чувство испытал я, листая страницы, напечатанные когда-то на моей разбитой машинке «Москва» с прыгающим нечищеным шрифтом. Наверное, что-то подобное ощутил бы ветеран-снайпер, обнаружив в старых камуфляжных штанах патрон, которого тридцать лет назад ему не хватило, чтобы изменить исход боя или промахнуться...

ЛГ, 2015

– По-моему, существует такое нравственно-интеллектуальное «заболевание», я бы назвал его «патриофобия» или, если хотите, «отчизноедство». Болеют обычно люди неглупые и достаточно образованные. Симптомы: человек воспринимает в негативном ключе все, связанное с родиной. Все не такое: и климат, и язык, и народ... А Кремль – так и просто гад!

В последнее время стало модно говорить, что русские хотят войны, что наматывание чьих-то кишок на гусеницы танка делает их счастливыми. Но ведь это какая-то болезненная напраслина. Оглянитесь на нашу новейшую историю: мы 25 лет были до оторопи миролюбивы, в ущерб себе уступали где можно и нельзя. В итоге нам стали наступать на ноги, размещать под боком базы и устраивать перевороты в странах, которые по сути есть части разорванной исторической России. А что хотели сделать американцы, когда мы заступились за Кубу? Забыли? Правильно. Атомную войну начать. Или та же спецоперация в Сирии. Наши геополитические оппоненты утратили чувство реальности, и Россия вынуждена напомнить, что не надо творить намеренный хаос в регионе, серьезно затрагивающем наши экономические и политические интересы. Когда в соседней квартире варят динамит, лучше вмешаться заранее. Да, мы снова сильная держава и не однажды, втянутые в войну, меняли карту мира и ход истории. К тому же, наш нынешний президент не пьет. Если не поставить на место оппонентов сейчас, война с Украины перекинется на Белгород, а из Сирии – в Среднюю Азию... Мы надеялись на разум консолидированного Запада, а столкнулись с тупой колониальной спесью. Я считаю наш ответ адекватным, хоть и запоздалым.

Не понимаю, в чем заключается зоологическая злобность и агрессия русских, о которой много говорят «отчизноеды», та же лауреатная Светлана Алексиевич. Кстати, глядя на эту журналистку, так и хочется обратиться к Шведской Академии: «Господа, ну сколько можно мстить России за Полтаву с помощью нобелевской премии в области литературы!» Я не знаю ни одного русского человека, который бы радовался бомбежкам в Сирии. Все воспринимают их как тяжкую необходимость – не более, и не менее. Ну, да: люди с удовлетворением замечают, что мы, в отличии от американцев, бьем точно по целям, а не мимо. Что в этом плохого? Почему я должен стесняться отличного оружия, которое произведено на наших заводах нашими специалистами? Предлагаете гордиться американскими ракетами, что ли?!

Рассуждения об отсутствии у нас оригинальной национальной культуры в категориях «матрешки пришли в Россию из Японии» нелепы. А спутники пришли в Японию из СССР. И что? Если мы копнем, то, наверняка, выяснится, что в Японию эти матрешки пришли еще откуда-то. Все культуры взаимосвязаны. Да, мы не самый молодой народ на планете. Есть народы старше, а есть моложе, например, украинцы или американцы. Кстати, Америка вообще целиком сформировалась на основе чужих культур, даже язык полностью позаимствовала. Хотел бы я посмотреть на американского интеллектуала, который упрекает США за то, что там говорят на английском. Да, в России в XIX веке дворяне говорили по-французски. Но и английский двор в свое время говорил по-французски. А европейская интеллектуальная элита говорила на латыни. И что?! А во многих ныне тюркоязычных странах прежде говорили и писали на персидском или греческом. Разве плохо, что русский язык обогатился за счет творческого использования лексики других языков? Это хорошо! И не правда, что по-французски изъяснялись потому, что в русском языке не было нужных слов. До XVII века на русский переводили Гомера, Библию, весьма сложные теологические исследования. Да, у нас не было слов «фрак» и «жилет», а во Франции не знали, что такое «пончо» или «кокошник». Конечно, после Петра наш верхний класс стал весьма космополитичен и полиэтничен, чем отчасти и объясняется «отчизнофобия» части нашей интеллигенции. Но с другой стороны Александр Невзоров убежден: этничность, национальный характер определяют только язык, воспитание, культура. Почему же тогда наши дворяне, воспитанные в французской традиции, насмерть бились на Бородинском поле с супостатами? Выпили бы вина, поболтали на языке Корнеля и разошлись...

Смешно читать, будто в «Евгении Онегине» практически нет ничего русского! Пушкинская реформа заключалась как раз в том, что он шел от архаичного литературного языка в сторону живой разговорной речи. Его письма к жене и друзьям показывают, насколько богат, даже изощрен был тогдашний бытовой язык. А возьмите чистый, прозрачный язык русских народных сказок. Кто их рассказывал? Французы? Впрочем, с отчизноедом, убежденным в обратном, спорить бесполезно, он как страдающий манией преследования: сосед в лифте поздоровался, а он потом думает, что тот хочет усыпить бдительность и нож в спину всадить.

Что же касается измышлений о губительном влиянии на нашу историю христианства, то это очень напоминает лихой большевизм начала прошлого века. Оценка религии через политику как раз характерна была для таких агитаторов, как

Емельян Ярославский, он возглавлял журнал «Безбожник». И если уж речь зашла о начале XX века, то надо понимать, что политический ярлык «черносотенцы», который лихо клеит Александр Невзоров, применяли тогда в отношении ко всем политическим движениям и деятелям, которые ставили русские национальные ценности выше классовых и интернациональных. Тысячи людей были записаны в черносотенцы и убиты только за то, что любили Россию и русский народ больше, чем, например, пролетариат Германии. Взять хотя бы выдающегося русского публициста Михаила Меньшикова, расстрелянного на глазах собственных детей. Да, у него были претензии к чрезмерному участию инородцев в революции, о чем хорошо написал Солженицын. За это надо расстреливать? Тогда, что делать с латышами, которые вообще объявили русских, искони живущих на балтийских берегах, людьми второго сорта? Но, увы, так далеко мысли «патриофобов» не залетают, предпочитая кружиться над отечественными помойками.

Впрочем, «отчизнофобия» не всегда болезнь, иногда это лишь кокетство – что-то вроде пожилой дамы с макияжем а ля Климт и мини-юбкой, переходящей в бикини.... Думаю, казус Невзорова как раз из этого цикла.

АИФ, 2015

Куда девалась литература?

Уходящий 2015 год был Годом литературы. Однако перелома в отношении к чтению и книге как такой так и не произошло. Почему?

Литература в общественной жизни современной России играет минимальную роль. Хотя и в дореволюционной России, и в Советском Союзе, литература традиционно была главным, базовым видом искусства, определявшим мировоззрение всего общества. И во многом именно она способствовала тем переменам, которые наступили в нашей стране в начале и в конце прошлого века. Вспомните, какой тогда был спрос на книги и толстые журналы! Вырывали из рук друг у друга, а прочитанное и услышанное передавали из уст в уста: «Так жить нельзя!».

В чем причина падения спроса? На мой взгляд, она рукотворна. Те, кто взял кремлевские рычаги в начале 90-х, помнили о ключевой роли слова в смене политической власти, и постарались минимизировать влияние литературы, отеснив «властителей дум» на периферию общественного сознания. На первый план выдвинули «ПИПов» – персонифицированные издательские проекты, серийных изготовителей книжной продукции. На общественное сознание они имели примерно такое же влияние, как щебет парикмахерши на подстригаемого клиента.

Операция по маргинализации русской словесности была проведена виртуозно. В дело пошли премии, вроде «Букера», издательства вроде «Вагриуса», телевидение, откуда были удалены практически все думающие литераторы: сначала – патриоты, а затем и те либералы, кому общечеловеческие ценности не смогли заменить совесть и гражданскую ответственность. Штабом операции стала, как ни странно, государственная организация – «Роспечать». Серьезную литературу, которая предлагала обществу свой взгляд на происходящее, трактовавшую о ценностях и смыслах, загнали в резервацию, откуда можно было выйти в широкое информационное пространство, лишь предъявив в виде пропуска русофобию, антисоветизм или нетрадиционную наклонность. Повторяю: все это за счет казны. А при обнаружении у обитателей литературной резервации государственных, патриотических взглядов сразу сажали в карцер тотального замалчивания. Отчасти это ситуация продолжается и сейчас, хотя общее направление политической жизни кардинально переменились.

Между тем, серьезная русская литература всегда мыслила государственно. И Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и

Тургенев, и Блок, и Булгаков, и Шолохов, и Твардовский были державниками... Но эта давняя «охранительная» традиция оказалась отодвинута в сторону, власть осталась без настоящей интеллектуальной подпитки, ибо либеральный клетот о свободе, как главной и единственной ценности, имеет к государственному строительству такое же отношение, как порыв ветра, вздувший девичий подол, к деторождению.

На передний же план выдвинули развлекательную литературу, совсем беспомощную с художественной точки зрения, написанную убогим русским языком, да еще напитанную простодушным гедонизмом. Зайдя как-то в книжный магазин, я наткнулся на встречу читателей с писательницей Д., которая рассказывала о своих комнатных собачках. О чем же еще? Все эти женские романы, детективы, мистические триллеры к литературе отношения вообще не имеют. Справедливости ради надо отметить, что продвигалась и собственно литература, но при одном условии: в ней пороки, свойственные всему человечеству настойчиво приписывались исключительно России и русским. Литературная молодежь быстро поняла это условие успеха и поставила «отчизноедство» на поток.

Одна беда: книги лауреатов «Букера», «Нацбеста», «Большой книги» (а с помощью этих премий пытались и пытаются перекодировать как отечественного читателя, так и писателя) читать – за редким исключением – невозможно. Как навязчивый соцреализм портил многие сочинения советских писателей, так и заемные русофобия и антисоветизм явно не улучшают книжки «узников Букервальда». «Литературная газета» просто завалена письмами читателей на эту тему. «Пошла в магазин, увидела стенд лауреатов – авторов «национальных бестселлеров», купила, прочитала, и теперь не понимаю: кто сошел с ума? Я, авторы этих, с позволения сказать, «произведений» или члены жюри, присудившие им премии? Сделайте что-нибудь!» А что мы можем сделать? Лишний раз напомнить, что судьба отечественной словесности не должна зависеть от неадекватных чиновников «Роспечати».

Кстати, беда с премиями – не только российское явление. Взять хотя бы присуждение Нобелевской премии по литературе за 2015 год: казалось бы, можно было радоваться, что премию получила русскоязычный автор. Но радости по этому поводу нет. Потому что, во-первых, лауреаты Нобелевки – это давно уже не писатели первого ряда. Потому что сама премия превратилась в премию для авторов-диссидентов, бунтующих именно в тех странах, к которым консолидированный Запад с географическим центром на Уолл-стрит, имеет какие-то претензии. Причем, если

еще лет 20–30 назад из диссидентов все же выбирались довольно крупные фигуры – киты (Солженицын или Бродский) то теперь пошла литературная макрель, вроде Светланы Алексиевич. Давайте называть вещи своими именами: ее книги – это весьма средняя публицистика, точнее, литературная запись, работа скорее техническая, нежели творческая. Раньше этим просто подрабатывали, записывая речевые потоки военачальников, директоров, знатных доярок... А теперь за это Нобелевку дают. Впрочем, премию Алексиевич получила не за тексты, а за то, что она, лауреат премии Ленинского комсомола и кавалера ордена Знак почета (1984) пламенно не любит советскую власть и Россию, о чем в любом интервью сообщает с той обстоятельностью, с какой впадший в детство пенсионер повествует о своей подагре. Такое впечатление, что следующему русскоязычному лауреату Нобелевской премии и писать-то не понадобится, а только ругнуть как следует в эфире эту «немытую Россию». А пожалуйста – в Стокгольм!

Грустно. Ведь навык нации к серьезному чтению – это важный национальный ресурс, такое же достояние государства как нефть или газ, уголь или железо. «Лихие 90-е» остались далеко позади. За последние годы политический вектор развития страны повернулся на 180 градусов, изменились экономические задачи, внешнеполитические приоритеты. Но, увы, культура и образование продолжают развиваться у нас по самопогромным законам смутного времени, воспитывая у людей комплекс исторической и нравственной неполноценности, готовя из них невольников. Хорошая книга делает человека лучше, а плохая хуже. Кремль держит под пристальным внимание ВПК и очень огорчается, если новая ракета промахивается мимо цели. Но ведь самую совершенную ракету можно просто порезать на «иголки», если начитаться дурных книг или насмотреться дурацких телепередач и вообразить собственную Родину «империей зла». И такое уже у нас было. Эй, там за стеной, очнитесь!

Вечерняя Москва, 2015

Путешествуя по Волге, я всякий раз отмечаю, что большинство теплоходов носят имена писателей: Пушкин, Лермонтов, Блок, Толстой, Достоевский, Лесков, Шолохов, Есенин, Фадеев, Некрасов, Островский, Мамин-Сибиряк, Симонов, Твардовский, Пришвин... Конечно, встречаются по курсу также и ученые, музыканты, художники, полководцы, даже государственные и церковные деятели. Но все они в совокупности едва ли могут соперничать с писателями, которые, по выражению четырехпалубного круизного красавца «Владимира Маяковского», «умирая, воплотились в пароходы, стройки и другие добрые дела». В таком преобладании на водах вольно или невольно запечатлена особая роль Слова в судьбе России.

Так уж сложилось, но именно литература была у нас не только тиглем, где выплавлялась золотая норма родного языка. Словесность при всей своей изящности являлась у нас кузницей политической, государственной, даже экономической мысли. Вспомните Энгельгардта или Чаянова. Литература была убежищем для «тайной свободы» при царях-батюшках, а в советские времена стала заповедником, где в суровые интернационально-атеистические годы удалось сберечь, зашифровав в художественных иносказаниях, национальные и религиозные коды народа, кстати, не только русского, которому досталось больше других – за великодержавность. Вместе с тем, именно литература у нас традиционно аккумулировала и словесно оформляла недовольство людей жизнью, а значит, и властью. Не зря же Ленин так любил цитировать русскую классику, и «зеркалом революции», часто кривым, вольно или невольно становился любой честный художник. Оказавшись на германской войне, Куприн не узнал среди офицеров героев своего «Поединка». Впрочем, это была уже действующая, а не гарнизонная армия.

Наша история, как справедливо замечено, сначала словно «репетируется» на страницах книг, а потом уже случается в реальности. Пушкин провидел, Некрасов предвидел, а Блок уже трудился в комиссии по расследованию преступлений Романовых. Правда, недолго... Даже Бродский предсказал возврат Крыма, обмолвившись, что «лучше жить в провинции у моря». А советская власть, по сути, на страницах советской литературы закончилась задолго до того, как госдеп посадил Ельцина на танк. Фига

отросла и в кармане уже не помещалась. Творческая, прежде всего литературная среда стала лабораторией, где вывелся вирус социалистического иммунодефицита. При явном товарном и идейном дефиците размножался он стремительно. Однако «Апрель» и «Товарищество русских художников» не любили советскую власть каждый по-своему. Не случайно среди делателей социалистической революции 1917-го и капиталистической 1991-го мы обнаружим немало литераторов.

Заболевание писателей «державофобией» и даже «родиноедством» в нашей стране особенно опасно, ибо – нравится это кому-то или не нравится – литература искони была у нас частью общегосударственного дела. Многие классики XVIII и XIX веков дослужились до высоких чинов и звезд, являлись опорой трона. Достоевский давал уроки в тишине членам царской семьи. Но и те, кто был в оппозиции, сидя в Лондоне, Сибири или Ясной Поляне, заботились не столько о плетении словес, сколько о разумном и справедливом устройстве общества. Даже изгнанник всесоюзного значения Солженицын, грустя в Вермонте, кумекал, «Как нам обустроить Россию». Русские, советские и антисоветские писатели были в своем большинстве заботниками и заступниками. Так их воспринимало и общество.

Вот с этой-то традицией отечественной словесности и повели жесткую последовательную борьбу в 1990-е годы. Началась решительная кампания по отделению и отдалению литературы от государства. Почему? Видимо, новая власть решила раз и навсегда удалить с политического поля слишком непредсказуемого партнера – русскую литературу. Я хорошо помню все эти разговоры-заклинания: мол, творчество – дело интимное, и не надо в тоталитарных калошах вламываться в мастерскую художника. Кто ж с этим спорит? Но и писателям объяснили: давая свободу творчества без берегов, власть просит в дальнейшем по вопросам смысла жизни, духовных устоев, политической морали и социальной справедливости ее не беспокоить. Как-то незаметно места писателей в парламенте заняли спортсмены, потом сочинители начали исчезать из эфира: патриоты почти сразу, за ними последовали совестливые либералы, усомнившиеся в правильности реформ, похожих на самопогром. Наконец, попросили очистить экран литераторов, готовых говорить все, за что платят и награждают: уж очень глупо выглядели. Вспомните Приставкина! Им на смену пришло новое поколение телеведущих, молодых, разноголосых, но при этом дисциплинированных, как синхронные пловчихи. Да что я вам тут объясняю: посмотрите любое телешоу.

Именно в этот период «писатель» был ликвидирован как

класс – исчез из реестра профессий Российской Федерации. Власть понять можно: она же договорилась с литераторами, что творчество – дело сугубо личное. Чего же вы хотите? Одни на досуге любят писать книжки, другие разводить декоративные кактусы. Что ж, теперь и кактусоводов в реестр вставлять? Некоторые по привычке начинали вдруг заботиться о судьбах Отечества или защищать обездоленных, но на них смотрели с усмешкой. В 1990-е во власти вообще было много иронистов, чуть страну не прохихикали.

Итак, труженики пера добились своего, освободились от державного призора и в дурном, и в хорошем смысле. Для власти они стали кустарями – сначала с пишущими машинками, потом с мониторами. Правда, сочинителям из либерального пула на некоторое время государство в хорошем смысле заменил Фонд Сороса, российское отделение которого возглавлял Григорий Бакланов. Для патриотической литературной дружины таким коллективным спонсором стали красные директора и губернаторы. Но и те, и другие долго не выдержали: писатели народ прожорливый и неблагодарный. Труженики пера стали как все, нет, еще хуже, ведь у них даже своего профсоюза не оказалось. Громя СП СССР об этой его ипостаси как-то подзабыли. Эту заброшенность и незащищенность особо остро, думаю, чувствуют сегодня те литераторы, что оформляют пенсии. До 1991 их членство в СП СССР еще засчитывают как трудовой стаж, а потом свою принадлежность к цеху даже узнаваемым классикам приходится доказывать справками и гонорарными ведомостями. Почему? Нет ответа. И только кремлевские звезды задумчиво переглядываются с кремлевскими же орлами.

«А что же сами писатели? – спросите вы. – Они-то как относятся ко всему этому?» «Какие писатели?» – в лучших одесских традициях отвечу я. Дело в том, что у нас в Отечестве двухобщинная литература. Воображаю, как напряглись любители высчитывать процент инородческой крови в белом теле отечественной словесности. Погодите возмущаться или, наоборот, потирать руки, я – про другое. О том, что наша литература расколота, известно всем. Разделение на архаистов и новаторов, либералов и охранителей было всегда. Все знали, что, скажем, публицист Сергей Сергеевич Смирнов – либерал, а поэт Сергей Васильевич Смирнов – охранитель. Причем, по произведениям понять, кто есть кто, порой было невозможно. Например, Осип Брик (тот самый!) в сталинские годы писал пьесы о пользе опричного террора. Но все, конечно, понимали: это он так маскирует свое свободомыслие. Когда же Анатолий Софронов сочинял комедию, откликаясь на зов партии, то все знали: на

самом деле он откликается на зов своего верноподданнического сердца. Хитроумная советская власть умудрилась и трепетную либеральную лань, и упертого патриотического быка впрячь в телегу государства. И ничего – тащили, время от времени взбрыкивая... Но в 91-м разошлись по своим стойлам – и образовались две общины, вроде «ватников» и «укропов» на Украине. Была и своя литературная гражданская война, но она ограничилась тем, что русский патриот Осташвили разбил очки либералу Курчаткину, а потом как-то странно повесился в тюрьме. Помните?

Итак, в нашей словесности две общины. Переходные и гибридные формы, а также профессиональных перебежчиков туда, где сейчас лучше, я опускаю. Первая община, назовем ее по старинке «почвеннической», многочисленная, но малозаметная в информационном пространстве. Она продолжает считать литературное дело частью общенародной жизни, готова служить разумному государству и нести ответственность за сказанное и написанное слово. В этой общине есть свои «фракции». Одни пренебрегают советским опытом, как чуждым, дела исключение для гигантов, вроде Шолохова, Леонова, Твардовского... Другие, напротив, считают, что именно под «серпом и молотом» родная словесность достигла горних высот. Есть и центристы, к коим принадлежит автор этих строк.

Кроме того, я убежден, что писатель, не испытывающий зависимости от самочувствия своего народа, страны, не связывающий с ними свою человеческую, а также творческую судьбу, это не писатель в нашем, русском понимании слова. Это какой-то иной вид филологической деятельности. Тот, кто не знает этой болезненной связи, даже «присухи», и тем не менее посвятил себя словесному творчеству, отличается от настоящего писателя, примерно так же, как кик-боксер от купца Калашникова. Но должен оговориться: наличие такой внутренней связи с почвой – важное, однако не исчерпывающее условие успешного творчества. Человек, который, пошел в литературу лишь на том основании, что любит Родину, обречен. Обилие таких авторов в почвеннической общине – ее главная проблема. Союзу писателей России смело можно вернуть довоенную аббревиатуру ССП. Вот только расшифровывается она теперь иначе: Союз самопровозглашенных писателей. Ведь писатель не тот, кто пишет, а тот, кого читают. Увы, патриотической макулатурой можно нынче Ангари перекрывать.

Вторая община, назовем ее по-постмодернистски «интертекстуальной», не такая уж и многочисленная – особенно в провинции. Сложив «длинные списки» «Букера», «Большой книги»,

«Национального бестселлера» и «Носа», добавив сотню сетевых самописцев, вы получите почти полный состав общины отечественных «интертекстуалов». Зато они почти монопольно владеют информационным пространством и премиальным тотализатором. Авторы, принадлежащие к этой общине, а среди них есть и талантливые, воспринимают творчество как сугубо личное дело: что-то среднее между мелким семейным бизнесом и альковными изысками, о чем охотно болтают в Сети. Им тоже дорого наше Отечество, но не земное, реальное, а вербальное, так сказать, русская «словосфера». Они Пушкину за талант прощают даже «Клеветников России». В них есть что-то от пассажиров круизного лайнера, даже не подозревающих, что есть еще и кочегарка с чумазыми матросами. Да и куда идет судно, им тоже, в сущности, безразлично, главное – при крушении не утонуть вместе с этим гигантским корытом.

Не случайно иные лидеры «интертекстуальной» общины уже перебрались на постоянное жительство за рубеж, продолжая оттуда активно участвовать в литературной и политической жизни России. Напомню, что первые две волны русской литературной эмиграции были связаны с мировыми катаклизмами. Третья – состояла из тех, кому не только было скучно строить социализм, но и обидно, что не позволяют говорить об этом вслух и писать в книгах. Аксенов и Войнович, например. А вот свежие писатели-эмигранты четвертой волны – это особая статья: они не перенесли того, что их точка зрения перестала быть господствующей, как в 1990-е. Утрату монополии в сфере борьбы идей они сочли оскорблением, катастрофой и уехали. Быков и Акунин, в частности...

Если же говорить об идеологии «интертекстуалов», то они чаще всего «подзападники». В отличие от «западников», искренне чающих объевропить российскую цивилизацию, и в отличие от «прозападников», желающих видеть РФ почетным членом НАТО, «подзападники» попросту хотят, чтобы Россия легла под Запад. Я немного огрубляю и спрямляю, но важна суть. Любя русскую «словосферу», «интертекстуалы» относятся к земной жизни Отечества свысока. Так, возвращение Крыма стало для них досадным пятном на репутации русской словесности. Теперь приходится отвечать перед мировым сообществом не только за травлю Пастернака, но и за «вежливых людей». При этом, повторю, они искренне любят русское Слово. Впрочем, человек, который лишь из любви к литературе решил стать писателем, тоже обречен. Филологическая подготовка не заменит талант, как «виагра» не заменит страсть. Поэтому графоманией «интертекстуалов» можно запрудить Темзу. Да, пожалуй, заодно и

Сену...

Остается добавить, эти две общины между собой почти не общаются, друг друга не читают и знать не желают. Недавно в поликлинике я встретил знакомого моей литературной молодости – критика, статьи которого я все эти годы почитывал. Он из видных «интертекстуалов». Разговорились. Критик очень удивился, узнав, что после «Ста дней до приказа» я за 30 лет написал, оказывается, еще с десяток повестей и романов. В ответ не без ехидства он поинтересовался, видел ли я очень смешную комедию моего однофамильца и тезки, идущую в театре Сатиры? Обнаружив, что автор пьесы сидит перед ним, друг моей молодости впал в онтологическое огорчение.

Если я скажу, что писатели почвенной общины пытливы и зорко следят за творчеством «интертекстуалов», то, конечно, слухавлю. Но, тем не менее, это так. Слаб человек – хочется узнать, за какие такие тексты его собрат, а точнее, «совраг» по перу, получил очередную премию и два-три миллиона рублей под чернильницу. Поэтому все-таки почвенники лучше знают то, что пишут «интертекстуалы», а те о своих художественно-эстетических оппонентах, по-моему, даже понятия не имеют. Периодически возникает риторический вопрос: как это так получилось, что раскрученная премиальная сеть вкупе с горячей поддержкой СМИ досталась исключительно «интертекстуальной» общине, будто нефтяная вышка хорошему человеку? Ведь даже о президентских и правительственных премиях в области литературы, присуждаемых с гораздо большей объективностью, по телевизору если и говорят, то с поспешным смущением, как про таблетки от запора. Да, мы помним, что именно «интертекстуалы» в 1990-е осуществили грезу власти о ненадоедливой, замкнутой на себе, а потому изящной во всех отношениях словесности. Никаких тебе напоминаний о крахе реформ, геополитических провалах, обнищании населения... Живи, радуйся и дирижируй немецким оркестром. В ту пору ценилась литература, которая лично мне напоминает «сэлфи» на пожаре. Пепелище, погорельцы – все это – за кадром...

Но с тех пор многое изменилось. Упала в стране грамотность, угас интерес к книге, а с невежественной молодежью какой технологический прорыв? К тому же, вдоволь поглумившись над патриотическими чувствами в 1990-е, с удивлением в нулевые выяснили, что количество молодых российских граждан, которые не прочь уехать из России куда-нибудь на ПМЖ, достигло угрожающего уровня. Сообразили, что патриотизм хоть и относится к дикорастущим видам эмоций, но если его регулярно вытаптывать, может погибнуть. А кто у нас всегда был главным

ревнителем любви к Отечеству? Ясно: писатель. Тут бы и вспомнить власти о почвеннической общине, позвать ее в союзники. Но не случилось.

Почему? Выскажу свои, возможно, спорные соображения. Российской власти по большому счету всегда были ближе либералы, ведь именно государство у нас издавна «главный европеец» в стране. Но это лишь часть ответа. При власти во все времена немало людей без определенного образа мыслей, но с вполне конкретной целью – преуспеть. Если бы министров пороли по субботам и выдавали зарплату талонами на питания, мы бы имели у рычагов сплошь бескорыстных патриотов. А так... Ну какая моногамия в борделе?

Кроме того, у отцов державы всегда теплится иллюзия, что прикормив и приручив диссидентов, они получат дополнительную опору. А патриотов, что их ласкать, они и так рядом, как верный пес у ноги – только свистни. Наконец, самое главное: патриоты гораздо требовательнее к власти, ибо их интересует судьба отечества и народа, а не режима. Им дай волю, они тебе еще и «залоговые аукционы» припомнят. А либерал, и его литературный клон «интертекстуал» к слабостям верхов относится с пониманием. Если развеять болотный туман и гуманитарное сопение, останется лишь личный интерес, как правило, слабо увязанный с интересами Отчества.

*Ветчины хочу, ветчины,
Небывалой величины...*

Так когда-то спародировал Юрий Левитанский строчки Вознесенского:

*Тишины хочу, тишины.
Нервы что ли обнажены?*

Но вернемся к двухобщинности нашей литературы. Она возникла в результате распада Союза писателей СССР на множество организаций, которые быстро утратили всякий авторитет и у власти, и у общества. Вы будете смеяться, но Год литературы прошел в нашей стране без видимого присутствия союзов писателей. На заседании оргкомитета, просмотрев многостраничный план мероприятий, я, не найдя там ни одного писательского объединения, обратил на это странное обстоятельство внимание президиума, В ответ на меня глянули так, словно я озаботился судьбой увечных ветеранов

Севастопольской кампании позапрошлого века. Собственно, литературное сообщество в Года литературы не участвовало, в центральных акциях фигурировали отдельные авторы, милые крупным издательским концернам или Агентству по печати. В регионах дело обстояло иначе: там участь писателей зависит от начитанности губернатора. Это плохо? Да как сказать. При организационно-творческом маразме существующих писательских союзов, может, и к лучшему. Ситуацию они явно не поправили бы, а снижать уровень Года литературы было уже некуда...

А может, наплевать и забыть, как говаривал Чапаев? Ну, нет единого писательского сообщества и не надо. Кому-то, видимо, и так хорошо. Но, по-моему, отсутствие структуры, увязывающей жизнь профессионального литературного цеха с государственной культурной политикой, дает о себе знать. Задумайтесь, почему советская власть озаботилась созданием единого союза писателей именно тогда, когда стало понятно, что Мировая революция накрылась, Земшарная республика отменяется, поэтому выживать и отбиваться придется самим без помощи пролетариата передовых стран. Ситуация чем-то похожая на нашу нынешнюю. Нам тоже дали понять, что мы все равно останемся для Запада чужими, даже если вынесем Ленина из мавзолея и подарим Британскому музею. А в ситуации, когда страна на полуосадном положении, писатель уже не кустарь с монитором, а важный соучастник серьезной сшибки цивилизаций. Соратник. Вот только вопрос: на чьей он будет стороне?

Вроде бы власть это заранее почуяла, и без малого два с половиной года назад созвала Литературное собрание, как говорится, поверх барьеров. Затея замечательная: свести вместе всех, кто связан с русским словом. Разговор с президентом получился широкий и острый, а главное – всем понравилась идея создать постоянно действующее Российское литературное общества, которое объединило бы профессионалов, работающих на ниве отечественной словесности. Однако за два с половиной года восторг предвкушения сменился тоской ожидания, но обещанного, как говорится, три года ждут. Объясняют: нет денег. Но пока суд да дело, может, власть вернет хотя бы писателей в реестр профессий Российской Федерации? Во-первых, дешево и сердито. А во-вторых, своим многовековым служением Российской Державе и Русскому слову, мы, наверное, заслужили право стоять где-нибудь между «пескоструйщиками» и «почвоведками»...

Впервые о Геннадии Николаевиче Селезневe я услышал в 1980 году в «Комсомольской правде», куда он только что пришел главным редактором. Мы сидели и выпивали чай в комнате «Алого паруса», где я печатал свои стихи со студенческих времен, и был там почти своим человеком.

– Ну, и как ваш новый главный? – спросил кто-то, закусывая редакционной сушкой.

– Селезнев? Ну, это совсем другое дело! – воскликнул, кажется, Юрий Щекочихин. – Светлый человек!

Прежнего главного редактора, Валерия Ганичева, «темного человека», они терпеть не могли за откровенное русопятство и тщетные попытки «коренизации» журналистского коллектива.

– Посмотрим, посмотрим, – с недоверием проворчал Павел Гутионтов. – Знаем мы этих комсомольцев...

Возникла неловкая пауза, и все посмотрели на меня, ведь я тоже, хоть и недолго, работал в комсомоле и как раз перед этим рассказывал им, что начал писать повесть о райкоме.

– Только без липатовских соплей! – попросил Щекочихин, имея в виду повесть сотрудника «Комсомольской правды» Виктора Липатова (не путать с романом талантливого Вилия Липатова «И это все о нем...»).

Повесть называлась незатейливо «Письма из райкома» и печаталась с продолжениями в газете. Я пообещал без соплей и слово сдержал.

Прошло время, полюбить они Геннадия Николаевича, конечно, не полюбили (эти люди любят только своих), но относились к нему с уважением за то, что был объективен, признавал чужую точку зрения и никогда не сдавал проколовшегося журналиста цековскому начальству. А вскоре я сам чуть не стал подчиненным Селезнева. Дело было так: срочно искали кандидатуру на должность заведующего отделом литературы и искусства в «Комсомольскую правду». Кто-то порекомендовал меня, работавшего тогда редактором «Московского литератора» и получившего как раз премию Московского комсомола. Навели справки и позвали на собеседование с главным редактором. Я к тому времени повидал уже немало разного, в том числе и журналистского начальства. Сухость, спесь или снисходительность – были обычным стилем общения с нижестоящими товарищами.

Геннадий Николаевич произвел на меня совсем другое, хорошее впечатление. Он подкупал своим спокойствием и

приветливостью, совершенно искренней, а не должностной, как это бывает у большинства столоначальников. В нем сочетались какая-то внешняя расслабленность с внутренней собранностью, даже цепкостью. В молодости он занимался всерьез конным спортом. Мы поговорили о литературе, о фронтовой поэзии, которой я тогда занимался, еще о чем-то – новых книгах, спектаклях, выставках... Кажется, только что в Манеже прошла выставка Глазунова. Поговорили и об этом. Только потом я сообразил, что вот так, за беседой он проверял мой кругозор, взгляды и вкусы. Кажется, и я Селезневу понравился, но из ЦК ВЛКСМ прислали на эту должность кого-то другого...

Помню, как в «Комсомолке» после выхода в «Юности» моей повести «ЧП районного масштаба» появилась разгромная рецензия «Человек со стороны» все того же Виктора Липатова. На каком-то пленуме Геннадий Николаевич подошел ко мне и сказал:

– Ты не обижайся! Я-то бился за то, чтобы «ЧП» у нас с продолжениями печатать, но там не поддержали, – он показал пальцем вверх. – Но все будет хорошо, вот увидишь! Пойдем, покурим – сил нет...

И улыбнулся своей особенной улыбкой, доброй, мудрой и чуть грустной одновременно.

В 1988 году он перешел на работу в «Учительскую газету». Поговаривали: это опала, не сработался с новым первым секретарем ЦК ВЛКСМ Мироненко, говорливым парубком из Киева. И газета расцвела. Кстати, сегодня, когда вручают премии «Учитель года», могли бы вспомнить, что этот конкурс и звание придумал Геннадий Николаевич. В «Учительской газете» я тоже печатался, иногда был зван на чай в кабинет главного. Из разговоров я понял, что Селезнева, как и меня, очень беспокоит, что перестройка и гласность превратились в перетасовку и болтовню.

Думаю, совсем не случайно в феврале 1991-го, когда надвигающаяся катастрофа стала очевидной, его призвали в «Правду» – газету в ту пору невероятно влиятельную и во многом определяющую общественное мнение. Но время ушло, словом развал предотвратить было невозможно, а на жесткий отпор «партии развала» не хватило духа ни у политиков, ни у военных. Именно при Селезневке «Правда» из органа правящей партии превратилась в главную оппозиционную трибуну. После катастрофы 1993-го ельцинское окружение сделало все, чтобы удалить Селезнева из газеты... Я, как автор издания, заметил: после его ухода газета стала стремительно терять свой уровень, а встреча с новым владельцем ленинской газеты – греческим

коммунистом-миллионером – произвела на меня вообще какое-то комическое впечатление.

Когда я узнал из новостей, что Геннадий Николаевич избран спикером Госдумы, стало понятно: курс на самоуничтожение страны отменяется, оказавшиеся не способными управлять сложной государственной машиной «гайдары», «чубайсы», «шумейки» и проч. вынуждены были обратиться за спасением к генерации советских руководителей – с их знанием и опытом. Собственно им мы и обязаны тем, что ельцинское царствование не окончилось развалом и России. Тогда часто передавали по телевизору будни Думы, и я получал почти эстетическое удовольствие от того, как Селезнев ведет заседания – мягко, уверенно, с улыбкой, виртуозно проводя сквозь бурелом тогдашнего депутатского корпуса решения важные для спасения страны, которая только-только начала выбираться из смуты...

Я перевидал многих ораторов, шумевших и баявших с думской трибуны, игравших словами как наперсточники. В отличие от них, людей фразы, Геннадий Николаевич был человеком слова. И в том смысле, что отдал много лет журналистике, и в том, что как политик умел выполнять данные обещания.

С новой, неожиданной стороны я узнал Селезнева, приехав в августе 2001-го в Ялту на Второй телекинофорум «Вместе». Но в тот год пообщаться не удалось. Насколько я помню, при известии об атаке на нью-йоркские небоскребы, он улетел в Москву. Но потом мы ежегодно стали встречаться с ним на форуме, просуществовавшем пятнадцать лет благодаря его усилиям. Помню, мы сидели в кафе, на улице, у центрального входа, он отхлебнул виски и стал вставлять в мундштук сигарету:

– Вот так, Юра, одни ломают, а нам приходится восстанавливать. Видишь, в этом году почти от всех республик к нам приехали. Из всех искусств для нас важнейшими является что? Правильно: кино... и телевидение. Будем работать!

Геннадий Николаевич умер неожиданно, словно вылетел из седла.

«Сборник памяти Г. Селезнева», 2016

Мейнстрим андеграунда

То, что Сергей Довлатов – талант, очевидно. Еще очевиднее то, что сравнивать его следует не с Чеховым, а с Аркадием Аверченко. Такова его реальная весовая категория без корпоративно-племенной предвзятости. Слушая юбилейные кантаты в духе: «Довлатов всегда живой, Довлатов всегда со мной», я вдруг задумался о его доэмигрантской судьбе. Не о том, почему его не печатали. Тогда не печатали многих, как и сейчас. Зайдите в «Новый мир» с рукописью теплой прозы о русской деревне, и вас вытолкнут пинком. Меня заинтересовало другое: почему я, читавший в 1970-е почти весь ходивший по рукам «самиздат» и «отсев», не выделил для себя прозу Довлатова из потока непечатных сочинений. Думаю, потому, что в такой же стилистики иронического «мемуара» писало большинство непризнанных прозаиков, часто хуже Довлатова. То был, если хотите, «мейнстрим андеграунда». Многие из этого «пула отверженных», проявив упорство, начали вскоре печататься: Евгений и Валерий Поповы, Пьецух, Нарбикова... Но Сергею Донатовичу, гордому выходцу из окололитературной семьи, не хватило терпения, хотя был он на подходе, сборник, подготовленный к печати в Таллинне, тому свидетельство. Еще года-два... В начале 80-х отношение к «трудным рукописям» начало быстро меняться. Однако он выбрал эмиграцию, где и выделился из «мейнстрима» не только талантом, но и активной общественно-политической позицией, озвученной «Голосом Америки». А для советских кухонных диссидентов, еженощно припадавших к радиоприемникам, «наш человек», прогремевший в Нью-Йорке, был пророком. Вскоре начался погром советской цивилизации, в том числе и литературы. Срочно понадобились новые, не запятнанные сотрудничеством с режимом классики: служба в конвое и в партийной «Советской Эстонии», конечно, не в счет. Внезапная смерть в расцвете дарования довершила формирование легенды. Так большевики, утверждаясь, называли улицы именами своих рано ушедших соратников, даже не особо выдающихся. Из-за этого позже не хватало переулков для увековечивания и более заслуженных деятелей. В заключение вопрос к губернатору Полтавченко. Георгий Сергеевич, а вы памятники Льву Гумилеву или Виктору Конецкому ставить собираетесь? Или наше государство в Вашем лице отпускает бронзу только на помин тех, кто из Отечества эмигрировал? Умершие на родном пепелище проходят у Вас по второй категории? Или как?

Шестидесятники: прекрасный плен или очернение эпохи?

Первый канал начал показ нового сериала «Таинственная страсть» – экранизации одноименного романа Василия Аксенова об эпохе 1960-х годов и ее культовых поэтах. Споры вспыхнули сразу, причем не только о том, кто выведен под тем или иным вымышленным именем, но и о значении шестидесятников в истории страны. Мы представляем два противоположных мнения об этом.

Мнение «За»

Зоя Богуславская, писатель, эссеист, вдова поэта Андрея Вознесенского

Создавая свой последний роман «Таинственная страсть», Василий Павлович Аксенов и предположить не мог, что вокруг его произведения разгорится бурная дискуссия и что люди будут раздирать на части страницы, споря, кто из известных и культовых фигур скрывается за тем или другим псевдонимом. Сейчас, с появлением сериала, споры эти, как мне кажется, только усилятся.

И вот почему: несмотря на множество несостыковок, сделанных в угоду художественному замыслу, режиссер Влад Фурман через фигуры шестидесятников неплохо показывает эпоху, ведь «могучая кучка» в лице Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Булата Окуджавы стала средоточием интересов поколения. К этим именам было приковано исключительное внимание. Вся страна знала их стихи наизусть! Фурман показывает, в чем была заслуга шестидесятников, в чем заключалась их магия, помогавшая покорять стадионы, завоевывать сердца миллионов людей.

И в чем заключалась трагедия, в которую погрузились множество поэтов и писателей, когда прекрасная эпоха шестидесятничества подошла к концу.

«Вы думаете, что у вас оттепель?! – кричал Никита Хрущев Андрею Вознесенскому. – Нет у вас больше оттепели. Начинаются заморозки!» И это сломало жизни очень многим, причем не только литераторам...

Впрочем, есть тут и минусы. И главный из них в том, что

уклон экранизации, в которую явно вложено много и денег, и сил, и любви к исполнителям (они временами подобраны очень удачно – в первую очередь Чулпан Хаматова, играющая Беллу Ахмадулину), ради зрительского интереса смещен достаточно сильно. Куда? Вот мое мнение: в экранизированном романе акцент сделан на страсти любви, страсти чувств. Но у Василия Павловича было другое понимание «таинственной страсти». Он сам рассказывал мне о том, что под этим выражением подразумевал иное – страсть к написанию.

«Я по-настоящему счастлив, – говорил он, – только когда создаю роман. Когда я начинаю над ним работать, я знакомлюсь с действующими лицами, я с ними живу, воспринимаю их как совершенно реальных людей. А когда пишу последнюю строчку, расстаюсь с ними с такой болью, что у меня начинается самая настоящая депрессия».

Впрочем, я понимаю, что это счастье от творчества показать в сериале совершенно невозможно.

Мнение «Против»

Юрий Поляков, писатель, главный редактор «Литературной газеты»

Тема – жизнь и творчество «детей XX съезда» – по-моему, очень интересна. Но мемуарный роман Аксенова – не лучшая основа для такого сериала.

Во-первых, он субъективен и даже злобно субъективен. Будучи отпрыском семьи пламенных революционеров, автор смотрит на страну глазами того узкого слоя советской элиты, которая пострадала от Сталина, но и сама была не без революционного греха.

Во-вторых, «Таинственная страсть», в отличие от блестящей книги воспоминаний «Алмазный мой венец» Валентина Катаева, – вещь рыхлая, торопливая и очень себялюбивая, как и все, что писал в последние годы автор «Звездного билета». Это не рассказ о времени и о себе, а скорее позднее сведение счетов в старых спорах, мемуары об обидах и изменах. Короче, воспоминания о «терках» между тогдашними литературными мажорами. И то, что Высоцкий, например, назван Вертикаловым, смущать не должно. Описанное Аксеновым, если исключить aberrации пожилого мозга, очень близко к тому, что происходило на самом деле в той тесной компании.

В-третьих, это рассказ о своей тусовке со всеми ее мифами и самообольщениями. От Аксенова, например, вы никогда не

узнаете, что на знаменитом вечере в Политехническом самую высокую и бурную оценку слушателей получили не Евтушенко, Ахмадулина или Вознесенский, а поэт Сергей Поликарпов. Когда он стал выяснять потом, почему его блестящее выступление не попало в фильм Хуциева «Застава Ильича», ему ответили: «Ваши стихи были слишком русскими...» Вообще упорный четвертьвековой интерес телевидения к деятелям культуры с диссидентским и эмигрантским опытом несколько озадачивает. Во всяком случае, снять кино о Твардовском, Рубцове или Шолохове никому в голову не приходит. Может быть, потому, что их произведения слишком русские? А ведь жизнь того же Рубцова была по-настоящему трудной в отличие от благополучных страдальцев аксеновского круга.

На мой взгляд, выбор последнего мемуара Аксенова в качестве литературной основы сериала не только нелеп, а тенденциозен и продиктован навязчивым стремлением нашего телевидения за казенные деньги внушать зрителям комплекс неполноценности за «проклятый совок». Кстати, сам Аксенов, чьи родители были видными строителями советской системы, никакой вины не испытывал по этому поводу.

«Вечерняя Москва», 2016

Вольные бюджетники и немотствующий народ

Осеннее обострение вольнолюбия ознаменовалось новым наездом на Министерство культуры. Я, конечно, не считаю эту организацию идеальной, но от чиновников надо требовать разумной организации процесса, а не прикладной метафизики. Итак, на съезде СТД-ВТО (старая аббревиатура подходит этой структуре куда как больше) с пламенной речью в защиту свободы творчества на бюджетной основе и против цензуры в формате 1937 года выступил Константин Райкин. Ничто так не вдохновляет худруков на борьбу с системой, как проблемы с бухгалтерией. Когда-то, в далекие 1970-е, будучи инструктором Бауманского РК ВЛКСМ, я помогал ему, молодому актеру «Современника», сочинять выступление для отчетно-выборной конференции. Полагаю, нашумевшую съездовскую речь ему тоже помогли подготовить: уж очень она концептуально формулирует основные претензии «вольных бюджетников» к власти. Хотя, возможно, с годами легкокрылый актерский ум набряк мудростью.

Но особенно меня заинтересовала статья-манифест режиссера Андрея Звягинцева «Дурной сон госзаказа», опубликованный в «Коммерсанте» и продолживший тему, поднятую Райкиным. Судите сами.

«...Вмешательство властей в профессиональные дела любых специалистов часто абсурдно, но во сто крат абсурднее вмешательство в дела художников. Это профессия, сама суть которой – свободное творчество, то есть рождение нового, до поры до времени не известного даже самому художнику. Когда чиновник задает автору тему и контролирует «правильное» ее воплощение в акте искусства, он метким ударом стреляет в самое сокровенное, что есть в профессии, – в тайну творческого процесса...»

По моим наблюдениям, в литературе свободнее всех чувствуют себя графоманы. В театре и кино тех, кто за себя не отвечает, тоже хватает. К тому же я не припомню, чтобы за последние тридцать лет власть задавала автору тему. Например, будучи еще советской, она очень удивилась, когда я написал «Сто дней до приказа». Почти четверть века назад новые насельники Кремля в благодарность за помощь в свержении «совка» отдали либеральным творцам полный контроль над художественным пространством и удалились в нефтегазовую сферу. «Твори, выдумывай, пробуй...» И кормись! Кто заказывал Богомолу

«Идеального мужа», Райкину – «Все оттенки голубого», самому Звягинцеву – «Левиафана», Кулябину – «Тангейзера»? Власть? Я вас умоляю! Она забыла, в какую сторону сиденья в театре откидываются. Большинство наших режиссеров давно ведут себя в творчестве, как Настасья Филипповна в личной жизни, а власть, как идиот, в смысле – князь Мышкин. Рогожина на них нет. Да, в последнее время Минкульт стал очень робко интересоваться, на что тратятся бюджетные деньги. А почему бы и нет? Время такое – экономное. С олигархов тоже ведь стали брать налоги, а депутатов заставляют перечислять все имущество вплоть до «копейки», купленной в бедной юности.

А вы как хотели? Неужели спросить, отчего у вас залы пустые, а премьеры, получив «Золотую маску», с треском проваливаются – это и есть «стрельнуть в самое сокровенное»? Не верю! И не стоило переутонченному Андрею Звягинцеву вспоминать сакраментальное: кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Пока у вас только поинтересовались, почему она ужинает с одним, а спит с другими? И сразу столько нервов напояз! А что, спросите вы, так уж и не бывает у нас прямых «госзаказов»? Увы, бывают. Вот пермский губернатор заказал и оплатил из казны области Марату Гельману скульптурных монстров, от которых теперь пермяки не знают, как избавиться. Впрочем, странные люди встречаются не только в искусстве, но и во власти. Некоторые уже сидят.

Однако продолжим знакомство с манифестом Звягинцева:

«...Нет, не художник обязан государству, а государство обязано помогать художнику. Власть обязана пестовать гений, поощрять свободный поиск талантливых представителей народа, потому что именно так тело народа осознает себя, взрослеет, совершенствуется, просвещается вместе с этими прозрениями, порой ранящими публику, порой обескураживающими ее, но всегда создающими то напряжение смыслов, которое и необходимо как вода в пустыне душе и разуму зрителя, читателя, слушателя. Глядя на свободно струящееся тело произведения вольного ума, зритель видит, как в отражении, себя самого свободным и вольным, потому что, как известно, художник не может не петь песню, которая немотствует на устах его народа. Власти же вместо этого поощряют бездарную унылую ложь о человеке, заполонившую экраны и телевизора, и кинотеатра. Отдаляют тем самым человека от самого себя, настоящего и сложного. Вот чем оборачивается их «госзаказ»...»

Так и хочется сказать: «Аркадий, не говори красиво!» Нет, конечно, от режиссера никто не ждет кастальской бунинской ясности, но и витийствовать в духе чеховского ученого соседа

тоже, право, не стоит. За ВГИК обидно. Однако, если протраться сквозь виньетки, выясняется любопытная вещь: и экспериментальные спектакли, продержавшиеся полсезона, и фестивальные фильмы, провалившиеся в прокате, и нечитабельные романы-букероносцы, и сантехнические инсталляции, – почти все они сняты, поставлены, изданы, воздвигнуты на государственные деньги. Увы, Мамонтовых у нас теперь нет, наши космополиты-олигархи вкладывают деньги в офшоры, а не в русское искусство. Отдувается, как всегда, государство. А как еще, кроме обучения в профильных вузах и финансовой поддержки, прикажете ему пестовать гениев? Купать «свободно струящееся тело» в шампанском?

И с чего вдруг Звягинцев взял, что «художник не может не петь песню, которая немотствует на устах его народа...» Очень даже может. Возьмем его же фильм «Елена», снятый, кстати, по госзаказу, а именно – за деньги «Фонда кино». Между прочим, моим продюсерам, обращавшимся туда же за поддержкой, всякий раз отказывали без объяснений. Но мы говорим сейчас не об обидах, а о принципах. И я сомневаюсь, что на устах моего народа «немотствовало» именно то, что «выглаголил» в этой ленте автор. Напомню, там простая русская женщина, немолодая Елена, ставшая по случаю женой-сиделкой благородного новорусского миллионера. Впрочем, происхождение его состояния темно, как дым над крематорием. И вот она с помощью горсти «виагры» (именно так!) убивает доверчивого нувориша ради того, чтобы ее ублюдок-внук, мерзавец и садист, прозябающий на вонючей городской окраине, смог окончить высшее учебное заведение. Встречается такое? Наверное, но, думаю, гораздо реже, чем отпрыски нефтеналивных магнатов, сбивающие на улицах людей, как кегли, даже не замедлив бега своего «ягуара». Любопытно, что фильм снят на российские деньги, но по британскому сценарию о тамошней жизни. Видимо, англичанам это «прозрение, ранящее публику», не понравилось, и они, в виде гуманитарной помощи, перебросили его нам. Возможно, в другой раз Звягинцев за деньги «Фонда кино» снимет фильм по сценарию африканца, и мы будем удивляться, что в его новой картине жители Мытищ озабочены проблемами ритуального каннибализма...

Далее наш манифестант пишет: «...Ключевая черта, свидетельствующая о безнравственности нашей власти, в том и состоит, что она совершенно убеждена: деньги, которыми они распоряжаются, принадлежат им. Они забыли, с какой-то удивительной легкостью изъяли из своего сознания простую и очевидную мысль, что это не их деньги, а наши. Общие. Деньги, на которые они «заказывают» свои агитки, взяты у народа...»

Во-первых, агитки заказывает не только власть. Вспомните позорный фильм Лунгина «Олигарх», оплаченный Березовским. Во-вторых, вынужден согласиться: да, это деньги не правительства, не Минкульта, не чиновников. Но и не режиссеров. Видно, мы со Звягинцевым в слово «наши» вкладываем разный смысл. «Наши» в понимании автора «Левиафана» означает: это его, Звягинцева, деньги, а также – Табакова, Захарова, Гельмана, Райкина... Они вольны ставить и снимать на них то, что считают нужным. А если кому-то не по нраву, значит, самое время поговорить о неудачном народе. Если же народ в лице несдержанных зрителей вдруг начинает выражать неудовольствие, мол, почему наши деньги тратят черт знает на что, то следует отповедь:

«...Господин Песков не стал комментировать слова Райкина о чудовищных выходах людей, публично ломающих скульптуры и обливающих мочой фотографии. Тем самым подтверждая мысль Константина Аркадьевича: государство предпочитает всего этого не замечать. Причина, увы, очевидна. Активность этих расплодившихся как кролики общественных организаций, этих безнравственных блюстителей нравственности и есть истинный госзаказ».

Я вот не припомню, чтобы люди звягинцевского пула возмущались, когда в начале 1990-х тросами срывали с постаментов памятники, многие из которых были шедеврами советской монументалистики. Они не били в набат, когда в галереях выставляли муляж свиньи с надписью «Россия», когда куры гадили на голову восковому Толстому, когда ели бисквитного Ленина, когда кощунницы, как взбесившиеся вагины, отплясывали в храме, а на разводном питерском мосту малевали фаллос размером с Ивана Великого. Для них это было разрушением недолжного или провокативным экспериментом. Но как только граждане с активной, но, увы, традиционной ориентацией стали действовать теми же методами, сразу раздался плач на реках вавилонских. Бледнолицые тоже очень переживали, когда краснокожие вдруг научились стрелять из ружей. Но ничего не поделаешь: дурной пример заразителен. А то, что по каждому хулиганству заведены уголовные дела, режиссера не волнует, он «изъял это из своего сознания» и, видимо мечтает о бессудных расправах, как в 1920-е: плеснул мочой в фотографическую нимфетку – и сразу в расход. Конечно, во всем опять же виноват Левиафан-государство, у которого *«есть этот заказ – сделать страну усредненной, однообразной, изоляционистской, послушной, как стадо, державой. Агрессивные маргиналы всегда хорошо чувствуют такой “госзаказ”».*

Улавливаете? За всей этой внезапной борьбой с «госзаказом», четверть века исправно окормлявшим нашу передовую творческую интеллигенцию, включая Звягинцева, скрыты жесткие прагматические задачи, так сказать, три в одном пенном флаконе. Потому-то все сообщество и возбудилось как по команде. Первая задача – напомнить власти: художественное пространство в России – вотчина либеральной интеллигенции, и кормила она никому не отдаст. Вторая цель. Как избалованный ребенок пускает пузыри и сучит ножками за право не есть по утрам манную кашу, так вольные бюджетники борются за то, чтобы по-прежнему казна исправно раскошеливалась, не интересуясь, на что потрачены «наши» деньги и что получило на выходе общество. Согласитесь, от такой оплаченной безмятежности трудно отвыкать. И третье. С помощью срежиссированной истерики наши творцы по давней традиции посылают туда, на просвещенный Запад, сигнал: мол, мы здесь из последних сил боремся с очнувшимся российским Левиафаном и теми «активными маргиналами», которые посмели вернуть Крым и объявить вам, о свет наших очей, ужасные антисанкции. Нет ли у вас по такому случаю лишней пальмовой веточки или оскарчика?

«...И последнее. Моему сыну только на днях исполнилось 7. (Сыну Звягинцева, разумеется. Моей дочери 36 лет. – Ю.П.) Он не знает, кто такой Путин. Потому что живет в счастливой стране по имени детство... У нас дома нет телевизора уже много лет. В этом сентябре он пошел в первый класс. Уже в конце первой недели обучения на мой вопрос, что они изучают в классе, мой сын ответил: «В Москве есть Красная площадь, Кремль и зоопарк, а еще у нас есть президент Путин, он хороший и добрый». Вот это и есть госзаказ: вместо объективных знаний – идеология, вместе с писанием закорючек – пропаганда».

Ну, во-первых, если у Звягинцева нет телевизора, откуда он знает про «бездарную, унылую ложь о человеке, заполонившую экраны и телевизора, и кинотеатра». Эрнст на тайной пирушке рассказал? Во-вторых, Путин, нравится он или нет, – тоже объективная данность. Во всяком случае, до новых выборов. В-третьих, французский школьник знает не только Путина, но и то, что он очень плохой дядя. И тут, конечно, никакой пропаганды, а обыкновенное «напряжение смыслов». Право слово, от звягинцевского пассажа разит таким чемоданным инфантилизмом, что невольно вспоминаешь советский анекдот эпохи «отказничества».

– Папа, посмотри – мавзолей дедушки Ленина!

– Лева, сколько раз повторять, дедушка у тебя один, зовут его Марк Львович, и он похоронен в Бердичеве!

Честно говоря, раньше я думал, что фильмы Звягинцева не нравятся мне по причине их школярской витиеватости. Теперь я понимаю: мы просто живем с ним в разных странах с общим названием. В моей России есть и Красная площадь, и зоопарк, и Путин, и даже телевизор. В России Звягинцева, видимо, имеется лишь «струящееся тело произведения вольного ума». Что ж, струитесь и дальше за казенный счет, мятежные рантье! Власть-то у нас добрая до глупости...

ЛГ, 2016

«Ищу пассионариев во власти. С Фонарем...»

Американские выборы, закончившиеся 8 ноября, прошли с массой нарушений и манипуляций, оскорбительных для здравого смысла. Было очевидно, что большинство американских и мировых СМИ были под фактическим контролем клана Клинтон. Так что если кого-то и упрекать во вмешательстве в дела прессы, то только не Россию. Для победы Хилларигодились все средства. И до поры до времени это работало, отсюда ее первоначальные опережающие показатели. Признаюсь, я в ночь с понедельника на вторник, услышав первые результаты, выключил телевизор и уснул с горькой уверенностью в победе семейки Клинтонов. А наутро услышал то, что услышали все.

Был удивлен, а потом сообразил: просто сначала посчитали 40 млн. досрочно проголосовавших. А досрочное голосование явно делалось для того, чтобы победила Клинтон. Но дальше-то предстояло проголосовать остальным 180 миллионам избирателей. Проголосовать в реальном времени. А вот на этом этапе манипуляции в Америке, видимо, затруднены или вообще невозможны. У них нет центрального органа, где подсчитываются голоса, а все осуществляется на уровне штатов, и это не дает, по-видимому, возможности серьезной подтасовки.

Не так было, например, во время выборов в Мосгордуму в 1997 году, когда я пришел вторым, а через год одна женщина подошла ко мне на читательской конференции и сказала: «Должна перед вами извиниться, вы тогда выиграли, но нас, членов избиркома, просто заставили вбросить голоса из числа не явившихся за вашего противника...» В Штатах такие варианты, похоже, не проходят. Надеюсь, у нас сейчас тоже.

По-моему, еще важнее другое: выдвижение новых, неожиданных фигур, выходящих за рамки истеблишмента. Это наводит на мысль, что в целом американская демократия не так уж плоха. Нам есть чему у нее поучиться.

Нет, не давлению в пользу одного из кандидатов с помощью прессы – это и мы умеем. Не досрочному голосованию – тоже проходили. Не хамскому недопущению иностранных наблюдателей – у нас с этим как раз все хорошо: приходи, смотри, суй нос куда хочешь... А вот тому, как давать дорогу свежим силам – поучиться можно и нужно. Я давно наблюдаю нашу политическую жизнь и с горечью должен констатировать: «знакомые все лица!» Тасуются одни и те же, иные по третьему

разу сменив убеждения и риторику. Неужели за 25 лет в обществе не возникло заказа на новую политическую партию, отражающую изменения демографического, этнического, социального состава общества?

Конечно, яркие люди есть. Вижу их в регионах, куда много езжу. Причем они не из внесистемно-оголтелой оппозиции, про которую я написал двустиишие:

*Мы создаем Кремлю проблемы
За то, что сами не в Кремле мы.*

Они из тех, кто реально хочет улучшить жизнь в стране, в частности, преодолеть колоссальную социальную несправедливость. Ну, мыслимое ли дело, что у худруков московских театров (беру пример из хорошо знакомой мне сферы) годовая зарплата составляет 50–60 млн. рублей? А народный артист в губернии, где-нибудь в Ставрополе или Пензе, получает 15 тысяч в месяц. Они что, эти худруки, золотые яйца на сцене несут?

Уж и не говорю о скандалах, вроде того, что случился с известным топ-менеджером «Русгидро», который при нехилой зарплате в 300 миллионов еще себе и премию 70 млн. незаконно выписал. Не может быть, чтобы не нашлось политической силы, которая бы выступила против таких чудовищных социальных перекосов. Какая-то партия должна отражать интересы людей, которые за квалифицированный труд получают в сотни раз меньше, чем узкая прослойка избранных. А воз и ныне там. Вспомните питерский стадион, поглотивший бюджетные миллиарды. Если бы мы жили в Северной Корее, там бы живо выяснили, куда они исчезли, и виновных на этом же стадионе и расстреляли. А у нас воры и растяпы продолжают ходить с гордо поднятой головой.

Я бы с удовольствием поддержал депутатов, которые взялись бы за подобные расследования. Но вот недавно прошли думские выборы, и все, за исключением, может быть, коммунистов, тему коррупции и расслоения общества обошли. Да и коммунисты перед урнами говорят все правильно, а потом благополучно вписываются в сложившуюся политическую систему и до следующих выборов, мужественно стиснув зубы, мирятся с коррупцией и несправедливостью.

У меня теплится надежда на грядущие президентские выборы. Хочется, чтобы они прошли более ярко, резче обозначив проблемы и пути решения. И, конечно, на них должны вернуться дебаты. Пока у нас по традиции, запущенной Ельциным,

действующий президент в дебатах не участвует. Выглядит это странно. Конечно, я понимаю: американская система, вобрав опыт тайных обществ, выстроено так, что долговременный политический вектор определяет не президент, а совсем иные силы, пребывающие в тени.

У нас иначе, у нас иная политическая культура. Наша история замешана на самодержавной традиции. У нас от первого лица зависит многое, если не все. Несмотря на революции, эта традиция сохранялась – более скрыто при таких «спокойных» лидерах, как Брежнев, более явно при таких экстравагантных, как Хрущев. При авантюристе Горбачеве страна просто рухнула. При «царе» Борисе могла распасться окончательно. Если бы не Путин, России бы сегодня не было вовсе. Потому во мне борются два чувства: с одной стороны, хочется новых ярких людей, пассионариев, если пользоваться словечком Льва Гумилева... С другой стороны, как вспомню Собчака, Козырева, Бурбулиса из окружения вечно работающего с документами гаранта, сразу думаю: от добра добра не ищут. Тем более, что времена теперь сложные: санкции, оборзевшее НАТО, украинский гнойник... В этой ситуации преемственность элит не должна нарушаться. У нас в стране коней, даже если они не орловские рысаки, на переправе менять очень опасно. Однако речь именно об элите, а не раздолбаях, «жадной толпой стоящих у трона»..

И все-таки, откуда ждать новых фигур? Думаю, этот вопрос занимает и высшее руководство. Отсюда структуры вроде Народного фронта, где в дело включаются буквально люди с улицы. Но в нашей реальности все эти организации так быстро бюрократизируются, что человек с мощными идеями опять становится в них лишним раздражителем. И либо его убирают, либо он сам понимает, что ради собственного спокойствия лучше сбросить обороты. Помните народного депутата Румянцева? Где он теперь? А какой яркой фигурой был лет 10 назад Рогозин?..

Депутатский корпус мне все больше напоминает какой-нибудь застойный пленум ЦК КПСС. Правда, в 90-е годы среди депутатов было слишком много людей со странными фантазиями и просто с отклонениями. Это тоже плохо, потому что некому выполнять необходимую рутинную работу. Но когда пассионариев совсем уж мало, да и то они как бы делегируют свою буйность одному Жириновскому, возникает странное ощущение государственной недостаточности...

Да, президент Путин – очевидный пассионарий. Это на энергетическом уровне чувствуешь на встречах с ним. Но отведешь взгляд чуть в сторону – и сразу энергетическая яма... Между тем, традиционно в России ценили именно пассионарных

руководителей. Если бы Горчаков был просто рутинным министром, он бы не вытащил страну из последствий Крымской войны. Если бы Столыпин был рядовым премьер-министром, Россия бы не вырвалась в европейские лидеры по развитию перед Первой мировой войной. Можно по-разному относиться к эпохе Сталина, но невозможно спорить с тем, что он сплотил вокруг себя пассионариев, которые решали невозможные задачи и страну за 10–15 лет сделали промышленным гигантом. Даже Троцкий, с которым Сталин бился насмерть, тоже был пассионарием, да еще каким! Успокоил его только ледоруб. То была эпоха неукротимых организаторов. И мне кажется, задачи, которые стоят перед сегодняшней Россией, требуют концентрации пассионариев во власти.

Возвращаясь к новому президенту США, скажу прямо: Трамп победил именно потому, что он пассионарий, и американские избиратели это почувствовали. Было сразу видно по дебатам: Клинтон профессионально имитировала энергию, а он ее излучал. Если наши государственные мужи и думские заседальцы полагают, что мы не понимаем, кто излучает, а кто умело имитирует, они ошибаются. А вот мы на следующих выборах постараемся не ошибиться...

«Труд», 2016

Когда на Парнасе тесно

Мы отмечаем в этом году столетие титанического явления культуры. Речь об уникальной антологии «Поэзия Армении», вышедшей в Москве в 1916 году в самый разгар Первой мировой войны, буквально по кровавым следам одной из страшнейших катастроф человеческой истории – геноцида армян в Османской империи. Мне вспоминается 1973 год, мемориальный кабинет Брюсова на проспекте Мира. Я, второкурсник литфака, пишущий курсовую по Брюсову, с благоговеньем смотрю на обтянутый зеленым сукном стол, за которым творил вождь русского символизма. А седая хранительница музея Елена Владимировна Чудецкая, знавшая поэта и его жену Иоанну Матвеевну, показывает мне, не выпуская из рук, как реликвию, книгу «Поэзия Армении».

Трудно даже вообразить, какой интеллектуальный и творческий объем работы взял на себя Валерий Яковлевич, откликнувшись на предложение группы армянских интеллигентов, которые хотели через свою поэзию, переложенную на русский язык, показать всем миру, на какой древний и удивительный культурный феномен замахнулись турки. Сегодня с горьким недоумением видишь в оглавлении легендарной антологии обширный раздел «Турецкие армяне»...

Язвительная Марина Цветаева впоследствии иронизировала над званием «Герой Труда», присвоенным Брюсову Советской властью. А зря. Если большевики в чем-то и ошиблись, то только не в этом. Любопытно, что Горький предложил инициаторам для работы над антологией на выбор двух поэтов: Бунина и Брюсова. Оба виртуозно владели стихом, оба много сил отдавали переводам из мировой поэзии. Но, чуть подумав, «буревестник» махнул крылом в сторону Валерия Яковлевича: этот надежнее. И правда: Брюсов в любое дело вкладывал не только поэтическое вдохновение, но и научную обстоятельность. Более того, при внешней «парнасской» отстраненности от жизни, он был блестящим организатором, человеком с системным мышлением и неисчерпаемой энергией.

Согласившись после некоторых колебаний, связанных с большими творческими планами (он как раз писал историческую прозу), возглавить, как сейчас сказали бы, проект, вождь символистов попросил немного времени для ознакомления с армянской историей и языком, что даже для него, природного полиглота, было не простой задачей. Я, кстати, будучи поэтом, застал период грандиозного планового перевода поэзии народов

СССР на русский язык. Дело, конечно, замечательное, но помнится, редкий пиит, вовлеченный в это доходное производство, брался изучить или на худой конец хотя бы чуть-чуть понять природу и строй языка первоисточника. Все ограничивалось дубовыми подстрочниками. Не таков был наш Герой Труда! И цель он поставил перед собой грандиозную, сравнимую лишь с его незаконченным мега-циклом «Сны человечества». Армянская поэзия с древнейших времен до наших дней. Кстати, погружение в древнюю историю и культуру Армении обогатило и дало новый импульс творчеству самого Брюсова, впадшему тогда в определенный, как раньше говорилось, идейно-художественный кризис. Не случайно он написал:

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной,
Как бодро взвихривает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой.

Не берусь судить, насколько аутентичен отбор имен в антологии, это – прерогатива армянских исследователей, но уверен: у Валерия Яковлевича были достойные консультанты, и общий труд, дополненный, кстати, рядом статей Брюсова по армянской истории, культуре и литературе, оказался на уровне тогдашних филологических знаний.

Имена переведенных армянских поэтов говорят сами за себя: Нарекаци, Кучак, Саят-Нова, Туманян, Патканян, Исаакян, Тэрнан, Тэкеян и другие. Но, как русского писателя и филолога, меня, прежде всего, поражает соцветие поэтов-соратников, привлеченных Брюсовым для переводов. Многие были соперниками, даже врагами в тогдашней литературной борьбе, но сочувствие к судьбе древнего народа и восхищение его изумительной поэзией объединило всех. Судите сами: Блок, Бальмонт, Сологуб, Шервинский, Балтрушайтис, Вяч. Иванов, Бунин, Бобров, Ходасевич... Думаю, ни одна другая антология в истории русской поэзией не собирала под одной обложкой столько гигантов армянского и русского поэтического слова. На маленьком бедном греческом Парнасе столько классиков просто не уместилось бы. Тут подавай Арарат!

Когда осенью этого года я вновь проходил мимо мемориальной доски, прикрепленной к стене дома на Проспекте Мира сразу после ранней смерти Брюсова, простудившегося, попав под крымскую грозу, я вновь подумал: ну почему в Москве

нет памятника этому выдающемуся поэту, переводчику и просветителю? Ведь тут, в районе мещанских улиц и переулков, столько сквериков, буквально тоскующих о бронзовом поэте, кстати, коренном москвиче. При советской власти «воздержались», так как Брюсов едко полемизировал со статьей Ленина о партийности литературы. После советской власти Брюсову не могли простить, что он вступил в ВКП(б) в 1919 году, когда исход гражданской войны был еще не ясен. А теперь, когда политические страсти остыли, как вчерашний суп, за чем же дело стало, господа-начальники?

Возможно, эту ошибку исправят в 2023 году, к 150-летию со дня рождения поэта. Возможно... Но в любом случае Брюсов не из тех, о ком можно сказать его же стихом: «пять строк историка – смысл бытия...»

2016

Мой тост – за сильную правоту

Человек так устроен, что придает датам и числам особое мистическое значение, а от завершения одного цикла и начала другого обязательно ждет добрых перемен, даже если объективная реальность подсказывает: возможно, будет хуже. Однако по жизни нас ведет наша субъективная реальность, и она всегда устремлена к лучшему. Вы не задумывались, почему мы поздравляем друг друга «с новым годом», а не «со следующим годом»? А потому что мы верим в обновление, усовершенствование нашего мира. Кстати, в нашем языке отсутствие конфликта, войны и людское сообщество, как в узком, так и в широком смысле, обозначаются одним словом: «мир». Возможно, из-за того, что состояние мира, хотя бы временное, является условием существования всей человеческой цивилизации, которую мы тоже зовем «миром». Я не верю в случайные смысловые связи в языке, и характерно, что такое «совпадение» мы находим именно в русском словаре, ведь именно наша цивилизация развивалась преимущественно как обороняющаяся, во всяком случае, после принятия христианства. Да, мы занимали чужие столицы, но только затем, чтобы отбить охоту у соседей впредь нападать на столицу нашу. Почему это воспринимается ими как «агрессивность» России, одна из загадок «коллективного бессовестного» западного полушария.

Хорошо помню, как в пору моего детства, в 1960-е годы, среди новогодних тостов взрослые обязательно пили за мир, причем, совершенно искренне, иногда блистая невольной слезой. Среди моей родни многие осиротели и овдовели в минувшую войну. Здравий в честь партии и правительства не помню, а вот за мир рюмки поднимали обязательно. Кстати, в 1970-1980-е, когда я сам уже поднимал бокал в новогоднюю ночь, ощущение хрупкости мира и необходимости его сохранения не покидало сердца. Мы знали, что на границе тучи, как ходили хмуры, так и ходят. В газетах постоянно мелькали карикатуры на звездно-полосатого дядю Сэма, который, гнусно ухмыляясь, жонглировал атомными бомбами.

Нет, я не был наивен и понимал, что оставшаяся со времен Коминтерна некая социалистическая озабоченность во внешней политике могла истолковываться как опасная наступательность. Да, мы не всегда обдуманно мчались туда, где загоралась революция и в лексиконе взявших власть появлялось слово «социализм». Но в соединении с нашим исконным оборонительным сознанием и миролюбием (худой мир лучше

доброй ссоры) эта наступательность в итоге выливалась в строительство в странах-союзниках плотин, заводов, школ, больниц, в защите их от империализма и неоколониализма, которые многим казались тогда выдумкой телевизионных пропагандистов, вроде Боровика, Бовина или Зорина. Но неоколониализм пришел к нам, на развалины СССР, и сразу поняли: нет, не выдумка. Способ существования Запада как планетарного кровососущего насекомого стал очевиден, когда наши богатства по компрадорским пульсирующим хоботкам начали стремительно утекать за рубеж, обескровливая страну.

Хорошо помню ощущение беззащитности, которое поселилось в душе в 1990-е, оно было особенно болезненно для нас, росших с уверенностью в мощи державы-победительницы Гитлера. А ельцинская гоп-стоп-компания тем временем как раз доламывала некогда могущественную советскую армию, подбираясь уже к атомному щиту. Не изменись политический курс с приходом Путина, вполне возможно, вместо Алеппо сейчас была бы Москва. Невозможно? Почему же? Белград – тоже столица, большой древний город, и я видел его еще дымящиеся руины. Кстати, я уверен: если предательство правящей верхушки в 1990-е не будет осуждено на государственном уровне, а имена врагоугодников не названы вслух и не заклеены «позором и нехорошими словами» (как выразился простодушный герой советского кинофильма), мы не застрахованы от новых «беловежских пущ» и «загогулин», лишаящих наш народ средств обороны и ответного удара. Почему с этим медлят? Не понимаю... Всякая личная благодарность имеет государственные пределы.

Как-то в середине 1990-х мы встречали новый год в литературном кругу, и кто-то поднял бокал за то, чтобы снова наша броня стала крепка, а танки быстры. Вдруг один литератор с либеральной паскудиной во взоре удивился: «А зачем нам броня? На нас никто не собирается нападать!» «Как на Хиросиму?» – уточнил я. «Причем здесь Хиросима!» – вскричал он с той истеричностью, какая появляется у некоторых людей, когда им нечем возразить. Сейчас он живет в Америке и пишет статьи о том, что пока Россия не будет разгромлена, переформатирована и разделена на десяток независимых государств, цивилизованное человечество не может спать спокойно. Оно и не спит, трудится, строит военные базы по периметру России, вводит против нас санкции, гнобит наших инвалидов-спортсменов... Да мало ли еще всякого... Но в сердце снова поселилось чувство нашей непобедимой правоты. В новогоднюю ночь я и выпью за эту историческую правоту, обеспеченную двумя старыми союзникам –

Армией и Флотом – и третьим, новым, – воздушно-космическими войсками!

А вообще-то я хотел рассказать о том, как, будучи рядовым срочной службы, в ночь с 1976-го на 1977-ой выполнял обязанности полкового Деда Мороза. Заболтался. Растекся мыслью. Расскажу как-нибудь в другой раз...

Журнал «Военный», 2016

Часть II. Писатель у диктофона

Интервью

Писатель в эпоху перемен

15 лет назад, 19 апреля 2001 года, главным редактором «Литературной газеты» стал Юрий Поляков. Мы говорили о творчестве, политике и просто о жизни. А начали со старейшей в России газеты, которой скоро исполнится 87 лет. Если же вести отсчет от издания Антона Дельвига и Александра Пушкина, то «ЛГ» и вовсе без малого два столетия!

– Вам уже полтора десятка лет приходится раздваиваться – на работу журналиста и деятельность писателя. С какой мысли начинается утро: «Что с газетой?» или «Как новый роман?».

– В понедельник и во вторник меня обуревают первый вопрос, ибо в эти дни принимается окончательное решение по содержанию номера – одни материалы снимаются, другие ставятся. Учитываем текущий момент, происходящие события. Ну а во вторник завершается процесс производства газеты.

На редакционном совещании в среду обсуждаем вышедший номер и основу будущего. В пятницу – еще одна «летучка», на которой рассматриваются оперативные моменты.

Ну а в четверг и в выходные стараюсь заниматься писательским ремеслом. Но порой приходится менять планы – выкраивать время для деловых встреч, командировок, съемок в телепередачах... Но есть еще и творческие отпуска.

– За годы работы в «ЛГ» – я говорю лишь о литературном творчестве – вы написали три романа: «Грибной царь», «Гипсовый трубач» «Любовь в эпоху перемен». Плюс сценарии, несколько пьес. Немало, но ваш КПД мог быть выше, если бы не газетная поденщина...

– Согласен. Я возглавил редакцию «ЛГ», когда у меня совсем неплохо шли творческие дела, да и в материальном плане все было нормально. «Литературная газета» давно стала для меня родной, я печатался в ней много лет. Но меня корбило одностороннее, некорректное освещение процессов, происходящих в литературе.

Сегодня, как мне кажется, «Литературная газета» стала более объективной. На ее страницах выступают носители разных политических и эстетических взглядов. Удалось помочь консолидации писательской интеллигенции, наладить диалог между представителями разных взглядов и течений.

Однако мы не смогли создать творческий союз, и на данный момент в России нет писательского сообщества, которое бы

оказывало влияние на духовно-информационный процесс.

– Об этом шел разговор в ноябре 2013 года на Российском литературном собрании, где присутствовал и выступал президент России Владимир Путин...

– Мероприятие было солидным, с участием нескольких сотен писателей и поэтов, а также издателей, филологов, переводчиков, библиотекарей. Всех те, кто связан со словом и чтением. Но на собрании почему-то председательствовали не «инженеры человеческих душ» и даже не библиотекари – хранители наследия, а потомки классиков – Лермонтова, Достоевского, Толстого, Шолохова, Пастернака. И даже вдова Солженицына. Это было так же странно, как если бы министр обороны Сергей Шойгу проводил военный совет во главе с потомками Суворова, Кутузова, Жукова или Рокоссовского. Генетическая преемственность – дело хорошее, но к творческому процессу отношения почти не имеет.

На Российском литературном собрании я предложил принять закон о творческой деятельности и творческих союзах и создать единое литературное общество, объединившее писателей, библиотекарей, учителей, издателей. Такие перспективы обсуждались, и президент был согласен, но до конкретики дело так и не дошло.

– Поговорим о вашем творчестве. Но прежде – о стиле работы писателя Полякова. Какой вы человек по натуре? Встаете ранним утром, хлебнули чайку или кофейку – и сразу за письменный стол?

– Я давно приучил себя к ежедневному литературному труду. Бывают дни, если можно так выразиться, креативные. Когда настроение хорошее, слова слушаются, текст льется на бумагу. Но случается, дело не идет. Тогда оставляю основную работу – роман, пьесу – и занимаюсь чем-то другим. Например, редактирую текст или берусь за литературный дневник, который, между прочим, веду почти десять лет.

– Интересно! Все началось с какого-то события?

– Я был членом Совета по правам человека при Президенте России и на одном из совещаний стал свидетелем диалога двух Владимиров Владимировичей – Путина и Познера. В этом словесном поединке президент просто классически посадил в калошу своего оппонента. Речь, помнится, шла о работе и степени свободы французского телевидения.

Затем – перерыв, народ собирается группками, что-то обсуждает. Прохожу мимо и вижу Познера в окружении

«поклонников». Слышу восклицания, общий смысл которых сводится к тому, как ловко телеведущий «срезал» президента.

Я понял, что вскоре эта «легенда» разлетится по всей мыслящей кухонной Москве, и все будут восхищаться «подвигом» Познера. Хотя все было с точностью до наоборот...

В то время, а это было в 2007-м, и появилась идея вести дневник. Я довольно часто бываю на серьезных мероприятиях, в том числе с участием высших лиц государства. Информация о подобных встречах бывает либо скудная, либо, как в упомянутом случае, искаженная. И потому я решил стать летописцем... Заодно и про свои дела записываю. Как идет работа над романом или пьесой. Как худрук театра в хамской форме вернул мне пьесу за то, что накануне в передаче Соловьева я произнес слово «патриотизм», как чуть не дал в морду издателю, утаившему часть моего гонорара...

– *Вы намерены издать этот дневник?*

– Опубликую после смерти. Это не роман, не повесть, и к финалу я не спешу. Дневник хочу писать как можно дольше. Во всяком случае, надеюсь.

– *Хочу вспомнить вашу последнюю книгу – «Любовь в эпоху перемен». Нередко писатель наделяет главного героя чертами своего характера. Много ли от главного редактора «Литературной газеты» Юрия Полякова в Геннадии Скорятыне, главном редакторе газеты «Мир и мы»?*

– Не больше, чем в Болконском – Льва Толстого и в Раскольникове – Достоевского... Какой-то журналистский опыт в романе я использовал, но жизненная позиция Скорятина принципиально отличается от моей. Если он подчинился либеральной диктатуре ради жизненного успеха, то я не стал плыть по течению – придя в ультралиберальную «Литературную газету», я стремился сделать ее изданием, ориентированным на традиционные ценности.

Рад, что роман пользуется большим спросом. Это я ощущаю на встречах с читателями, сужу по их письмам, да и расходуется он хорошо. Книга уже довольно долго остается лидером продаж в номинации «Современная проза». Основной тираж давно раскуплен, было уже несколько допечаток.

Что же касается критики, то ее – я имею в виду объективную и взвешенную – на мой взгляд, не существует. Она пристрастна и «работает» на определенные группы. Я же ни к какой из них не принадлежу. Для либералов я чужой, как, впрочем, и для патриотов. Проблемы, которые затронул в романе, уходят к

«проклятым» вопросам нашей недавней истории, в которые никто не хочет влезать.

– А как вы сами оцениваете книгу?

– Писателю трудно судить. Столько раз перечитывал, правил рукопись... Отвечу коротко: удовлетворение от написанного есть. Не сочтите за бахвальство, но, кажется, я вышел на новый уровень.

– От романа «Любовь в эпоху перемен» вы уже отдышались?

– За следующую книгу возьмусь не раньше, чем через год-два. Не потому, что нет тем, идей, а оттого, что требуется творческая энергия. В данный момент я, как аккумулятор, разрядился и необходимо заново подзарядиться – от жизни. Кстати, в перерывах между прозой занимаюсь драматургией.

– Одновременно не получается?

– У меня – нет. Это, наверное, задачи для разных частей мозга. Могу совместить прозу и драматургию лишь на последнем этапе, когда редактирую роман «нулевой шкуркой» и полирую пьесу. Так было, когда подходила к финишу «Любовь...» и шла к концу работа над комедией «Чемоданчик».

Повторяю, писать одновременно роман и пьесу невозможно. Это все равно, что любить двух женщин.

– Тем не менее, многие это с легкостью делают.

– Можно любить одну, а вторую, так сказать, долюбливать. Когда чувства на разных стадиях – горения и угасания. Но любить двух женщин на высоком накале? По-моему, так не бывает.

– Вы упомянули «Чемоданчик». Действие этой пьесы происходит в Москве (не ранее 2018 года)...

– Ее текст не следует понимать буквально, пьеса во многом аллегорична. В ней я следую традициям социально-политической сатиры, начатой в 20-30-е годы Эрдманом, Булгаковым, Катаевым. Режиссер Александр Ширвиндт сократил текст комедии, многие нюансы исчезли. Но я не могу сказать, что она стала хуже. Просто стала другой. Но спектакль идет при аншлагах.

1 апреля состоялась премьера «Чемоданчика» в Ростовском Академическом театре драмы имени Горького, который возглавляет драматург Александр Пудин. Поверьте, для провинции взять комедию про то, как у президента России сперли ядерный чемоданчик, это гражданский подвиг! Поставил мою комедию Геннадий Шапошников, кстати, недавно поставивший

здесь же блестящий спектакль по шолоховскому «Тихому Дону». Вообразите диапазон! Кстати, актер Гайдамак, замечательно играющий там Мелихова, в моей комедии играет уморительного режиссера-матерщинника Эдика Суперштейна! Фантастика!

– Почему в пьесе президент России – женщина? Мы же уверены, что он будет мужчиной. И фамилию знаем, и как выглядит...

– Потому что автор не хотел прямых совпадений и аналогий. Я не Шендерович и не Быков и не пишу сиюминутные фельетоны, а делаю вещи, которые, хочется верить, будут читать и ставить через десять, двадцать лет...

– Вы сказали, один из героев пьесы – человек по фамилии Суперштейн. Уже смешно...

– Меня раздражает, когда в фильмах или книгах фамилии героев нарочито надуманные. Я же беру их из жизни, а иногда и после жизни... Многие, между прочим, подсмотрел на могильных плитах на кладбище. И фамилия, которую вы упомянули, реальная. Жил такой человек...

«Мой» Суперштейн – руководитель театра «Экскрим». У театра нет денег, и он «халтурит» в фирме «Добромор», которая морит тараканов. Зарабатывает деньги на постановку «Гамлета».

Кстати, наибольшим успехом у публики пользуются политические шутки и те, что касаются театра. Значит, волнует, задевает людей. Я бы на месте отцов державы чаще ходил в театр и примечал, на что люди реагируют, записывал, а потом учитывал во внутренней политике. Театр – самый точный сейсмограф грядущих социальных землетрясений.

– Отвлечемся от творчества. Мне кажется, что раньше вы более активно участвовали в общественно-политической жизни...

– Во-первых, я стал старше. Как бы ни бодрился, мне уже за шестьдесят. И если в былые времена хватало на все, то теперь нужно делать выбор. И этот выбор я всегда делаю в пользу творчества.

– Возможно, вы поняли, что многое просто невозможно изменить?

– Пожалуй. К примеру, много лет говорил первым лицам государства: когда писателей и книжное дело относят почему-то к Министерству связи, это нелепость. Они все удивлялись, обещали исправить ситуацию, но ничего не изменилось. В такие минуты хочется нырнуть в свой новый роман и там остаться.

– Правда, что вас хотели назначить министром культуры?

– Я дважды, насколько мне известно, стоял в кадровом резерве, как сейчас модно говорить, в шорт-листе. Однажды мне даже позвонили «сверху» и сказали: готовься, тебя скоро пригласят на беседу. Я провел несколько бессонных ночей, с ужасом понимая, что если назначение состоится, то в ближайшие годы придется забыть о творчестве. Потому что министр – это круглосуточный администратор, а если он не администратор – то плохой министр. К тому же, я тогда прилично выпивал. И отчетливо видел, как, хватив лишку, вываливаю президенту всю правду! В разгар терзаний я включил телевизор, а там – новый министра культуры Авдеев, похожий на похоронного агента. Можете не верить, но я страшно обрадовался. Между прочим, в советские времена меня звали работать в отдел культуры ЦК партии, и я два раза – к вящему изумлению людей, которые меня приглашали, – отказывался. Потому что такие предложения обычно не отвергали.

– Прочитав эти строки, люди в Кремле поймут, что они поступили верно, отказавшись от вашей кандидатуры. И все-таки, почему сорвалось назначение?

– Думаю, что для этой должности я слишком сам по себе. Чиновник должен уметь работать в команде. Для писателя командная психология – гибель. В общем, кадровое решение было принято верное.

– Мандельштам давным-давно сказал, что «мы живем, под собою не чуя страны». А вы «чуete»?

– Думаю, да. Кстати, Мандельштам, пожив далеко от Москвы, страну почувствовал. Только власть этого не оценила. Я сам много езжу по России. Мои пьесы ставят в провинциальных театрах, бываю на премьерах. Встречаюсь с читателями, примечаю, как живут люди. То, что телевидение не отражает реальности происходящего, очевидно. И боюсь, что многие наши руководители черпают информацию о жизни в России из экранных картинок. Этим «страдал» еще Ельцин...

– Возможно, и нынешний президент страны пользуется теми же каналами информации...

– Я в этом не уверен. У него информационный круг гораздо шире. Сужу по тому, как на встречах с тем же Народным фронтом он оперирует цифрами и фактами, совершенно не созвучными бодрому тону телепередач.

– То и дело показывают, какая у нас сильная армия, какое мощное оружие у нее появилось, сколько сформировано новых дивизий...

– Безусловно, держава должна быть сильной. Только непонятно, зачем об этом кричать? Если эта информация – для американцев, то они и так все знают, благо «кротов» во времена Горбачева и Ельцина развелось множество. Может, этой мощью хотят впечатлить народ? Но такое уже было много лет назад: кричали, что разобьем любого врага на его территории, а потом пятились до Москвы... Лучше молчать, но не пятиться.

– В заключение вернемся к «Литературной газете». Как она переживает кризис?

– Как и вся страна – нелегко. Но кажется, что самый крутой и опасный поворот мы прошли. Во всяком случае, хочется в это верить.

– Почему вы перешли на новый, небольшой формат?

– Здесь есть несколько причин. Во-первых, это дань традиции – такой формат был у первых номеров «Литературной газеты», которые редактировали Дельвиг и Пушкин. Во-вторых, это удобнее для читателей. Скажем, газету можно раскрыть в часы «пик» в переполненном транспорте... Ну, и еще, конечно, чуть-чуть на бумаге экономим... Внешний вид, безусловно, важен, но главное в газете – это содержание. Об этом мы говорим на каждой редакционной «летучке». И, как водится, готовим «гвоздь» номера. А лучше сразу несколько. Недавно за такой гвоздь – острый материал об открытии в Екатеринбурге «Ельцин-центра» – меня едва не сняли с работы... Материал назывался «Муимификация позора». Дальше рассказывать?

– Не надо! Спасибо за беседу...

Беседовал Валерий БУРТ

Конец литературы

– В конце календарного года литпремии традиционно оглашают «короткие» списки. Вам не кажется удивительным, что некоторые авторы присутствуют в каждом из них (например, Гузель Яхина, Роман Сенчин)?

– Можно добавить еще несколько имен. Но зачем. Узок круг этих литераторов, и страшно далеки они от читающего народа. Что же касается небесталанного Романа Сенчина, то он мне порой напоминает угрюмого юношу, которого приглашают на чужой семейный праздник, но не для того, чтобы выдать за него дочку, а чтобы было с кем потанцевать прыщавым ее подружкам. Впрочем, если он туда ходит, значит, ему нравится. Пусть себе пляшет под чужие оркестрики. А вот Гузель Яхина – это другое, это проект – это готовят смену уставшей и навсегда упустившей Нобелевскую премию Людмиле Улицкой. Да, нелюбовь к России Светланы Алексиевич показалаась шведам убедительнее. Яхнина – это проект на вырост, так сказать, изыщное «русоедство» с тюркским колоритом. Посмотрим...

– Чего в этом больше? Некой «компанейскости» или реального отсутствия выбора? Многие считают, что есть некий литературный заговор. Согласны с этим?

– Все гораздо сложнее. После разгрома СССР встала задача преодоления советского наследия и миропонимания. Ведь людям надо было как-то объяснить, почему заводы и целые отрасли становятся собственностью каких-то вороватых прохиндеев, вхожих в Семью пьющего гаранта, а геополитические интересы страны сдаются, как пустые бутылки после загула. По писателям, как властителям дум, носителям патриотизма и социального оптимизма, пришелся главный удар. Конечно, некоторые сами заранее сложили полномочия: перелетел в США Евгений Евтушенко, уверявший, что «любил Россию всею кровью, хребтом», перешел на амбивалентный клекот Владимир Маканин, стал строительным подрядчиком Михаил Шатров – и «так победил». Но большинство писательского сообщества не приняло случившегося в стране. И тогда с помощью срочно созданных премий, прессы и телевидения стали формировать новый литературный олимп, где ни Солоухину, ни Соколову, ни Розову, ни Бондареву место не предусматривалось. Когда я в 2001 году пришел редактором в ЛГ, то обнаружил: Белов, Распутин, Ю. Кузнецов и многие другие авторы русского направления не упоминались там 10 лет. Леонид Бородин упоминался, но лишь

до того момента, когда озаботился судьбой Отечества. Отбирали на этот «нью-олимп», исходя из антисоветизма кандидата, а еще лучше – русофобии, на худой конец довольствовались социальной апатией. Стил, направление не имели веса: можно быть постмодернистскими бормотунами, кондовыми реалистами. Не важно. Главное – мировоззрение, скептическое (в мягком варианте) по отношению к русской цивилизации и то, что Достоевский называл «идеологией государственного отщепенства». Эта тенденция видна во всех длинных и коротких премиальных списках. Книги, исполненные веры в Отечество, здорового отношения с миру, отсеиваются на дальних подступах как неприличные.

– Зачем вообще нужны литпремии? В чем их смысл? Они могут кому-то помочь, особенно – достойному? Вы верите в их объективность?

– Частично на этот вопрос я ответил. В идеале система премий должна способствовать выявлению талантливых авторов, но для этого надо корпус экспертов и жюри формировать из людей разных политических взглядов, эстетических пристрастий и (даже странно говорить об этом в многоплеменной стране) разных национальностей. Увы, этническая симпатия многим заменяет эстетическую оценку. Заметьте, еще ни разу автор, пишущий на родном языке (татарском, якутском, аварском и т. д.), не попал ни в один список той же «Большой книги». Даже Год литературы умудрились открыть в МХТ им. Чехова странным капустником, где не прозвучало ни одного имени, ни строчки наших «нерусских» классиков: Тукая, Хариса, Гамзатова, Кугультинова... Возможно, организаторы решили, что они «закрыли» тему Пастернаком, Мандельштамом и Бродским. Но я-то как раз считаю их русскими поэтами. В результате, премии стали эдаким ситом, вылавливающим из потока те книги, иногда талантливые, где непременно присутствует «отчизноедство». Совсем не случайно многие лауреаты «Букера» и «Большой книги» оказались потом на Болотной площади и в добровольной эмиграции, как Дмитрий Быков или Борис Акунин. А пестун «Роспечати», обитатель одного из швейцарских кантонов нудноватый прозаик Михаил Шишкин опубликовал в западной прессе накануне 70-летия победы хамское письмо, где словосочетание «бандитская Россия» – это самая нежная оценка нашей страны. И что? Ничего. На открытии книжного салона в СПб соруководитель «Роспечати» Владимир Григорьев вдруг заявляет, что я-де не разделяю позиции Шишкина, но он имеет право на свое мнение, так как является лучшим стилистом

русской литературы. Я не шучу. Полиграфическое агентство «Роспечать», приписанное к Министерству связи, теперь раздает лавровые венки? Знаете, даже в разгар советской власти, даже члены Политбюро не позволяли себе давать оценки художественного уровня того или иного писателя, а тем более навязывать их с трибуны, для этого существовало профессиональное сообщество. Но главное даже не в этом, а в том, что «стилистов» с помощью государственного агентства ищут исключительно среди тех литераторов, кто Россию зовет «Рашкой». Не верите? Загляните на сайт «Института перевода» (дочки «Роспечати») и заметьте, каких именно авторов там за казенные деньги переводят и продвигают за рубеж. Швейцарца Шишкина вы обнаружите там сразу...

– В русской литературе всегда было две платформы – писатели-либералы и писатели-традиционалисты. На ваш взгляд, каково их соотношение сил сейчас?

– Кстати, именно в полемике западников и славянофилов рождались самые плодотворные идеи того времени. Однако в ту пору «западников» никто не обвинял в небрежении Россией, в предательстве, а просто они видели ее будущее иначе. Сегодня же «западник» – это тот, кто видит свое будущее на Брайтон-бич или в Лондоне. Вот в чем беда! Впрочем, что мы хотим от писателей, если там же видят свое будущее иные высшие государственные чиновники с чадами и домочадцами. Если брать уровень интеллектуальный и художественный, то традиционалисты были всегда мощнее. Разве можно сравнивать писательский уровень, скажем, Чернышевского и Достоевского, Гроссмана и Шолохова? Примерное такое же соотношение сил осталось и поныне. Покажите мне постмодерниста, владеющего русским словом на уровне Владимира Личутина или Михаила Тарковского? Нет таких. Однако общественному сознанию с помощью информационных технологий (и премий тоже) навязываются либеральные авторитеты. Так сложилось, в последнюю четверть века в сфере культуры власть демонстративно отдавала предпочтение в основном либералам. Не верите? А вот факты! Государственную премию в области кинематографа в этом году получил Сокуров, который останется в истории как самый скучный режиссер всех времен и народов, а юбиляр и «бесогон» Михалков не получил, хотя его тоже выдвигали. Или вот пример из театральной жизни, близкий мне как драматургу. Татьяна Доронина и Олег Табаков. Оба замечательные актеры-сверстники. Руководят театрами – МХАТ и МХТ. Но Табаков – полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», а Доронина – не полный.

Случайно? Возможно... Идем дальше. Вип-хохмач Геннадий Хазанов, в отличие от патриарха Кирилла, – тоже полный кавалер. Говорите, народ его любит! Почему же тогда у всенародного любимца, замечательного сатирика и исследователя древнейшей русской истории Михаила Задорнова нет даже медальки 2-й степени ордена «За заслуги перед Отечеством»? Тоже случайно? Ну-ну... Мы что же, на геополитическом уровне укрепляем страну, а внутри, как в 20-ые, боремся с «великодержавным шовинизмом»? Хорошо ли это для самочувствия самого многочисленного народа нашей федерации – русского? Или другой пример – совсем вопиющий! Москвичи, конечно, заметили появление в Москве, спустя пять лет после смерти маэстро, памятника выдающемуся виолончелисту Мстиславу Ростроповичу, который защищал в 91-м с автоматом в руках Белый дом. Хорошее дело? Замечательное, если учесть, что в 91-м, в отличие от 93-го, никто Белый дом не штурмовал. Однако о памятнике великому русскому композитору Георгию Свиридову, ушедшему в 1998-м, никто, кроме «Литературной газеты», даже не пикнул. А ведь через несколько дней будут отмечать (весьма скромно) столетний юбилей Свиридова. Про улочку или скверик Галины Улановой я не заикаюсь: балерина не догадалась эмигрировать из Отечества и умереть за рубежом. Думаю, примеров достаточно. Конечно, после возвращения Крыма, власть к патриотам потеплела, ведь наши либералы дружно осудили эту «аннексию». Впрочем, потепление заметно лишь только внутри кремлевской стены. Снаружи-то все по-прежнему: на книжную ярмарку «Нон-фикшн» не пустили несколько патриотических издательств. Не формат. Зато либеральные витии на этой же ярмарке, профинансированной в основном «Роспечатью», как прежде, учили народ разуму и звали к топору, виртуальному, разумеется. М-да... Царь любит да псарь не любит.

– *Что происходит с литпроцессом сегодня?*

– Идет как обычно. Пишут много, издают тоже, венчают премиями, хвалят в статьях. Потом эти книги, не разрезанные, рядами стоят в библиотеках. Порекомендовали купить в фонды. Кто? Но Народному фронту не до идейной борьбы, он иномарки из-под задов чиновников выхватывает. Литераторы, которым наскучило сочинять, теперь просто поют по телевизору или комментируют послание президента. Тоже дело. Дюма вот пытался под Парижем ананасы на продажу выращивать. Но писатель – это не тот, кто пишет, а тот, кого читают. А таких всегда было немного.

– Вы читали роман Романа Сенчина «Зона затопления»?

– Я скучных писателей не читаю и другим не советую. Если автор не захватил тебя с первых десяти страниц, значит, он просто занимается не своим делом. Вы же не станете слушать тенора, давшего «петуха» с первых слов арии «Куда, куда вы удалились!?»

– Эта книга – практически полный повтор «Прощания с Матерой» Валентина Распутина. Однако сам Сенчин отрицает, что это ремейк. Можно ли, на ваш взгляд, назвать ремейком книгу, где совершенно идентичный сюжет, только лишь развивающийся в другом временном отрезке? Это не противоречит писательской этике? Если серьезно: можно ли так откровенно заимствовать идеи, тональность, стиль?

– Все зависит от чувства меры. Вы, наверное, знаете роман Алексея Иванова (Пермь) «Географ глобус пропил». Так вот, не удивляйтесь, сюжет заимствован из моей повести «Работа над ошибками», опубликованной в 1986 году в журнале «Юность». Вещь имела всесоюзный резонанс, ее экранизировали и инсценировали, переиздают до сих пор. И что? Ничего. Позаимствовал. То, что чужое произведение может автора натолкнуть на собственный замысел, в литературе дело обычное, но чем лучше писатель, тем дальше он уходит от «первотолчка». В любом случае, порядочные люди берут хотя бы эпиграф из первоисточника, мол, помню, люблю, благодарен. Но если шоумен Маслюков владеет брендом «КВН», не им придуманным, что же вы хотите от пермского прозаика? Сенчин поступил в духе времени. Кстати, до Распутина примерно о том же был написан опубликованный в «Новом мире» замечательный роман «Потоп» Р. Уоррена, автора моей любимой «Всей королевской рати».

– У вас не было никогда желания взять классический сюжет и слегка его «оттюнинговать»?

– Почему ж нет? На этом построен мой много раз переиздававшийся роман «Козленок в молоке». Изготовление на пари из пустячного человека гиганта мысли – бродячий сюжет. Но «бродячий сюжет» – это стриженная овца, а какую шерсть ты на ней вырастишь и что из нее свяжешь – варежку или рыцарский плащ – зависит уже от тебя. Для этого нужно немного: талант, мастерство и усидчивость. Лучше оттачивать текст, чем шляться по буковровским фуршетам.

– Нет ли у вас ощущения, что на место настоящих писателей

приходит все больше «стилизаторов»: Акунин, Пелевин, Сорокин...

– А что им остается, если своего-то стиля нет. Свой стиль придумать невозможно, его можно отточить, развить, выгодно подать, но сесть, положить перед собой томик Чехова и сказать: займусь-ка я выработкой своего литературного стиля – нельзя. С таким же успехом можно, глядя на статуэтку ангела, отрачивать крылья. Стил – это вибрации твоего тонкого тела. Помню, лет сорок назад на совещании молодых писателей Герой Социалистического Труда прозаик Анатолий Ананьев рассказывал нам, начинающим, как он выработал стил: несколько раз от руки переписал «Войну и мир». Попробуйте сегодня почитать Ананьева – уснете. Кстати, литературное сообщество всегда представляло собой своего рода закрытый клуб, зайти в который можно только предъявив талант в качестве пропуска. Сегодня это тоже закрытый клуб, но теперь предъявляют все, что угодно: папины деньги, национальную принадлежность, сексуальную ориентацию, семейные связи, политические взгляды, а талант... в последнюю очередь. Если вы мне в десяти рецензиях на романы из короткого списка «Большой книги» хоть раз отыщите слово «талант» или производные от него, я поставлю вам бутылку. Сегодняшнее литературное сообщество – это... какой-то фитнес единомышленников. А стил теперь заимствуют примерно так же, как одалживают у богатой подружки на выход платье от «Макс-Мари», вот только возвращают обычно с пятнами от закуски.

– Можете ли вы дать определение писательской успешности?

– Перечисляемость и, как следствие, переиздаваемость. Остальное, начиная с хвалебных рецензий и премий, – все это от лукавого. Критики – народ жуликоватый, им питаться надо. Эксперты и члены жюри тоже на зарплате, скажет работодатель, и они увенчают любого графомана, удачно подколовшего «полицейское государство» на «Дожде». А вот читателя не обманешь, он может однажды лохонуться, купив книгу букеровского номинанта, но в следующий раз в руки не возьмет и детям завещает в руки не брать. Зато если ты оправдал надежды читателя, начинается другая жизнь, и премиальные жюри становятся для тебя (также и в смысле материального благополучия) чем-то вроде пунктов раздачи бесплатного супа бомжам. Количество проданных экземпляров моего нового романа «Любовь в эпоху перемен», вышедшего в сентябре этого года и, конечно, никуда не номинированного, уже превысило совокупный тираж всех книг из списка «Букера». А общий тираж моей повести «Парижская любовь Кости Гуманкова», впервые опубликованной в 1991 году, думаю, давно превзошел тираж всех

книг из длинного списка «Большой книги» за 10 лет ее существования. Вот вам и вся арифметика успеха.

– Нет ли у вас ощущения, что сегодня в литературе наблюдается некоторый кризис идей?

– Конечно, и особенно в тех текстах, которые то и дело всплывают на глади премиальных вод. Мы с вами стали свидетелями кризиса либеральной идеологии не только в экономике и политике, но и в культуре. Передовой отряд творческих либералов – постмодернисты, заплутали в русских лесах и пропали без вести. Люди потянулись опять к базовым ценностям, к традициям, к спектаклям, где не матерятся и не отправляют Спасителя в бордель, к книгам, где, как сказал Твардовский, «все понятно, все на русском языке». И процесс оздоровления пошел бы гораздо быстрее, литература снова могла бы занять положенное ей место в духовной жизни общества, помочь воспитанию чувств, укреплению державы, если бы во власти за литературу и книгоиздание отвечали люди, которые связывают свое будущее с Россией.

– Нужно ли новаторство в литературе?

– Конечно. Талант всегда нов. И настоящая новизна должна добавлять что-то к тому, что сделано предшественниками. Но чаще всего те, кто считают себя новаторами, наоборот, убавляют, снижают планку, за новизну выдается простое неумение сделать лучше, при этом косорукость нахально объявляется «новым словом». Увы, большинство так называемых «первопроходцев» в искусстве – обычные проходимцы.

– Вы когда-то говорили о том, что необходимы худсоветы. Как раз для таких случаев. Вам не кажется, что именно литпремии абсолютно сбили ориентиры? Гением можно объявить кого угодно. И большинство читателей не будет это анализировать.

– А как же без худсоветов? Это как консилиум в медицине. То же самое. Особенно, если автор не совсем здоров. В искусстве честный взгляд со стороны необходим. Сколько академических криков и стенаний было о метафизике Малевича и его «Черного квадрата», хотя нормальные люди всегда знали: это просто «прикол века». И вот эксперты с помощью новейших методов выяснили: Казимир закрасил не получившиеся работы, как ребенок неудачный рисунок, да еще сделал шутливую приписку, отсылающую к знаменитой мистификации французского художника XIX века, назвавшего свой черный прямоугольник «Битвой негров в темной пещере». Так вот, литературный

авангард сегодня и есть «битва негров в темной пещере», так проще спрятать отсутствие таланта и мастерства. «А что это?» – спрашивают. «Я так вижу! – гордо отвечает новатор. – Это мое самовыражение...» Во-первых, было бы что выражать. А во-вторых, в искусстве самовыразиться можно только через мастерство, а его-то как раз и нет. В Московском доме книги наблюдал интересную сцену: взыскующий читатель спрашивает: «А где тут у вас современные русские писатели?» «Вот, целый стенд номинантов литературных премий!» – отвечает продавец-консультант. «Девушка, я вас не про номинантов спрашиваю, а про писателей. Русских!»

«Вечерняя Москва», 2015

Самовыражение и самовырождение

– Юрий Михайлович, вы вошли в литературу стремительно, ярко, своими первыми повестями в «Юности» покориw разновозрастную читательскую аудиторию. Вашими «ЧП районного масштаба» и «Апофегей» зачитывались, растаскивались на цитаты. Для тех лет советского периода литература молодого автора поражала хулиганской откровенностью, искрометностью и в то же время глубоким взглядом в сущность бытия. С тех пор много воды утекло, но Вы сумели остаться современным, узнаваемым, любимым.

– Я никогда не ориентировался на моду, на установки критиков и премиальных жюри. Не перебежал от реалистов к постмодернистам и обратно. Не прятал в боковой карман свой патриотизм, когда в 90-е было выгодно слыть космополитом, а то и русофобом. Я всегда писал о том, что меня в самом деле волновало, тревожило, радовало, возмущало. Искренность – это важная составная часть литературного дара, хотя большинство литераторов тратят массу сил на то, чтобы никто не догадался про то, что они в действительности думают. Им кажется, они ведут тонкую игру с эпохой и читателями, а на самом деле они похожи на людей, роющих себе могилу да еще с чувством лукавого превосходства. Глупцы и недотепы! Они же зарывают собственный талант в тех редких случаях, когда он есть в наличии.

Кроме того, я смолоду отчетливо понял: самовыразиться можно лишь через мастерство, без мастерства можно только самовыродиться. Чтобы тебя поняли и полюбили, надо писать так дотошно и продуманно, так составлять слова, будто подбираешь букет любимой женщине. Я принадлежу к поколению, которое воспитано на тщательности предшественников. Мы учились писать так, чтобы Юрий Казаков или Валентин Распутин мог хотя бы хмуро кивнуть. Нынешние лауреаты пишут так, чтобы донести до набора. Моя редакторша рассказывала, как ей звонил известный большекнижник М. и говорил: «Оль, я там тебе как бы роман послал, сделай с ним что-нибудь!»

Впрочем, эту болезнь я предсказал еще в романе-эпиграмме «Козленок в молоке». Думаю, прочитав мой новый роман «Любовь в эпоху перемен», вы убедитесь, что я остался верен принципам ответственной литературы. Надеюсь, маразм, помноженный на энтузиазм, мне в ближайшие годы не грозит.

– Вы не только писатель, но и главный редактор известного,

авторитетного издания, продолжающий почти два века славные традиции «Литературной газеты».

– Сегодня рынок печатных СМИ переживает непростые времена – и тиражи падают, и читатель предпочитает интернет, но при всех сложностях «Литературная газета» справедливо может похвастаться устойчивостью читательского спроса. На мой взгляд, отчасти это объясняется вниманием газеты и к регионам, ведь литература многими своими корнями уходит в провинцию. Достаточно вспомнить Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, которые, кстати, активно печатали свои произведения именно в «Севере».

– Замечаете ли Вы «Север» в российском литературном пространстве? И если да, то по каким приметам распознается он в многослойном журнальном мире?

– Конечно. По-моему, Ваше издание сохраняет добрые традиции советских толстых журналов. У вас широкая палитра авторов, вы не встали на путь обслуживания той или иной литературной группы, на ваших страницах появляются уважаемые проверенные имена, не забываете и молодых, удачен, на мой взгляд, конкурс для молодых авторов «Северная звезда». Вы сохранили уровень материалов, требовательно относясь к авторам. А ведь именно из-за уверенности в том, что написанное другом или сподвижником и есть литература, утратили авторитет легендарные издания. Например, «Новый мир», ставший постоянным двором для графоманов.

– В чем, на Ваш взгляд, особенность современной литературы?

– Особенность у современной литературы такая же, как и была во все века: талантливого мало, дурного много. А вот если говорить о литературном процессе, то тут – да, есть одно удивительное обстоятельство. Много лет на уровне государства, а точнее на уровне «Роспечати», которой почему-то в какой-то мрачный момент поручили окормлять писателей, идет давний целенаправленный противоестественный отбор: все талантливое, позитивное, опирающееся на традицию, русское, наконец, оттесняется на периферию, а гнилое, вымученное, а то и русофобское выпячивается, пропагандируется, внедряется, олауреачивается. Конечно, в долговременной перспективе это не страшно, пустоцвет не плодоносит, а кастраты женщинам только шербет подают, но мне жаль нынешних читателей – им впиаривают книги, которые читать можно только под дулом пулемета. Мне жаль молодых писателей, которых толкают на ложные, уводящие в пустоту пути, возврата откуда нет. Мне жаль

нас, редакторов, которым счастливые узники «Букервальда» приносят свои якобы романы... В этом перекошенном состоянии мы пребываем слишком долго. Последствия очевидны. Но не будем отчаиваться.

– Юрий Михайлович, Вы окончили педагогический институт, работали в школе. Сама знаю, что школа дает хорошую закалку не только организаторским способностям, но и формирует некую непрерывную заботу о молодежи, о будущем страны. И в Вашей жизни эти предположения проявляются предметно – Вы успешный руководитель, а также общественный деятель – Член Президентского Совета по культуре. Что советуете президенту? В каких культурных преобразованиях нуждается наше общество и, возможно, писательская среда?

– «Литературная газета» и ваш покорный слуга выступали не раз и не два с разными предложениями на высшем уровне. Некоторые были услышаны. Например, после моего выступления на Совете возродили издательство «Художественная литература». Вернули в школах сочинение. Скорректировали механизмы ЕГЭ по гуманитарному циклу. Выделили средства на то, чтобы библиотеки могли подписываться на толстые журналы. Но наши многократные просьбы вернуть литературу в Министерство культуры пока остаются тщетными. Тогда хоть выдайте нам сумки почтальонов, раз мы все еще относимся к Министерству связи...

Журнал «Север», 2015

С «чемоданчиком» на «смотрины»

С 1 по 17 ноября пройдет первый международный фестиваль современной пьесы «Смотрины». Одиннадцать театральных коллективов России, ближнего и дальнего зарубежья привезут в Москву спектакли, поставленные по пьесам и прозе Юрия Полякова, и покажут их на сцене театра «Модерн», что на Спартаковской площади. МХАТ имени Горького, театр Сатиры и театр Российской армии, в чьих репертуарах много лет держатся пьесы этого драматурга, сыграют спектакли на собственных сценах. Заочно, а на самом деле, как обычно, при полных залах, покажут пьесы Юрия Полякова в Оренбурге, Владикавказе, Владивостоке, Пензе, Волгограде, Самаре, Нижнем Новгороде, Плевене, Санкт-Петербурге, Туле, Ставрополе, Одинцове и на других далеких и близких к столице площадках. Событие, прямо скажем, нерядовое, даже трудно и припомнить, когда в последний раз проводился фестиваль одного драматурга, к тому же, здравствующего, полного замыслов и готовящего нам очередную премьеру, по слухам, скандальную. Как возникла идея такого фестиваля? Почему называется он «Смотрины»? Что нам покажут? Обо всем этом мы спросили виновника торжества писателя Юрия Полякова.

– Юрий Михайлович, значит, у драматургов тоже бывают бенефисы?

– Редко, но бывают.

– А почему «Смотрины»?

– Вообще-то, «Смотрины» – это моя пьеса, по которой Станислав Говорухин, как режиссер и соавтор (между прочим, это была его первая работа в театре) пятнадцать лет назад поставил спектакль «Контрольный выстрел», успешно идущий в МХАТе имени Горького и по сей день. А взяли это название в работу, потому что фестиваль ориентирован на драматургию, которая интересна не только жюри какого-нибудь тусовочного конкурса, но прежде всего зрителям. Фестиваль обращен к таким пьесам, которые можно смотреть, которые могут собирать залы, а не два десятка любителей лабораторного чтения по ролям или показов для своих. Увы, разрыв между «новой драмой» и нормальной, качественной драматургией, по которой сейчас тоскуют и зрители, и актеры, и режиссеры, принял угрожающие размеры. Пройдите по Москве, поглядите на театральные афиши: в большинстве репертуаров вообще отсутствуют современные

авторы. В лучшем случае – Вампилов, Довлатов, Володин, Розов... Недавно я был председателем театрального фестиваля в Питере «Виват, комедия!» Так вот, самая современная отечественная пьеса, там представленная, это «Чужой ребенок» Шкваркина, написанная в 1933 году. И это не смешно...

– *Может, обойдемся классикой?*

– Классика – это как раз некогда современная пьеса, пережившая свою эпоху и благодаря художественности оставшаяся интересной публике. Обычно правящее эстетическое меньшинство всякой культурной эпохи такие произведения недооценивает. Например, для 20-х годов комедии Булгакова и Эрдмана были неконъюнктурно остры, к тому же «старомодны», точнее, вняты по форме, за что их обожала публика, но не любили Латунские и Семплеяровы из акустической комиссии, которые переквалифицировались ныне в экспертов «Латунной маски».

– *Золотой?*

– А я что сказал?

– *Латунной.*

– Я оговорился. Слегка. Так вот, чтобы иметь в будущем классиков, надо сегодня иметь просто интересных нынешним людям театральных писателей. Гоголи, Островские, Чеховы рождаются не в музеях и не в докторских диссертациях, а на премьерах. Кто-то из актуальных авторов быстро забудется, кто-то продержится десятилетие, а кто-то, пройдя сквозь сито забвения, станет классиком. Так было всегда.

– А Вас, значит, на «Смотринах» и будут показывать в качестве такого кандидата в классики?

– Это вы приятно сказали! Идти в искусство, не мечтая стать классиком, властителем дум, то же самое, что ложиться под нож пластического хирурга ради того, чтобы переставить местами веснушки на носу. Главный аргумент сторонников «подвального» и «пробирочного» театра таков: современная пьеса, прочно обосновавшаяся в репертуарах, авторы, собирающие полные залы, – все это в принципе невозможно. Так как театр переживает упадок, он утратил влияние на общество. Время такое: постмодерн. Все соотносительно. Чушь! Певцу без голоса всегда кажется, что в зале плохая акустика. Мои пьесы годами, даже десятилетиями держатся в репертуарах, идут на аншлагах от Владикавказа до Владивостока. Для примера «Козленка в молоке»

сыграли 560 раз. Жаль, что спектакль погиб, когда произошло поглощение театра имени Симонова «вахтанговцами». Но, надеюсь, еще один раз «Козленка» сыграют специально на «Смотринах». Идем дальше: «Хомо эректус» сыгран в театре Сатиры более 300! А ведь у них зал на 1200 мест. Это уже не лаборатория, это цех по сбору аэробусов! Наверное, поэтому и решили начать фестиваль с «нормальной» драматургии вашего покорного слуги – автора, который, простите за прямоту, сегодня интересен и зрителям, и режиссерам, и директорам театров, отвечающим за кассу...

– *Не интересен только «Золотой маске»...*

– Ну, это скорее мне месть как главному редактору, ибо сегодня только ЛГ и газета «Культура» открыто пишут о том, что эта премия стала препятствием для нормального развития отечественного театра. Впрочем, я уверен, если этот проект возглавят люди, широкие, умные, не покорные диктату тусовки и подавляющего меньшинства, а главное не такие корыстные, у «Маски» есть будущее.

– *Давайте еще поговорим о фестивале поподробнее! Что, где, когда?*

– Давайте. Откроется он 1 ноября в МХАТе имени Горького, на сцене которого увидели свет четыре мои пьесы. Ну, торжественные слова и так далее. Потом покажут спектакль «Как боги» в постановке Татьяны Дорониной. Завершатся «Смотрины» в театре Сатиры, с которым меня связывает давняя творческая дружба. Сыграют «Хомо эректус». Была, конечно, мысль закрыть фестиваль премьерой новой вещи – «апокалиптической» комедией «Чемоданчик», которую репетирует сейчас Александр Ширвиндт и где заняты Наталья Селезнева и Федор Добронравов. Но не сложилось, не успели... Создание спектакля, если только это не греза воспаленного самовыражения, – процесс сложный, непредсказуемый. Вспомните Анатолия Эфроса! Сейчас читаю стенограммы его репетиций Чехова. Бездна! Зато в рамках фестиваля состоятся другие премьеры, так сказать, на местах – в Хабаровске, Астрахани, Добриче (Болгария), Иркутске, Оренбурге... Из Крыма, из Симферополя в Москву привезут премьеру «Жить как боги». Готовит сюрприз и худрук «Модерна» Светлана Врагова. Это фантаσμαгория «Они» – новая версия моей комедии «Женщины без границ», которую, кстати, на своей сцене в рамках «Смотрин» сыграет театр Балтийского флота. Видимо, трагикомическая история дамы, запутавшейся в гендерной самоидентификации, интересна и боевым морякам...

– А почему для фестиваля выбрана площадка «Модерна»?

– Ну, во-первых, с этим театром и со Светланой Враговой меня связывают давние творческие планы. Во-вторых, при советской власти в этом историческом здании Московской хлебной биржи был Первомайский районный дом пионеров, где я, живя поблизости и учась там же, в школе № 348, приобщился мальчишкой к театральному искусству. Бакунинская улица, Спартаковская площадь, Балакиревский переулок, Разгуляй – все это места моего московского детства... Ну вот, чуть слезу не вышибли.

– Не хотела. Но вернемся к «Чемоданчику». О чем Ваша комедия?

– О чемоданчике.

– Не мелковата тема? Обычно вы берете крупней. «ЧП районного масштаба», «Любовь в эпоху перемен», например...

– Ну, не знаю... Если вы считаете, что ядерный чемоданчик, украденный у президента России, это мелко...

– А кто украл? Террористы?

– Нет, у меня все как в жизни. Я же реалист. Кто охранял, тот и украл. А возвращает его народу тот, у кого украли.

– Вы хотите сказать, что на сцене появится президент нашей страны?

– Повторяю: я реалист. А разве в нашей стране что-нибудь без президента происходит? Я еще надеюсь, что он когда-нибудь вернет украденные у народа недра, вклады и веру в справедливость. Да, в моей комедии все как в жизни: гарант лично является в квартиру злоумышленника и выслушивает все, что о нем думают в народе. Но это лишь один из многих поворотов сюжета. Знаете, я показал «Чемоданчик» в журнал, где обычно печатаю мои новые пьесы. Главный редактор долго мялся, а потом сказал: «Ну, нельзя же так... У меня будут проблемы...» А вот Ширвиндт не побоялся. Обещаю: будет весело и достанется всем...

– И автору?

– Не исключено.

– Когда премьера?

– В этом году.

– Но вернемся к фестивалю «Смотрины». Он одноразовый или, так сказать, долгоиграющий?

– Надеемся, долгоиграющий, ведь ничего подобного пока не существует, ниша пуста, театрального фестиваля, ориентированного на традиционную, зрительскую современную пьесу, без которой невозможно существование репертуарного театра, попросту нет. Мы первые. Надеюсь, поддержка со стороны Минкульту и департамента культуры Москвы не иссякнет и в новом году, и тогда время «Смотрин» настанет для других авторов и театров, хороших и разных...

*Газета «Культура». Беседовала Виктория
Пашкова*

В эфире «Радио КП»

С 1 по 17 ноября в Москве и многих других городах России пройдет довольно необычный театральный праздник – Международный фестиваль современной русской драмы, организованный при поддержке Министерства культуры РФ и Департамента культуры Правительства Москвы. Главная изюминка мероприятия в том, что на нем будут представлены постановки пьес всего одного автора – Юрия Полякова. Расспрашивали драматурга о предстоящем событии Любовь МОИСЕЕВА и Александр ГАМОВ.

Ну к чему такому писателю «Смотрины»?

– Юрий Михайлович, фестиваль назвали нетривиально – «Смотрины». Как правило, смотрины устраивают человеку тогда, когда не имеют о нем никакого представления... Казалось бы, тут явный нонсенс, ибо речь-то идет об известном и популярном писателе, книги которого издаются огромными тиражами, которого читают от Камчатки до Калининграда и далеко за пределами России, лауреате литературных премий, ярком публицисте, главном редакторе «Литературной газеты»...

– Вы так хорошо говорите, что даже не хочется перебивать... Но придется. Чтобы объяснить. Действительно, фестиваль называется «Смотрины». И мы назвали его так не случайно. Во-первых, так называется моя пьеса, которая во МХАТе, в постановке замечательного режиссера Станислава Говорухина идет под названием «Контрольный выстрел».

С другой стороны, пьеса, вынесенная на сцену, действительно, как смотрины невесты: вот ее наконец видят во всей красе. Потому что, в самом деле, у драматургии такая особенность – она предназначается в первую очередь для воплощения на подмостках, а потом – для чтения.

– То есть, это не Полякова смотрины, а...

– Минуточку, дойдем и до Полякова. И в-третьих, фестиваль задумывался как демонстрация пьес, которые можно смотреть. Потому что вот эта новая драма, которую нам втюхивают уже 20 лет под видом последнего слова русской драматургии, ее же смотреть невозможно!

– Кстати, редкое явление, когда фестиваль посвящен одному

автору.

– Когда стали разбираться и думать о том, есть ли у нас современный автор, которого ставят так много и в таких серьезных театрах, тогда и появилась кандидатура вашего покорного слуги. Только в одной Москве идет шесть спектаклей по моим пьесам. А по стране вообще очень много. Более того – фестиваль получился международным. В столицу приезжают творческие коллективы из СНГ – Казахстан, Армения. И даже венгерский театр.

– *А на каком языке они играют, интересно?*

– На венгерском, конечно. Спектакль будет сопровождаться субтитрами.

– *Вы и по-венгерски пишете?*

– Пока нет, перевели. И очень хорошо перевели. Чему вы удивляетесь?

– *Да у вас в пьесах что ни реплика – то афоризм. Это можно перевести? А субтитры не будут мешать восприятию?*

– Мою пьесу и на китайском играли в Тинзине. А еще я был на спектакле в Китае, который играли на русском. И вот бегут на субтитрах иероглифы – и китайцы смеются! Потом ко мне подошел один местный житель, владеющий русским, и сказал – какой вы счастливый человек. Я говорю: «А что такое?». «У вас в России, – объясняет, – можно со сцены обличать коррупцию – а показывали мою инсценировку «Грибного царя»». Я говорю: «Минуточку, у вас же расстреливают за коррупцию». Он говорит: «Да, у нас расстреливают, но обличать со сцены – нельзя». Я говорю: «А у нас нельзя расстреливать за коррупцию. А обличать публично – можно!».

– *Юрий Михайлович, на каких площадках столицы будут играть ваши пьесы в рамках фестиваля?*

– Московские театры, естественно, будут играть каждый на своей сцене. Откроет показы 1 ноября спектаклем «Как боги» МХАТ им. Горького под руководством Татьяны Дорониной, где у меня было поставлено четыре пьесы. Закроется парад спектаклем Театра Сатиры под руководством Александра Ширвиндта «Хомо эректус», где, кстати, на выпуске третья моя пьеса, называется «Чемоданчик». 6-го будут играть «Однокласснику» в театре Российской армии, а все приезжие театры...

– *«Одноклассников»?*

– Моя пьеса называется «Одноклассница», а спектакль называется «Одноклассники». А приезжие коллективы будут играть на сцене театра «Модерн» – это на Спартаковской площади. Все спрашивают – почему театр «Модерн»? Ну, во-первых, мы давно дружим со Светланой Враговой, руководящей театром, и, кстати, она тоже сейчас выпускает спектакль «Они», мистическую комедию по моей пьесе «Женщины без границ».

Но лично для меня очень важно и то, что в этом здании хлебной биржи когда-то при советской власти был Первомайский дом пионеров, куда я школьником ходил во все кружки, начиная с духового и заканчивая театральным. И именно там начался мой интерес к театру.

– Тут получается некий парадокс. Вы только что говорили, что этот ваш фестиваль, ваши пьесы как бы противовес модерну, а показываете их в театре «Модерн»?

– Не путайте, я говорил о новой драме, а не о модерне вообще. Это разные субстанции. Модерн, кстати говоря, дал блестящих драматургов и во всем мире, и в нашем Отечестве, чего нельзя сказать о новой драме.

Но еще очень важную вещь я хочу сказать. Мы хотели показать вот этим идеологам театральной премии «Золотая маска», которые говорят, что сегодня вообще невозможна социально значимая пьеса, сейчас не получится собрать большой зал на современную русскую пьесу, в репертуарах их быть не может...

– Юрий Михайлович, получается какой-то вызов у вас?

– Вызов «Золотой маске», которая все время пытается доказать, что в России нет по-настоящему актуальной национальной драматургии. А мы хотим сказать, что есть. Человеку, у которого слабый голос, всегда кажется, что в зале, где он поет, плохая акустика.

– А как вы представляете себе вашего зрителя? Кого ждете на этих спектаклях?

– Я своего зрителя неплохо знаю. Потому что я все-таки езжу по возможности на все премьеры. После премьер, как правило, бывают обсуждения... Мой зритель – это человек, который идет в театр не для того, чтобы просто развлечься, забыться, потом выйти и через пять минут, пока до метро дошел, забыть, о чем ему там говорили...

Но и не тот, кто идет в театр, чтобы помучиться, пытаюсь понять и осмыслить какой-то совершенно чудовищный

эксперимент.

Мой зритель традиционный, воспитанный на великом русском и советском театре, который хочет, чтобы, с одной стороны, ему было интересно, а с другой – чтобы то, что он видит и слышит, заставляло задуматься, проанализировать и понять происходящее вокруг и с ним самим. Вот в чем сила театра.

И вообще кризис нашего театра сегодня заключается в том, что главным в нем стал режиссер. А должен быть – автор. Потому что именно автор формулирует то послание, которое зрителям отправляет режиссер, актеры и т. д. Драматург – наконецник стрелы, а сценическое решение – ее оперение. Каким бы цветастым, необыкновенным ни было оперение – хоть ты из колибри его сделай, если нет наконецника – все бессмысленно. Вот наш сегодняшний театр во многих случаях – это стрела со страусиными перьями без наконецника.

– Отрицая «новую драму», как вы это назвали, и продолжая реалистические традиции в литературе, – не боитесь прослыть старомодным? Метод этот, как теперь говорят, «не в тренде», вроде бы?

– Да, один персонаж в нашем театральном бизнесе, фамилия ему Бояков, так напрямую и сказал мне: минуточку, но ведь сейчас так никто не пишет! Но скажите, а что такое в театре современность пьесы и что такое старомодность? Возьмите середину 20-х годов. Одновременно идут на сцене «Оптимистическая трагедия» Вишневского и «Дни Турбиных» Булгакова. Если вы почитаете тогдашнюю критику, то основной лейтмотив публикаций таков: «Оптимистическая трагедия» – завтрашний день советского театра, вот так теперь все будут писать и как будут играть. А «Дни Турбиных» – извините, это какая-то старорежимная фигня. Ну, и что сейчас играют?

– Сейчас играют «Турбиных».

– Вот об этом и речь. Для того, чтобы быть современным, надо быть немного старомодным.

– Ваш афоризм?

– Конечно! Чужие использую только со ссылкой на первоисточник, чего молодые писатели редко делают... Иногда слышу, как мои формулировки приписывают себе. Впрочем, и пишут они так же. Вы напишите хорошую пьесу, и у вас ее возьмут в репертуар. Мы хотели просто показать, что это возможно, потому что все пьесы, которые привезут, это все репертуарные спектакли. То есть, они кормят еще ко всему

прочему театр.

И, кстати, речь не только о драматурге Полякове. С будущего года, если наш фестиваль так же будет поддерживать и Министерства культуры, и правительство Москвы, планируется представить спектакли по пьесам разных современных писателей. Условие одно – это должен быть современный действующий живой драматург.

– Юрий Михайлович, а почему вообще на вашем творческом поле возник этот жанр – драматургия?

– Здесь есть два момента. Во-первых, это связано с особой психологией творчества. Есть какие-то темы, какие-то образы, какие-то внутренние движения, которые лучше отражаются в драматических вещах. Вот не случайно же, допустим, прозаик Антон Чехов писал пьесы. И Максим Горький, и Леонид Андреев, да и Пушкин Александр Сергеевич уважал этот жанр.

То есть, в какие-то моменты ты понимаешь, что вот этот сюжет лучше отдать пьесе. И наоборот. Вот у меня есть отличный материал, я хотел написать на эту тему пьесу. Не идет.

Но у меня был еще один стимул. Это мое отчаяние в 90-е годы, когда мы с женой Натальей, заядлые театралы, ходили в храмы искусства и видели такой кошмар, такой ужас, что... Вот незабываемое впечатление: стоят на сцене два мусорных бака, в одном сидит один бомж, в другом – другой и... размышляют о смысле жизни... И я подумал – я просто обязан написать такую пьесу, которую люди будут смотреть, и им будет интересно, они будут смеяться, но потом – задумаются. На этом дыхании и родилась первая пьеса, которая называлась «Левая грудь Афродиты». Кстати, она тоже будет представлена на фестивале. И потом пошло, пошло...

Может быть, я и остановился бы на первом опусе, но тут вмешался случай в виде руководителя театра им. Евгения Вахтангова Михаила Ульянова. Мы тогда закончили работу над фильмом «Ворошиловский стрелок», и Ульянов попросил режиссера Говорухина: «Стасик, напишите с Поляковым мне пьесу для театра, но современную, такую приличную, чтобы без матюгов, без беспорядочных половых связей на сцене, ну, что-то такое хорошее, я, говорит, с таким удовольствием поставлю...»

И мы с Говорухиным написали эту пьесу «Смотрины». Но когда Говорухин понес рукопись Ульянову, тот вдруг говорит – нет, слушайте, это очень остро, я не могу это поставить. Тогда ее предложили руководителю «Ленкома» Марку Захарову. Захаров посмотрел и говорит – да что вы, с ума сошли, у вас тут Корзун такой мерзавец, олигарх, а у меня эти люди на самых дорогах

местах сидят, я не буду ставить. И взяла только Доронина. И вот это была первая постановка Говорухина в театре. А пьеса идет до сих пор, с 2000 года. И 15 лет очень хорошо собирает залы...

– На наш пристрастный взгляд, одно из основных достоинств предстоящего фестиваля в том, что те, кто мало знаком с этой стороной творчества писателя, получают весомый стимул, чтобы приобщиться к миру, который того стоит! А знатоки и поклонники творчества Юрия Полякова получают редкую возможность увидеть на подмостках пьесы, которые не идут в Москве. Потому что приезжают из провинции замечательные театры – например, иркутский, с пьесой с совершенно необычным названием: «Халам-бунду».

– 15 лет прошло, как я ее написал, и ее вновь поставили. И вдруг мне потом звонит директор и говорит – наш иркутский зритель как с ума сошел, вот на эту пьесу как повалил, давно у нас такого попадания не было. А театры, действительно, приезжают очень интересные – в нашей стране множество прекрасных творческих коллективов.

Но есть еще одна деталь. Всего в столицу приедут 15 театров и привезут нам постановки 11 пьес. Но при этом на своих площадках, в своих городах, и в нашей стране, и за рубежом, будут играть еще около 30 театров. И во Владикавказе, и в Белгороде, и в Калининграде. Я, например, не знал, в Костроме идет инсценировка «Козленка в молоке». Вот в рамках фестиваля это вдруг выяснилось, и мы его тоже включили в программу фестиваля.

– Нам, как уроженцам Оренбуржья, приятно отметить, что будет в этом хоре и голос Оренбургского театра драмы, по соседству с которым мы когда-то жили. Недавно встречались с Павлом Церемпиловым, директором этого театра, и узнали, что вы были в тех краях на премьере?

– Да, они поставили очень красивый спектакль по роману «Грибной царь». И в дни фестиваля его будут играть на своей сцене под нашим логотипом «Смотрины». А 30 октября полечу в Астрахань, там играют премьеру спектакля по моей пьесе «Как боги».

– Юрий Михайлович, вы проговорились о том, что театр Сатиры репетирует вашу новую пьесу «Чемоданчик». Мы ее читали и весь вечер ухохатывались. Безумно смешная пьеса! Но самое главное, что в ней вы ведь замахнулись на очень святое для нас. Потому что у вас впервые в пьесе появляется такой

необыкновенный герой – президент большой страны... Более того, это Президент Российской Федерации. Не побоялись? Санкция Кремля есть?

– Во-первых, когда я что-то пишу, я никогда не думаю, что мне за это будет потом. Это началось еще с моих первых повестей. Второе – это мой ответ тем злопыхателям, которые клеветают, что, якобы, у нас полицейское государство. Согласитесь, что пьеса – очень сердитая политическая сатира.

– И еще какая! Ужас, ужас...

– А что делать? Президент обязан появиться, поскольку интрига развивается вокруг ядерного чемоданчика, который, как известно, неотъемлемый атрибут главы российского государства. Президенту без чемоданчика – это как царю без скипетра и без державы...

– Вы самого главного не сказали. В пьесе указано время действия – 2018 год. Кто президент-то?

– А в этом вся интрига. Мы не будем раскрывать. Пусть это будет секретом. И пусть зрители, когда они придут на премьеру в театр Сатиры, а она намечена на начало декабря, тогда это и узнают.

– Либо заглянут на сайт «Комсомольской правды»...

– Я надеюсь, что «Комсомолка» не выдаст меня с потрохами. Кстати, я пошлю Владимиру Путину приглашение на спектакль.

– Вот и журналиста вы представили в очень смешном виде...

– Да, зовут этого персонажа Захар Правдоматкин.

– Нет, ну, Юрий Михайлович, вы ж сами в некотором роде журналист, как вы на святое подняли перо? Он совсем не похож на журналиста. И фамилия не похожа. Нет таких журналистов! Нет таких фамилий!

– Я был когда-то в некоем музее краеведческом, и там был топор, который в начале 1930-х годов подарили краевой партийной конференции. На нем с одной стороны было написано «бей по правому уклону», а с другой – «бей по левому уклону». Так вот, я хочу сказать, что я нанес сдвоенный удар отечественной журналистике. У меня же вышел роман «Любовь в эпоху перемен», где тоже действуют либеральные журналисты.

– Нет, ну мы это печатали, мы это терпели, там была более-менее приличная фамилия у нашего коллеги и он был

немножко похож на некоторых из нас...

– Неужели вам не понравилось и имя пресс-секретарши Президента – Мурена Шептальская?

– *Вы же программки еще не печатали, давайте переименуем журналистов. А то придумывают тут...*

– Самое смешное, что я ничего не придумываю, я имена многих своих героев беру с кладбищенских плит. И ведь это фамилии некогда живых людей. И фамилию Суперштейн я нашел там... В пьесе «Чемоданчик» так зовут художественного руководителя подвального театра «Экскрим».

– *Неожиданно! Мы думали, что вы скажете – смотрю по справочникам телефонным. А оказывается все гораздо интереснее... Надо сказать, что в вашей пьесе масса сюрпризов и немыслимых поворотов событий... Например, сообщение о том, что Эйфелеву башню повалили митингующие парижане... Или в ответ на жалобу, что нас, Россию, не принимают в Европу, Президент отвечает – тогда мы ее себе возьмем.*

– Больше того – придется брать.

– *Юрий Михайлович, вот ваши пьесы вообще все очень смешные и едкие. Но осталось впечатление, что в этот раз вы даже себя превзошли. Что, допекло до самых печенок?*

– Честно говоря, есть некое ощущение, что все, что касается внешней политики нашего государства, продумано и выстроено, а во внутренней политике, если конь и валялся, то не очень настойчиво. И вот это социальное раздражение, видимо, и проявилось. Причем, какие-то вещи даже на подсознательном уровне.

КП, 2015

Приказано любить Турцию

Юрий Поляков о том, как включили и выключили народную ненависть к южному соседу

«Странная холодная война» с Турцией закончилась. В одночасье, получасовым разговором президентов двух стран. Как внезапно и началась 24 ноября прошлого года после выстрела турецкого истребителя по нашему бомбардировщику. Все хорошо, что хорошо кончается? Бесспорно. Только как-то очень уж по команде вышло: решительно приказали ненавидеть нашего бывшего стратегического партнера – а теперь так же срочно объявили: турки исправились, можно опять ехать в Анталию. Но разве позволительно так манипулировать миллионами соотечественников? Чего больше в нынешних политических рывках: стратегической мудрости или неуважения к собственному народу? Вот что думает по этому поводу писатель и публицист Юрий ПОЛЯКОВ.

– Что могу сказать... Как человек, не чуждый здравого смысла, понимаю, что из соображений большой геополитики, особенно в теперешнее сложное время, когда фактически Россия сталкивается с консолидированным противостоянием Запада (как во времена Крымской войны, интервенции Антанты и пр.) – конечно нашей власти приходится вертеться как ужу на сковородке. И то, что власть при первой возможности старается хотя бы один очаг напряженности притушить, понятно. Такое уже не раз бывало в истории, когда руководству страны приходилось идти на достаточно непопулярные компромиссы ради сохранения самой страны.

Но есть другая сторона. Меня как человека, не безразличного к народным настроениям, беспокоит больше другое обстоятельство. Посмотрите, фактически на протяжении полугода вся мощь наших СМИ была направлена на формирование у населения неприязненного отношения к Турции, на оправдание экономических санкций против этой страны. Редкий день обходился без дежурной антитурецкой пятиминутки ненависти. И это встречало у общества понимание, потому что тот ноябрьский залп по нашему самолету действительно был ударом в спину, никак нами не спровоцированным предательством. Мы за последние четверть века столько вложили в экономику Турции, там целые регионы на этом поднялись. Я когда первый раз приехал в Анталию в начале 90-х, это был маленький заштатный

городок. А теперь – почти мегаполис, выросший – надо это понимать – на деньги наших курортников.

И вот после телефонного разговора президентов в одночасье практически без объяснений идет разворот пропаганды на 180 градусов, на флоте такая команда называется «Все вдруг». Народу без, как говорится, «предварительных ласк» предлагается душой и телом снова полюбить внуков Ататюрка. Это как в фильме «Вокзал для двоих», помните, герой Михалкова говорит героине Гурченко: быстро сама-сама раздевайся... Слушайте, национальная обида не дамское нижнее белье! Командование общественным мнением, на мой взгляд, очень опасная вещь. Это вызывает раздражение, подрывает веру в официозные СМИ. Когда в будущем власти действительно понадобится опереться на консолидированную искреннюю поддержку общества, могут возникнуть проблемы с доверием. Допустим, нас призовут к коллективным действиям по преодолению кризиса (который пока никуда не делся), возможно, даже в ущерб нашим личным интересам, – а мы скажем: «Ну да, а потом, как с Турцией, всем отбой! Не пойдет...» Заставят? А как и кто? Мальчики на «Гелендвагенах»?

Поймите правильно, я не против замирения с Турцией. Хотя бы потому, что всякая напряженность – очень дорогое удовольствие, она отнимает средства и силы, которые могли пойти на улучшение нашей собственной жизни. В том, что конфронтация рано или поздно будет преодолена, по-моему, ни у кого сомнений не было. Пребывать в ссоре с достаточно мощным соседом никому неинтересно. Но поспешность этого разворота, нежелание даже поговорить на эту тему с людьми, вызвало недоумение даже у самых лояльных, патриотично настроенных граждан, включая и меня.

По сути, это пренебрежение мнением общества – наследие ельцинско-сурковского, и даже еще более раннего, советского периода. Когда, манипулируя телевизионными сюжетами, людям пытались навязать такую картину мира, которая соответствовала не реальности, а околоремлевским грезам. Советская власть споткнулась на том, что хронически недооценивала интеллектуальные возможности общества и продолжала говорить с ним, как с рабфаковцами 1920-х годов. Хотя уже выросли поколения, которые сами прекрасно могли анализировать ситуацию. А в эти дни исполнилось ровно 20 лет с того момента, когда с помощью бессовестных манипуляций и агрессивной информационной политики провернули жульнические президентские выборы, навязав отторгнутый народом курс Ельцина. Кто за это ответил? Никто. «Зачем же повторять старые

и очень опасные ошибки?» – думаю я каждый раз, глядя в честные глаза пресс-секретаря Пескова.

Тут вот еще что: необходимо поднимать собственные морские курорты. Это тоже часть национальной безопасности. Но для этого власти надо работать, а не смотреть сквозь пальцы на то, как разворовываются деньги, скажем, в Сочи или Владивостоке. Конечно, чтобы перенаправить поток российских денег за рубеж, не надо особо напрягаться, мол, если людям больше нравится отдыхать в Турции, чем в Крыму, это их дело. Мы живем в свободной стране! В свободной или глупой? Увы, чиновники ищут любую возможность вернуться в свой гедонистический кайф 90-х, когда они ни за что не отвечали, гнали ресурсы за границу и покупали там себе виллы. Нет, ребята, хватит решать свои проблемы, пора заняться нашими. Вы сделайте так, чтобы у нас на побережье было не хуже, чем на турецком берегу. 25 лет никто вам не мешает – за чем же дело стало? Не можете? Тогда отойдите, пожалуйста, от кормила. Пожалуйста!

«Труд», 2016

Записал С. Бирюков

– Юрий Михайлович, сейчас у России со всеми этими санкциями столько проблем, что то и дело раздаются мнения: может, лучше пойти на компромисс...

– Отступать нельзя: тогда утратим суверенитет навсегда. Увы, так устроена западная цивилизация, договаривается только с сильными, слабых запрягает. Молодые поколения иногда не понимают, почему так держались за Сталинград, столько народу положили. Или взять Невский пятачок, на котором до сих пор ничего не растёт – металла в земле больше, чем почвы. Но если бы мы потеряли Ленинград, Сталинград, не выиграли б Великую Отечественную войну. Не хочу драматизировать, но сейчас похожая ситуация. Если мы не выдержим напора, если сломаемся, не станет единой России. Следующий этап – расчленение страны. В Краснодар и Екатеринбург будем по загранпаспортам ездить.

– Отношения России и Украины по-прежнему болезненные... Недавний приезд Путина в Крым глава Украины В. Порошенко назвал вызовом для всего цивилизованного мира...

– А я, например, считаю вызовом цивилизованному миру бомбёжки и расстрел из орудий мирного населения! Но Запад давно не смотрит на мир глазами гуманистов, он смотрит на планету как геополитический мясник. А Путин приехал в российский регион. Мы же не возмущаемся, что Меркель заглянула в Дрезден, хотя он сравнительно недавно не входил в ФРГ. Государственные границы, проведенные в исторической горячке, не соответствующие расселению народов, имеют свойство возвращаться к своим этно-историческим очертаниям. Крым – только начало. Процесс этот неизбежный и, на мой взгляд, коснется и других территорий, где исконно живут русские и союзные им этносы.

– Ну, если на присоединения Крыма у большинства реакция положительная, то другую инициативу властей – публичное уничтожение санкционных продуктов – практически все восприняли как издевательство.

– Реакция, по-моему, правильная. Я до сих пор помню, как мне били по лбу, если оставлял недоеденный кусок хлеба или кашу: «Ты бы в войну так не доел, когда мы на очистках картофельных жили!» Уничтожение продуктов кажется мне диковатым. Но еще непонятнее другое: долгое время мы целенаправленно губили целые отрасли нашего сельского

хозяйства. Сейчас радуются: там фермы стали развивать, тут засеять поля. А кто раньше-то мешал?! Зачем всё надо было уничтожать? Когда едешь по Средней России, вокруг одни сорняки, коровники пустые, оранжереи без стекол... Кто-то был заинтересован, чтобы у нас розы были голландские, картошка израильская, помидоры французские! И лосось шведский, хотя свой косяками ходит. Странно, что квас еще русский остался. Не досмотрели...

– Ну, всем же ясно, кто эти «кто-то».

– А мне не ясно. Я не слышал имен. Почему власть не назовет имена, почему не расследует? Тут недавно грозный представитель Следственного комитета сообщил, что, наконец, выяснены имена владельцев Домодедовского аэропорта, виноватых в ненадлежащей охране объекта, из-за чего стал возможен кровавый теракт. Как говорил мой друг Гена Игнатов, убиться веником! Во-первых, крупнейший аэропорт не будка починщика обуви. У нас что, общенародную собственность проходим под честное слово раздавали? Во-вторых, грозный представитель так и не открыл телезрителям имена хозяев. Испугался, что ли? Общество не может нормально развиваться, когда не анализируются ошибки и не называются конкретные виновники провалов, косяков, катастроф. А у нас до сих пор не названы и не наказаны хотя бы общественным порицанием организаторы развала 91-го и бойни 93-го... А перестройка? Что это было? Почему юбиляра Горбачева чествуют в Лондоне и презируют в своей стране?

– Вы коснулись темы перестройки в вашем новом романе «Любовь в эпоху перемен». Давайте об этом...

– В романе тема перестройки – центральная. Моё глубокое убеждение: все наши нынешние проблемы коренятся именно в той эпохе. Поразительно: люди, взявшиеся за коренное преобразование советского общества, не имели даже четких планов и программ. Умный рынок сам все устроит. Ну да, а картошка сама окупится. Экономический обозреватель «Правды» Гайдар, по сути, журналист, реформирует сложнейшее кризисное хозяйство страны! Да человеку с таким лицом нельзя доверить фикус во время отпуска поливать. Именно оттуда, из перестройки, родом министры, которые не знают, чем занимаются. Иногда показывают заседания правительства по телевизору, всмотритесь в глаза наших государственных мужей – там тоска. Я был учителем и помню: такая же тоска была у второгодников, которым я давал задание, обещая потом

отпустить их на двор поиграть в футбол. Видимо, для нашего правящего класса футбол – их личный бизнес. Сидят и ждут, когда Путин отпустит. А кто-нибудь когда-нибудь объяснял нам, какое общество мы строим? Если социально сориентированное, то почему такой разрыв между бедными и богатыми? Отчего глава иного предприятия, ничем себя не проявивший, кроме часов за миллион долларов, получает столько, что даже боится в печати признаться? А музейный работник на Соловках, на Севере, живет на двенадцать тысяч рублей в месяц! Это нормально? Музейщик экскурсии водит, а глава корпорации водит за нос. У нас есть долговременный проект? У коммунистов были планы и идеология, плохие или хорошие – другой вопрос. Я не хочу ехать в поезде, на котором написана только станция отправления. Кондуктор, нажми на тормоза или объясни, куда едем! Кстати, именно с Горбачёва началась прекраснодушная активность при отсутствии понимания своих действий. Хотя некоторые герои в романе «Любовь в эпоху перемен» считают, что тайный-то план был: люди проникли во властную элиту и выполнили свою миссию – развалили огромную страну, векового оппонента Западной цивилизации. Злонамеренность порой маскируют под дураковатость.

– *Вы так думаете?*

– Так думают некоторые мои герои. Но возьмите карандашик и выпишите в столбик имена активных участников перестройки, развала страны, приватизации, либерализации, и вы с удивлением обнаружите, что многие из них давно отбыли на ПМЖ на Запад, а дети почти поголовно там. Выходит, реформы делались не в интересах тех, кто остался в стране, а для тех, кто уехал! Да, после революции был тоже гигантский исход, но белые эмигранты водили такси, стояли у конвейеров, бегали официантами, а не купали дворцы вдоль Южного побережья Франции и в аристократических кварталах Лондона. Почувствуйте разницу! Всё это наводит на размышления. Помните, что вещали лидеры перестройки о социальной справедливости, о недопустимости того, что в райкоме партии дают на батон колбасы больше, чем на заводе в заказе. И что они сделали, взяв власть? Всё приватизировали, разрубили страну на части, лишили людей пенсии, социальных льгот, бесплатного образования и лечения.

– *А оппозиция?*

– У тех, кто рвется к власти через Болотную площадь, программы нет тем более. Программу нашей оппозиции я

определяю двустилием: «Мы создаём Кремлю проблемы за то, что сами не в Кремле мы». Их задача – не улучшить жизнь людей, их задача – прорваться к власти, а потом по схеме 90-х...

– Но, согласитесь, несмотря на все сложности, сегодня положение не сравнить с разрухой перестройки...

– Конечно, по сравнению с 90-ми, когда страна просто разваливалась, и людям было не на что жить, мы продвинулись. Да, мы только в 2001 году, с приходом Путина, прекратили всероссийский самопогром во главе с семибанкирщиной. Я понимаю, после десятилетия разгула ельцинской семейственности повернуть огромный государственный корабль сразу невозможно. Но прошло пятнадцать лет! За такое же время когда-то большевики с нуля промышленность отгрохали, понастроили вузов, домов культуры, а мы до сих пор олигархов в государственную бронетелегу запрячь по-настоящему не можем, взбрыкивают.

Темпы развития у нас очень медленные. На Соловках, я оттуда приехал, нет ни одного банкомата. А ведь это мировой туристический центр! У Грефа, конечно, очень красивые галстуки, но может и о Державе пора подумать?! Гигантские деньги вращаются в нескольких больших городах, создавая абсолютно немотивированно богатый класс, который ничего не производит, да и тратит в основном за границей. Увы, бизнес по своей стяжательской природе космополитичен: Родина там, где маржа жирнее. Только умное и волевое государство заставляет бизнес быть патриотичным. Значит, власть должна принять такие законы и меры, чтобы воротилам ничего не оставалось, как быть патриотичными, иногда даже бескорыстными. Скажу более: в нынешней исторической ситуации дело вести надо так, чтобы непатриотичность была для бизнеса опасна. По-другому никак. Америка у ворот!

От наших дореволюционных предпринимателей (а русскому капитализму история отпустила всего несколько десятков лет) остались Третьяковская галерея, МХАТ, больницы, школы, музеи по всей стране... А что мы имеем за четверть века от наших олигархов, которых сначала набили, как чучела, общенародными активами, а они из любого кризиса норовят выскочить за счет казны или смыться с котомками и потомками за границу? Ничего пока не имеем! Почти ничего. Вы думаете, народ, который обозвали избирателями и успокоились, этого не видит, не понимает? Видит и понимает. Мы, продолжая непатриотичную социально-экономическую политику, уподобимся библейскому дому на песке. А дом должен стоять на камнях. Наши

краеугольные камни: патриотизм, ответственность государства и бизнеса перед народом, социальная справедливость и открытость... О вере поговорим в другой раз.

«АИФ», 2015 Ольга ШАБЛИНСКАЯ

«Почему есть улица Высоцкого, а нет улицы Свиридова?»

О новом романе и о дефиците «государственной завитушки» у нынешней власти

В издательстве «АСТ» вышел новый роман Юрия Полякова «Любовь в эпоху перемен». Как автор знаковых перестроечных повестей 80-х, выросший за 30 лет в убежденного государственника, смотрит сегодня на то бесшабашное время? Какую эволюцию проделали другие его тогдашние единомышленники? И почему в оценке писателем нынешних действий власти звучит гораздо больше критических нот, чем еще год назад? Об этом – наш разговор накануне презентации романа на Московской международной книжной выставке-ярмарке.

Сергей Бирюков: – *Юрий Михайлович, что это вдруг вас «вернуло» на три десятилетия назад?*

– Тут такая история. Мне захотелось написать рассказ в бунинской традиции о том, как человек, уже едущий с ярмарки, вспоминает свою давнюю утраченную любовь, которая теперь ему кажется самой главной в жизни. Однако я не постмодернист и тем более не автор «Большой книги», а реалист и, кстати, обладатель золотой медали премии имени Ивана Бунина. У моих героев всегда есть биография, профессия, родные и близкие. Они не трансцендентальные бомжи и живут не на виртуальной Рашке-помойке, а в нашем вполне реальном Отечестве со всеми достоинствами и недостатками. Герои моего нового романа – журналисты. Мне давно хотелось написать о людях этой профессии, накопилось много наблюдений, идей... Я ведь сам в журналистике с 1975 года, когда стал внештатным корреспондентом «МК».

В центре романа судьба редактора еженедельника «Мир и мы» («Мырмы») – Гены Скорятина. А поскольку его давняя любовь, о которой он вспоминает, случилась в 1988 году, то действие разворачивается в двух временных пластах: тогда и теперь (конкретно – в 2013 году, когда я начал вещь). 1988-й – разгар перестройки, ее переломный момент. Только что в «Советской России» вышло ярко-упертое письмо Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами!», Александр Яковлев мутно и анонимно ответил ей в «Правде», шли споры, можно так жить или нельзя, куда нам девать Сталина, что нужнее – социализм с

человеческим лицом или капитализм с его сладким гниением. И чем больше я погружался в то время, перечитывая тогдашнюю прессу, расспрашивая людей, тем яснее понимал, что коснулся темы, которая нашей литературой, кино, театром практически обойдена. Имею в виду не дежурную мифологию о перестройке, а ее оценку с точки зрения сегодняшнего времени. Почему Андреева предвидела крах перестройки? А кем на самом деле был Яковлев, чью волю выполнял? Что двигало Горбачевым – он реализовывал программу, или просто поспевал за своим языком? И, как у меня часто бывает, рассказ начал разрастаться в повесть, а повесть – в роман. Мой герой в 1988 году – смелый молодой журналист, лезущий на рожон, а потом он прошел вместе со страной крушение СССР, пережил лихие 90-е, ельцинизм, а в путинской России стал редактором задиристого либерального издания, принадлежащего беглому олигарху «Кошмарнику». И уже никаких моральных табу, тормозов, никаких иллюзий насчет свободы слова, для этих людей – она то же самое, что «Отче наш» для попа-расстриги.

– Удалось вам открыть, кто управлял Горбачевым, Яковлевым и пр.?

– Я же не политолог, а тем более – не криптолог. Я художественный писатель и могу лишь честно и, как мне кажется, достаточно объективно нарисовать картину, и не я виноват, если у читателя складывается убеждение: то, что мы тогда считали спонтанным порывом, оказалось тщательно подготовленным мероприятием. Люди, которые, как мы полагали, болели о судьбах России, на самом деле решали свои вопросы, а потом многие из них наплевали на страну и уехали подальше на ПМЖ, откуда теперь говорят нам разные гадости – как дочери Горбачева и Гайдара. Задел я и еще одну табуированную тему: извечную борьбу в интеллигентской среде между либерально-космополитическим и консервативно-почвенническим направлениями. Есть даже глава «Отказники и лабазники». Думаю, многие разозлятся.

– Можно сказать, что это ваш сегодняшний ответ себе самому тогдашнему, автору хлестких повестей 80-х «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофегей»?

– Безусловно. Своего рода полемика писателя Полякова, отпраздновавшего свое 60-летие, с писателем Поляковым, только-только отметившим 33-летие. Кстати, я в романе и себя достаточно иронически изобразил, эдакий живчик ускорения, воплощающий то самое наивное самообольщение, неколебимую

веру в завтрашний день только потому, что он завтрашний. В этой книге, думаю, многие узнают себя, начиная с отцов Державы и грандов гласности. Подозреваю, это не улучшит моих с ними отношений.

– Наверное, не очень весело писать книгу с отрицательным главным героем?

– Я не сказал бы, что Скорятин отрицательный, скорее он «плохой-хороший человек», а такой типаж характерен для отечественной литературы. Как чаще всего бывает в жизни, в нем всего перемешалось – приспособленчество и талант, благородство и подлость. За свои победы он платил ту цену, какую с него требовало время. Но роман написан в традициях моего гротескного реализма, т. е. – с иронией.

– Вы сказали о разделенности тогдашней интеллигенции на лагеря. А сегодня российская литература более едина в своем потоке?

– К сожалению, разделение только усилилось. Прежде всего, колоссальный разрыв по уровню профессионализма. У нас сегодня рядом с действительно серьезными авторами гомонит туча ПИПов – персонифицированных издательских проектов. Одни делают свою ювелирную литературную работу, другие клепают на конвейере одноразовую книжную бижутерию. Почему-то именно ПИПы в основном и резвились на книжной ярмарке на Красной площади. Второй водораздел связан с системой ценностей. Одни опираются на русскую консервативную мысль, другие – на западные постмодернистские модели, а вместе с ними заимствуют пренебрежительно-скептическое отношение к стране, подарившей им великий язык. И там, и там есть люди более и менее одаренные. Ни космополитизм, ни патриотизм сами по себе успеха на литературном поприще не приносят. Успех приносит талант.

– Когда помотришь на то, что у людей в руках в метро, усомнишься в ваших словах. Широкой публике, подозреваю, эти споры между направлениями не очень интересны, она читает массовое коммерческое чтиво.

– Это как в науке. Работают 30–50 лабораторий, и только одна-две совершают прорыв. В 30-е годы в СССР работали сотни писателей, они пребывали в сложных отношениях, полемизировали, ругались, а то и строчили доносы на коллег. Из всего этого многообразия имен по большому счету осталось не больше десятка – Шолохов, Алексей Толстой, Леонов, Булгаков,

Ильф и Петров, Катаев... Ну, вы сами можете продолжить. Перестройка в этом смысле дала очень мало. Работая над романом, я много перечитал, пересмотрел... 90 процентов из того, что в ту пору увлекало людей, сейчас читать просто невозможно. Политическая острота ушла, а художественности, оказывается, и не было. Плохая литература устаревает мгновенно, хорошая живет долго, великая – вечно.

– Но все-таки один-два гения где-то рядом с нами сегодня ходят?

– Эпоха, которую мы доживаем, – это все еще эра Русской революции. Никто не знает, кого предпочтет время. Почему из двух, равнозначных для современников, авторов одного потомки забывают, а второго зачитывают до дыр? Почему останки одних праведников нетленны, а кости других не отличишь от грешного праха? В 60-е, когда начинал Владимир Богомолов, и даже в 70-е, когда он написал роман «В августе сорок четвертого», мог ли кто-то подумать, что именно он станет самым читаемым писателем-фронтовиком? Премии дают за одни книги-фильмы, а читают-смотрят потом другие. Каким улюлюканьем встретили картину «Москва слезам не верит»! Говорили: что за дурацкий гибрид любовного романа с производственным! Итог известен.

– Прежде все-таки была хотя бы одна объединяющая фигура – Солженицын.

– Солженицын, извините, никогда не был объединяющей фигурой. Наоборот, разъединяющей. Не случайно его похороны оказались на редкость малолюдны. Шолохов почти сразу уловил: автору «Денисовича» собственная писательская судьба дороже судьбы Отечества. Солженицын отомстил – гальванизировал старую сплетню о том, что «Тихий Дон» – плагиат. Кстати, писатель, призывавший жить не по лжи, даже не подумал извиниться, когда была найдена, наконец, рукопись первой части «Тихого Дона» и даже злопыхатели признали свою неправоту. Сейчас парадоксальная ситуация: если власть в советский период с Солженицыным боролась, то теперь насаждает, как картошку. Мне всегда больше нравились дикорастущие писатели.

– Год назад вы были полны энтузиазма: Россия встает с колен, мы вернули Крым, твердо заявили свои права в мире... Но что изменилось в реальной жизни людей? Стало ли меньше коррупции, больше ли власть прислушивается к гражданам?

– Это два разных вопроса. От советской уравниловки через ельцинскую растащиловку мы оказались в ситуации, которую я

бы назвал «шариковщина наоборот». Отобрали у всех и поделили между немногими. Я вернулся из поездки по Русскому Северу, целые города не имеют магистрального газа. «Сила Сибири», где ты? На Соловках совсем абсурд: ни одного банковского автомата, хотя это объект ЮНЕСКО, большой туристический поток... Монетаристы, в чем дело? Почта наглухо закрыта, так как за восемь тысяч в месяц люди работать отказываются. А интересно, какое жалование у нашего главного почтмейстера? Я бы эту сумму прописью вывесил у входа в каждое почтовое отделение! Меня тревожит нездоровая социально-нравственная атмосфера в стране. Так и хочется спеть нашей осоловевшей элите: «Потому что нельзя быть на свете богатой такой!»

Но возвращение отторгнутых территорий – другое дело. ФРГ в среднем стала жить хуже после слияния с Восточной Германией. Однако почти никто там не говорит: не надо было воссоединяться. А вот почему власть никак не разберется с тем, чтобы наши огромные ресурсы использовались на благо всего народа, а не для обогащения немногих и вывоза денег за границу, я не понимаю. Почему у нас патриотизм заканчивается там, где начинается прибыль?

– Несколько недель назад я попал на территорию ЗИЛа, зрелище потрясло. Великий в прошлом завод стоит наполовину разрушенный, пустой, будто туда кинули нейтронную бомбу. Понимаю, заводы нынче из столиц выводят. Но не губят! Как можно было это распродать, разворовать?

– Я помню это циклопическое предприятие кипящим, работающим, многолюдным. У нас на ЗИЛе были дни советской литературы году, кажется, в 1981-м... Теперь там построят элитное жилье, недоступное обычному работяге, а раньше, между прочим, управленцы и рабочие жили в одном доме, построенном заводом. Теперь у первых жемчуг мелок, а у вторых щи пустые. Что, управленцы стали лучше – потому высоко оплачиваются? Не заметно, по-моему, наоборот управленческий корпус деградирует. Кто виноват? КПСС тоже не любила каяться, тем не менее, где-то раз в 10 лет, как змея сбрасывала старую шкуру, по-советски неловко признавала ошибки, допустим, на съездах, где критиковали курс предыдущих персонажей. А сейчас? Мы провозгласили импортозамещение. Чем замещать-то? Погибли целые отрасли. Однако я ни разу не услышал, почему это случилось, почему завозят израильскую картошку, а свою не сажают? Кто конкретно виноват? Нет имен. Какая-то атмосфера глухого сообщничества! По ТВ выступает представитель Следственного комитета: «Мы, наконец-то, после двух лет

кропотливой работы установили владельцев Домодедовского аэропорта, которые виноваты в том, что стал возможен теракт, знаем их имена и накажем!» Долгонько что-то! Ну, думаю, зато сейчас узнаю имена и явки. Нет, не назвал. Глаза спрятал. Если ощущение неприличного сообщничества казначеев и казнокрадов возникло и у меня, человека, традиционно лояльного к власти, то что же должны чувствовать люди, к ней традиционно нелояльные?

– Да, тон нашего разговора явно отличается от прежних бесед. Не думали ли, как многие писатели сегодня, уйти от неприглядной действительности в биографическую тему?

– Уходя от современности, уходишь от искусства. Но угадали, я потихонечку собираю материал к жизнеописанию Николая Лескова для молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей». Это единственный из писателей первого ряда, о котором в ЖЗЛ никогда не выходило книг. Ни одной! Как и о его современнике, императоре Александре III, хотя о других писателях и царях выпущено по две, по три монографии. Лесков – очень сложная, во многом замолчанная, оболганная фигура. Материал собирается трудно. Я писатель, а не скоросшиватель. Чем глубже погружаюсь в лесковскую тему, тем яснее, какую огромную работу надо проделать, чтобы не стыдно было стоять на одной полке с «Мольером» М. Булгакова, «Тютчевым» В. Кожина, «Алексеем Константиновичем Толстым» Д. Жукова.

– Вы найдете увлеченного единомышленника в лице композитора Родиона Щедрина. Он уже три оперы по Лескову написал, а «Левша», который недавно поставлен в Мариинском театре, просто хватается за сердце горькой русской тоской за то, как Россия обращается со своими собственными сыновьями. По сути, это ведь не только о Левше, но и о самом Лескове...

– Обязательно послушаю. В сентябре в Петербурге я председательствую в жюри Первого фестиваля русской комедии, который пройдет в театре имени Акимова. Пригласили меня как комедиографа, чьи пьесы широко идут в России и за рубежом, держатся в репертуаре десятилетиями. Сейчас Театр сатиры начал репетировать мою новую, острую комедию «Чемоданчик». Она как раз о том, про что мы с вами говорим. Кстати, один из персонажей – президент РФ. Давайте этой деталькой пока и ограничимся, чтобы не лишать зрителя удовольствия.

– А что с кино?

– Вышла экранизация моей давней повести «Апофегей»,

режиссер Станислав Митин, а я соавтор сценария. Вторично экранизирована повесть «Небо павших», режиссер Валентин Донсков. Снят Михаилом Мамедовым 6-серийный фильм по роману «Грибной царь» с Александром Галибиным в главной роли. С тем же Митиным, моим давним другом и соавтором, пишем сценарий по моему роману «Гипсовый трубач». Сергей Никоненко хочет поставить на студии имени Горького комедию «Московское сафари» по мотивам моей комедии «Халам-Бунду». Я не пишу безотходные сценарии, как, скажем, Юрий Арабов, я не вхожу в пул «Золотого орла», «Кинотавра», «Золотой маски»... Однако тот же «Апофегей» имел один из самых высоких рейтингов среди игровых телефильмов на канале «Россия».

– Вы сказали, что были на севере и вообще много ездите. Каковы главные положительные и отрицательные впечатления?

– Прежде всего – удручающая неравномерность развития регионов и уровня жизни. Одни выкачивают средства из страны и тратят их на роскошную жизнь за бугром. А чуть отъедешь от Москвы – видишь, как другие живут в разрухе. Много зависит от конкретных руководителей. Недавно был в Переславле-Залесском. Там усилиями патриотически настроенных предпринимателей создан замечательный культурно-этнографический, познавательно-развлекательный центр. А с другой стороны – еду по Егорьевскому району, захожу в храм – прекрасное здание, роскошный классицизм: в будущем году церкви исполнится 200 лет. Но с реставрацией и конь не валялся. Молодой батюшка, интеллигентный, музыкальное училище закончил. Спрашиваю: «А разве вам патриархия или епархия не помогают?» Он глаза отводит: жаловаться на священноначалие нельзя, а врать не хочется – Спаситель не велел. Я летаю на мои премьеры. Прилетаешь и по состоянию аэропорта и дороги в город сразу понятно положение дел в губернии. Побывал в Белгородской области – просто другая страна: продумано, аккуратно, чисто – все для блага человека. В Пензе построили роскошные театр и областную библиотеку... А переберешься в соседнюю область – березы те же, но и такое впечатление, что оттуда недавно ушли оккупационные войска, прихватив все ценное и взорвав коммуникации. В нашей стране кадровый голод, даже – гладомор. Где она, президентская кадровая тысяча? Кажется, рассосалась без следа и результата. У настоящего чиновника должна быть в голове государственная завитушка. Летаю – и вижу: вот у этого мэра она есть, у этого и головы-то нет. Но работает на пользу себе и своим отдаленным потомкам. Благо конфискации имущества у нас нет, и не предвидится.

– Тема памятника князю Владимиру, казалось бы, отвлеченная, неожиданно стала горячей. Вроде все этого Владимира уважают, но ведь никакого на него запроса в обществе не было, пока инициаторы не подняли шум и не выжали голоса публики в интернет-опросе. Что, у нас более жизненных проблем и тем для споров нет?

– Споры вокруг памятника равноапостольному князю Владимиру мне не понятны. Он крестил Русь. Москва – столица Великой Руси. Памятник ему давно должен был стоять в первопрестольной, а не только в Киеве. Где стоять? На лучшем месте. Увы, вне конкретного политического интереса у нашей власти почти нет монументальной стратегии на общенациональном уровне. Отсюда, наверное, и недоумения, даже протесты. С другой стороны, наша интеллигенция протестует, только когда что-то идет вразрез с ее мифологизированной картиной мира. Если, скажем, власть захочет вернуть Дзержинского на Лубянку, сами понимаете, визгу будет столько, будто режут стадо свиней. Но вдруг, никого не спросив, между делом, поставили памятник Ростроповичу. Я не против Ростроповича, он всемирно-брендовый виолончелист, но сразу вопрос: а где памятник Георгию Свиридову, которому в этом году исполнилось бы 100 лет? Наверное, он сделал для нашей музыки не меньше Ростроповича! Или вот: назвали улицу именем Высоцкого после того, как Алексей Венедиктов попросил об этом в прямом эфире президента. Оперативно сработали! А где же улицы Вертинского, Улановой, Аполлона Григорьева? Где, наконец, площадь Ивана Калиты – отца Московского чуда? Сколько говорено-переговорено. Ни с места! Выходит, чтобы тебя услышали, надо на «Эхе Москвы» работать? Недавно смотрю: плывет теплоход – опять-таки «Ростропович». А где «Михаил Глинка»? Там же, где «Композитор Римский-Корсаков»...

– *Может быть, и они есть.*

– Возможно. Но я ни разу не видал. Не должна культурная политика страны зависеть от активности наследников и нахрапистости просильщиков. Неважно, бегал ли «смеживший очи гений», как Ростропович, по Белому дому с «калашом», важно, какой вклад он внес в развитие отечественной культуры и упрочение Отечества. О втором условии как-то стали забывать и даже укоренилось мнение: если деятель не пободался с Державой, то, вроде бы, и увековечивать его как-то неловко. Не набузил на памятник. А потом из-за кремлевской стены смотрят на Болотную площадь и удивляются: за что?

А за то, что правая рука не ведаёт, что творит левая...

«Труд», 2015. Беседовал С. Бирюков

Кто они – живые классики?

Издательство «Молодая гвардия» выпустило уникальную книгу из знаменитой ЖЗЛ – «Жизнь замечательных людей». Её отличие от всех предыдущих книг состоит в том, что посвящена она не ушедшему кумиру прошлых лет, а ныне живущему писателю, драматургу и главному редактору «Литературной газеты» Юрию Полякову. Новая серия так и называется – «Живые классики».

Главред «Аргументов недели» Андрей Угланов встретился с классиком в день его рождения в московском театре «Модерн», руководимом Светланой Враговой. В тот вечер на главной сцене шла известная мистическая комедийная пьеса Юрия Полякова «Он. Она. Они», поставленная режиссером Александром Царёвым.

– «Литературная газета» (ЛГ), главным редактором которой вы являетесь уже 15 лет, всегда была газетой не только для писателей, но и яркой политико-публицистической трибуной. Главный редактор этого издания по традиции – человек, хорошо разбирающийся в политике, причём – критически. Но начнём с писателей. Что сегодня их беспокоит кроме заработка и желания как-то выжить? Я говорю о гражданской позиции писателей, делятся ли они на какие группировки, как это было в советские времена?

– «Литературная газета» до 2001 года, когда в неё пришла новая команда во главе со мной, была ультралиберальной. Всё, что делалось во времена Ельцина, всё что произошло в 91-м, 93-м, 96-м, 98-м годах тогдашнее руководство газеты так или иначе устраивало. С 2001 года многое изменилось. Газета стала центристской, вернулась к тем традициям, которые закладывали в неё Пушкин и барон Дельвиг, – «либерального консерватизма» (именно так взгляды Пушкина охарактеризовал Вяземский). Сегодняшняя ЛГ критически относится к наследию 90-х, к тому колоссальному социальному неравенству, которое возникло в обществе. Увы, мы имеем несовместимость современных версий почвенничества и западничества, которые были едва ли не главными для российских и советских литературных традиций.

– Существование «западников и почвенников» действительно в наших традициях – Герцен и Достоевский, Распутин и Аксёнов... Они всегда были рядом и не мешали друг другу жить. Что сегодня?

– Противоречия между ними резко углубились. Вышли на уровень просто генетической вражды. Увы, наиболее крупные

почвенники, такие как Василий Белов или Валентин Распутин, к сожалению, умерли, как и наиболее крупные западники, тот же Василий Аксёнов. Из тех, кто активно работает из почвенников, назову Личутина, Галактионову, Кострова, Куняева, Скворцова, Байбородина, если брать сибиряков. Ну, а западники это в основном те литераторы, что концентрируются вокруг «Букера» и «Большой книги». То, что происходит в стране, если судить по сочинениям, их не очень интересует. Занимает в основном то, как их слово отзовется в премиальном эквиваленте.

Между ними проявилась принципиальная разница. В дореволюционный период «почвенники и западники» были писателями, активно полемизирующими, порой находящими общий язык. В советский период они дискутировали даже на партсобраниях, разя друг друга цитатами из решений последнего Пленума ЦК КПСС. Сейчас трагедия в том, что почвенники и западники перестали спорить. Одни считают своих оппонентов дебилами и идиотами, другие – предателями и мерзавцами. И даже не пытаются вступить в диалог. Это неправильно, потому что у отечественной цивилизации всегда было два крыла – византийское и, грубо говоря, инородческое и иноверческое: я имею в виду культуру, а не веру. Сейчас диалог утрачен, а литература в последние 25 лет даже не хочет вернуться в режим диалога.

– Вы считаетесь человеком, которого принято называть консерватором, резко критикуете наследие Бориса Ельцина. На этом пути даже стали доверенным лицом Владимира Владимировича Путина на последних выборах, объясняя это желанием демонтажа этого самого наследия. Как идут дела в этом направлении? Вас не постигло жёсткое разочарование? Я прежде всего имею ввиду то, что главное, за счёт чего существует страна – всё же экономика. А здесь правят бал так нелюбимые вами либералы. Почему ваш протеже терпит рядом с собой Кудрина и Улюкаева, миллиардера Шувалова и миллиардера Абызова? Он же держит советниками «оглупителей» учеников Фурсенко и Ливанова, всячески выказывает своё расположение Силуанову и Набиуллиной, которые делают всё, чтобы российская промышленность развивалась как можно медленнее. В чём секрет Медведева, которого В.В. Путин, скорее всего, видит своим преемником?

– Я должен обдумать этот коварный вопрос... Начнем с того, что Путин – мой лидер, а не «протеже». К тому же я не экономист, поэтому мои представления о хозяйственной сфере весьма гуманитарны. Но меня тоже удивляют эти жуткие «ножницы»,

которые видны не только вам. Во внешней политике, в духовной сфере, мы выступаем как радетели традиционных ценностей...

– *Как воины света. Как белое воинство.*

– Да. Белый цвет был цветом нашей монархии. Помните, Лермонтов клеймил злопыхателей: «Вам света белого не видно за светом белого царя!» Мы ратуем за многополярный мир, социальную справедливость, честное распределение мировых богатств и т. д., А во внутренней политике, экономической, прежде всего, основные доходы с природной ренты – нефть, газ, – почему-то идут куда угодно, только не в страну. Это настолько очевидно, что хочется выйти на Красную площадь и крикнуть: «Недра – народу!»!

О социальном неравенстве. Даже большевики через 8 лет после своего прихода к власти ввели так называемый «партмаксимум», по которому партийная номенклатура не могла получать зарплату в разы больше, чем квалифицированные рабочие. Партийные хапуги высмеивались и наказывались, особенно во времена НЭПа. Скажем, Булгаков изобразил в «Зойкиной квартире» партийца по фамилии Гусь (интересно, что тестем В. Шаламова был старый большевик по фамилии Гудзь). Так вот, у Гуся в руках пачка червонцев, за которую его и зарезал китаец; Откуда? При средней зарплате квалифицированного рабочего в 3–5 червонцев в месяц? У нас таких «гусей» сегодня полным-полно. Почему власть не введет новый партийный максимум? Почему у художественных руководителей некоторых московских театров зарплата по 40–50 млн. рублей, в то время как у Народного артиста в регионах зарплата 20 тысяч? Не должно быть такого перепада.

– *То есть «гусей» не удалось пока извести с конца прошлого века, когда Борис Николаевич ушёл из власти?*

– Историческая инерция – страшная вещь! Даже с троцкизмом, как с течением в партии было покончено только в середине 30-х годов прошлого века, хотя самого Троцкого от реальной власти отстранили десятилетием раньше. Видимо, здесь что-то похожее. Но огромной части населения сегодня и в самом деле тяжело. Страна борется за общечеловеческие ценности, ей вменяют санкции. Но почему это должно ложиться на бедных и средний класс? Почему наши «гуси» имеют колоссальные доходы непонятно за что? Они что, эту нефть разведали, пробурили эти скважины? Они что, строили этот огромный комбинат по добыче никеля за Полярным кругом? Нет – его строили зэки и комсомольцы-добровольцы, потом вахтовики. Почему у

наследников этих героев труда нет акций? А есть они у каких-то мутных «абрамовичей». Почему народны деньги опять пилят «гуси»? Делят их с жёнами и любовницами, самозванными отпрысками, а ТВ все это нам показывает. А почему нет речи о помощи потомкам погибших в Норильске заключённых и энтузиастов пятилеток, что строили завод с кайлом и обмороженными руками? Мой гуманитарный ум отказывается это понимать. Но я и третий раз, если предложат, буду доверенным лицом Владимира Путина. Потому что он оттащил страну от той пропасти, к которой подогнала Россию к 2000-му году ельцинская команда. На месте Чубайса и Коха я бы от стыда закрылся в нескороаемом шкафу. Нет, выступают, как ни в чем не бывало...

– Больше о политике говорить не будем. Сегодня довольно большие тиражи получают книги о Сталине, книги «имперского» писателя Александра Проханова, книги о мировом закулисье, делающем всё, чтобы уничтожить Россию. В чём секрет того, что российское общество в основной своей массе живёт прошлым? Наши лучшие режиссёры снимают фильмы о войне, о событиях прошлого века от его начала до конца. В СССР хотя бы детям делали фильмы о будущем, например «Москва – Кассиопея».

Что это за государственная политика – благоговеть и сотрясаться в рыданиях о прошлом? Делать «гвоздями сезона» то сериал о нравах кинотусовки 60-летней давности, то о нравах писателей-поэтов той же поры? Всё это хорошо и интересно, но где видение будущего для страны? Где «заманухи» для детей, чтобы они начали думать не о гаджетах, а о дальних экспедициях в космос? Посмотрите, именно так воспитывает американскую и западную молодёжь Голливуд. Практически все фильмы о будущем и его вызовах сделаны в Америке и наши школьники видят, что именно американцы спасают мир от астероидов и гадких пришельцах. А мы в их фильмах предстаём лишь как пьяные придурки, причём эти фильмы идут сплошняком в нашем прокате и на всех телеканалах. Помните, как Брюс Уиллис спас землю от астероида, а заправлялись американские парни в «ржавой российской станции», где русский космонавт один-одинёшенек сидел пьяным в шапке-ушанке? Что это за хрень? Где протесты «Единой России»? Значит, спеть богохульную песенку в церкви, когда это никто не видит – ступай на нары, а показывать десяткам миллионов зрителей лживое дерьмо – можно?

– Это как раз то самое, о чем постоянно пишет ЛГ. Тайна «золотого ключика» очень проста: в 90-е годы за помощь в свержении советской власти и взятии Кремля прозападной командой либеральной интеллигенции, в том числе творческой,

было отдано на откуп всё пространство: культурное, литературное, научное. Их просто везде назначили начальниками, дали все посты, фонды, бюджетные и премиальные и т. д. Всех патриотов оттеснили на периферию. За что? За тупое упорство в отстаивании государственного суверенитета.

Сегодня совершенно очевидно, что путь сдачи суверенитета «передовому Западу» оказался тупиковым, если не преступным. И что? Отобрали у либеральной, читай «колониальной» интеллигенции контроль над художественно-духовным пространством? Реабилитировали тех, кто бился в 90-е за государственный суверенитет? Черта с два! Эрнст как сидел – так и сидит! Все каналы, студии, программы художественных передач на телевидении, структуры, которые финансируют сериалы, в руках «цивилизаторов» образца 90-х годов прошлого века, чьей задачей было поставить Россию в дальние ряды последователей чужой «американской мечты». У нас до сих пор государственные чиновники с придыханием говорят, что какая-то английская контора поставила «Бауманку» аж в пятую сотню мировых вузов. Невдомёк им, тупоголовым, что таких вузов, как Московский государственный технический университет имени Н. Баумана в мире нет вообще! И вот таким «умникам» в распоряжение до сих пор дают казённые деньги. И вы хотите, чтобы они снимали «Москва – Кассиопея»? Вы хотите, чтобы они снимали честные фильмы о нашей истории? Нет, они продолжают работу по внушению нашей молодёжи исторического комплекса неполноценности, убеждая всеми средствами, будто наша цивилизация тупиковая. Это их тайная страсть. По случайному стечению обстоятельств именно так называется новейший и глупейший фильм о «шестидесятниках».

– Юрий Михайлович, вы член «Единой России»?

– Нет, я член Общественной палаты.

– Тем более. У нас же есть законы за оскорбление власти, оскорбление религиозных чувств. Вот религию, значит, оскорблять нельзя, а оскорблять инженеров, которым плюют в душу, рабочих, которые продолжают работать на заводах – можно?

– Я гуманитарий, и о том, что касается сферы моей компетенции, при каждой возможности задаю президенту вопросы. Например: почему Союз писателей относится к Министерству связи, а не Министерству культуры? Ну, выдайте нам тогда почтальонские сумки. Я спрашивал: «Владимир Владимирович, объясните, пожалуйста, почему к 100-летию

великого русского композитора Свиридова поставили памятник виолончелисту Ростроповичу?». Я не против, чтобы был памятник Ростроповичу, но если нет памятника Свиридову, нельзя ставить памятник Ростроповичу! Если нет памятника Пастернаку, нельзя ставить памятник Бродскому. Если нет постановления по празднованию 150-летия Горького (2017), нельзя принимать постановление о 100-летию Солженицын (2018). Кто вам это советует? Киньте их через бедро! Вы же дзюдоист! Ну, хоть какая-то логика в этом должна быть! Её нет. Почему? Потому что сферу культуры, а ее до сих пор числят по «остаточному принципу», на кормление оставили либералам образца конца прошлого века. Причем даже не либералам-государственникам, которые у нас есть, а либералам-антигосударственникам. Вот что ужасно. А для них тот, кто не боролся с собственным государством, не заслуживает памяти...

– А Мединский, министр культуры? Он же вроде бы консерватор. Его все ругают.

– Мединский не демиург. Я, например, будучи членом Общественного совета Минкульта, дважды подавал туда же прошение о финансовой поддержке экранизации моей остросовременной комедии «Чемоданчик». Думаете, дали? Нет. А вот Ю. Арабову на фильм о русских женах албанских коммунистов дали. Увы, среднее звено нашего чиновничества поражено рецидивирующим вирусом либерализма образца 1991 года. Государство отсыпает деятелям культуры деньги каждый год сотнями миллионов, а они (не все, конечно) изготавливают на эти средства толстые и очень дорогие палки, которые вставляют в колеса державы.

– Хочу продолжить тему воспитания молодёжи и создания климата дружбы между народами, населяющими Россию. Хочу найти вместе с вами ответ – кто литературный или киногерой нашего времени? Был Печорин у Лермонтова и князь Мышкин Достоевского, был Григорий Мелехов у Шолохова, и киношный солдат Иван Бровкин, были учёные-ядерщики и колхозники. Вновь сошлюсь на Голливуд. Как известно, в США лет 30–40 тому назад вовсю действовали законы расовой сегрегации – неграм одни скамейки в трамвае, белым – другие. В какой-то момент отцы-основатели поняли, что добром это не кончится. Законы быстро отменили, и за дело взялось министерство пропаганды и идеологии США – Голливуд. В американский и мировой прокат, как в пирожковой начали печься фильмы, где полицейские пары стали формироваться негр – белый. Где белых жуликов часто разоблачал

негр, где даже мерзкий главный белый вампир, который вот-вот должен был впустить на землю Сатану, был повержен борцом с вампирами, афроамериканским актёром. Сегодня американские актёры-негры звёзды мировой величины – Дизель Вашингтон, Фрэди Мэрфи, Уилл Смит, Холи Бэри...

Почему у нас на экранах не появляются новые герои? Почему не спасают мир русский в паре с чеченцем, татарин в паре с украинцем – да так, чтобы в финале их награждал в Кремле сам президент золотой звёздой Героя? А уж если кто в этом самом кино понарошку погиб, то чтоб его, не русского, захоронили в кремлёвской стене. И чтоб в кадре президент смахнул с лица предательскую слезу и прижал к себе вдову героя, и чтоб на гробе – российский флаг, как во всех американских фильмах. Вместо этого продолжают крутить старьё 90-х годов о борьбе с кавказскими бандитами? Да, это было, но если бездумно крутить сегодня, значит, нечего удивляться, когда кавказская молодёжь будет думать, что в Москве её продолжают видеть врагом? Кто за идеологию-то отвечает? Почему не воспринимают мировой опыт?

– К сожалению, государство, зашуганное жупелом советской цензуры, не решается влезать в эту важнейшую сферу. Там рулят люди, которые или занимаются решением своих тусовочных и финансовых проблем, или внедрением идей, которые нам абсолютно не нужны. Некоторые, когда их хватают за руку, сразу отбывают за рубеж. Что им социальный мир в стране, дружба народов, национальная и религиозная терпимость? Они – граждане мира, их родина там, где их банковский счет. Любые разговоры о социальной справедливости они считают «отрыжкой совка». Почти все, кто финансирует производство сериалов, рулит на телеканалах – очень богатые люди. Нормальный человек будет снимать очередной сериал про «черную кошку»? У нас больше поговорить не о чем? «Формат», «откат» – вот их боги. Россия для них – вахтовый поселок, в котором надо всего лишь «нарубить капусты», и поболее, пока доверчивые аборигены не спохватились.

– Юрий Михайлович, я думаю, что пора уже создать у нас Министерство пропаганды Российской Федерации и сделать вас министром, а меня вашим первым заместителем. А пока вернёмся к литературе. В книжных магазинах, особенно в крупных и раскрученных, довольно много покупателей. Почти везде стоят ваши книги. Какие предпочтения у сегодняшних читателей? Фэнтези, фантастика, политическая сатира, деревенская проза, лирика, поэзия или литература социально-значимая, в жанре которой пишете вы? Кто кумиры первой четверти XXI века из литературных героев? Кто сегодняшний Пушкин, Шолохов,

Аксёнов? О ком будут вспоминать и перечитывать из только что перечисленных. Пелевина будут вспоминать с Сорокиным? Дмитрия Быкова, вас? Кто сегодня герой?

– Министерство пропаганды создавать не надо, а вот от министерства Здравого Смысла я бы не отказался. Кто будет классиками? Поговорим лет через двадцать. Тут важно, каких писателей переиздают, перечитывают. Кого экранизируют. Хорошую книгу хочется экранизировать, а плохую нет. Как Дмитрия Быкова экранизировать? Никак. Нужно немного подождать, чтобы понять, кто останется. Но уже сейчас ясно: останутся и Распутин, и Белов, и Искандер, и В. Соколов... Литература, которая честно рассказала о нашем времени, будет интересна. Возьмем, драматургию, уже сейчас видно, на каких авторов ходят, а на каких не ходят. На «лабораторную драму» не ходят. Неужели вы думаете, если бы современники не ходили на Шекспира, Мольера, Островского, они стали бы классиками? Однако информационное пространство, которое, увы, продолжает контролировать либеральный пул, ловко вводит общество в заблуждение. Делается это так. Скажем, 27 октября в театре «Сатиры» в 300-й раз сыграли мою комедию «Хомо эректус». 300 раз! Аналогов нет. Если бы это был спектакль Улицкой и его сыграли бы в 50-й раз, об этом сообщили бы все. Обо мне – нет. Даже на канале «Культура» промолчали. Почему? Потому что автор – патриот. А патриот не может быть талантлив по определению. Еще пример: в Баку, где 25-лет не ставили современную русскую драматургию, поставили мою комедию «Халам Бунду». Успех, аншлаги! У нас в России никто ничего об этом не сообщил. Будь это пьеса братьев Дурненковых, все СМИ захлебнулись бы от восторга. Увы, у нас в стране не выгодно быть патриотом. Почему? А вот почему. Когда придет момент «Ч» и нужно будет поддержать Путина или его курс, вдруг выступит Улицкая и скажет: «Нам Путин не нужен!». И «телевизор» подхватит: «Это же сама Улицкая так думает, а у нее целых 50 спектаклей было!». Потом встрянет Поляков и бухнет: «Нет, нам нужен Путин и его курс!». «А кто такой Поляков? 300 спектаклей? А нам про это никогда не рассказывали!» Обидно, но это так... Желаящие сохранить голову, должны ею хоть иногда думать...

– То есть, сегодня титанических героев нет.

– Есть. А кто борется за Русский мир в Донбассе, разве не герои? Они есть, но их не видно. Писать, ставить, снимать о них не комильфо... Почему? Спросите Эрнста и «Фонд кино»! Нужна мода на патриотизм. Мы должны добиться такого положения дел, когда быть антипатриотом неприлично. Девушка не поцелует...

– А почему Райкин вдруг выступил. Я ничего не слышал о засилье цензуры. Что случилось?

– Старый прием: с помощью мифической борьбы за свободу, на которую никто не посягает, добиваются от государства новых дотаций и субвенций. Это же любимое занятие наших либералов. Они больше всего на свете не любят Российское государство, а больше всего обожают государственные награды и премии. Шут Хазанов стал полным кавалером Ордена за заслуги перед Отечеством раньше, чем Говорухин, Доронина, Лановой, Ширвиндт, патриарх Кирилл. Разве не смешно?

– Почему американские актеры и писатели не любят Трампа?

– Думаю, там так же, как и у нас, тоже очень влиятельна либеральная жандармерия. Это выражение из XIX века. Но как актуально!

– Вы хотели бы, чтобы в 2018 году выборы президента у нас были похожи на американские? Такие же весёлые, театральные и зубодробительные?

– Я бы хотел, чтобы они были поживее, нежели прежние. Ведь Путин, а я часто видел его в спорах, прирожденный полемист. Он прекрасно информирован, мгновенно ориентируется в самых сложных вопросах, разит аргументами. Однажды в такую лужу посадил красная Познера, что любо-дорого... Зачем же длить эту дурацкую традицию времен похмельно-заторможенного Ельцина? Президент должен участвовать в теледебатах. Конечно, если он не монарх. По совместительству...

«Последний советский писатель»

1. «Это из-за меня «Комсомолку» чуть не закрыли»

...Поводом для встречи со знаменитым писателем, главным редактором «Литературной газеты» Юрием Поляковым стал выход биографической книги о нем «Последний советский писатель» в серии «ЖЗЛ» – «Современные классики». Автор монографии – Ольга Ярикова. Том с портретом героя оказался довольно увесистым и приятно поскрипывал новеньким переплетом.

– Книга толстая, но вы не пугайтесь. – Перехватил инициативу опытный редактор. – Она такой получилась не потому, автор хотела донести, как говорится, до потомков каждый мой чих и вздох. Просто Ольга Ярикова, начав свой труд, сказала мне: «Понимаешь, Юра, вот мы начинаем писать про твою работу в комсомоле, а теперь уже многим надо объяснять, что такое был комсомол. Или твоя позиция, скажем, в начале 90-х. Если не объяснить, что произошло тогда на самом деле, то вроде чего смелого-то? Сейчас все говорят, что не надо было расстреливать «Белый дом». А тогда за то, что ты осудил этот расстрел на страницах «Комсомольской правды», газету чуть не закрыли из-за той статьи». И Ольга придумала обширные отступления, где честно рассказывала о прошлой реальности. За счет тщательной реконструкции эпохи намеченный объем увеличился почти в два раза.

– Юрий, и как ощущаете себя живым классиком? – позволили себе нахальство интервьюеры. – Изменилось что-то? Нимб не жмет?

– А где нимб? Если вас смутило название серии – «Современные классики» – так оно условное. Кто классик, определяет со временем только читатель и в лице читателя – народ. Преждевременная канонизация погубила не одного хорошего писателя. Помните, как ответил таможенник Верещагина на вопрос: «Тебя сразу убить или хочешь еще помучиться?» Он ответил: «Еще бы помучиться...» И я еще помучусь просто в качестве известного литератора.

– Мы считаем, они вас уже определили. Книжки-то расходятся огромными тиражами.

– Нет. Настоящий классик – это тот, кого продолжают читать

после смены поколений и художественных кодов. Не скрою, у меня есть шансы стать классиком, потому что мои книги читает уже третье поколение. Но я помню многих советских классиков, которые, казалось, пришли на века, а вот смены политической системы не пережили, оставшись в той великой эпохе. Что тоже немало, кстати.

– Тут и политика тоже приложила свою руку. Потому что кого-то отодвинули за счет смены политических воззрений.

– Не без этого. «Литературная газета», кстати, старается возвращать незаслуженно забытые имена. Вот вышел номер, посвященный памяти Юлии Друниной. 25 лет назад, как раз в эти дни она добровольно ушла из жизни, не вынеся того, что творили с ее страной, за которую она сражалась с фашистами. Кроме нас, никто не вспомнил о ней, а ведь она яркий классик советской поэзии...

2. «...А с Евтушенко у меня был конфликт»

– Хочется начать от печки – от Евтушенко, который вас благословил на поэзию...

– Нет, это совсем не так. Моим учителем, наставником, давшим путевку в поэзию, был Владимир Николаевич Соколов. Замечательный поэт. Они с Евтушенко одного поколения, но разного направления. Евтушенко возглавлял «громкую поэзию», Соколов был лидером «тихой поэзии». А с Евтушенко у меня как раз был любопытный конфликт.

– Даже так?

– В 1986 году, то есть 30 лет назад, в рамках фестиваля молодежи и студентов проводился на стадионе Лужники вечер поэзии. Мне, как молодому поэту и секретарю комсомольской организации, начальство поручило там выступить. Евтушенко ко мне подошел и зло говорит: «Вы не имеете права выступать!» «Почему?» «Потому что вообще стихов писать не умеете!» Я протянул ему свою книжку. Он, морщась, листал, листал: «Нет, умеете... Зачем же меня обманули?» И показывает: «Читайте вот это – «Христос ходил по водам, как по суше...» Но я прочитал «Ответ фронтовику» и единственный раз в жизни обрел оvation двадцатитысячного стадиона.

– Но вообще-то мы хотели оттолкнуться от его хрестоматийной строчки «Поэт в России – больше чем поэт».

И плавно подвести вас – к жизни, к обществу, к политике. Вы как-то сказали, что писатель ставит диагноз обществу.

– В общем, да, конечно. Но мне больше нравится формула моего учителя Владимира Соколова «Нет школ никаких – только совесть, да кем-то завещанный дар...»

– Всему обществу мы диагноз ставить не будем. Пройдемся по каким-то точкам. Вот побегали по социальным сетям, и сейчас в них очень бурно обсуждают инцидент, который произошел на передаче «Право голоса». Вы в курсе?

– Там кого-то пинками вытолкали из студии?

– Да, да. Народ там, конечно, спорит – правильно, неправильно поступил ведущий...

– Я вел не одну передачу на телевидении, на разных каналах, в том числе и в прямом эфире, и считаю: так поступать нельзя, хотя иногда трудно удержаться. Например, в передачу «Контекст» на канале «Культура» ко мне приходили такие деятели передового искусства, которых хотелось убить софитом – такой они бред несли. Но я сдерживался.

– Даже если товарищ, как говорится, нарывается??

– Даже если... Многие из приглашаемых в наш эфир зарубежных журналистов, польских, украинских, американских, немецких, просто издеваются на нами, бессовестно используя пропагандистские методики. Заметьте, они никогда не отвечают на поставленный вопрос, не спорят, а нагло вбрасывают в наше сознание заданные клише. «Крым оккупирован!» «Как? Кем? Почему?» «А потому что Россия не выполняет Минские соглашения...» В огороде бузина, а в Киеве дядька. И такие люди действительно могут вызвать ярость. Я бы просто не приглашал на ТВ тех, кто приходит в эфир не дискутировать, а гадить. Разве мало приличных зарубежных журналистов? Нет, опять зовут тех же самых. Почему? Кто знает, о чем грезит Останкинская башня, пока Спасская башня борется за мир...

3. «У меня – личный сейсмограф общественных бурь»

– У нас такое впечатление, что в обществе какая-то нервозность появилась.

– Я давно это чувствую. Кстати, у меня есть личный сейсмограф общественных бурь.

– Вы его не принесли с собой? Всю писательскую лабораторию?

– Нет, не принес, великоват. Это мои спектакли, идущие по всей стране, от Владивостока до Владикавказа. Я езжу на премьеры и обращаю внимание, что острее всего волнует зал. А зрительский смех и аплодисменты – это четкий показатель общественного настроения. Если три-четыре года назад больше реагировали на шутки про семью, про любовь-морковь, то сейчас острее отзываются на социально-политические колкости пьесы. Сатира, которая раньше вызывала просто усмешки, теперь идет под злой хохот. Взять хотя бы мою комедию «Чемоданчик». Это свидетельствует: наше общество на нерве.

– А чем вы это объясняете?

– Необъяснимостью многих действий власти. Кризис. Санкции. Жить стало труднее. Это понятно. А кто объяснит, почему у главного российского почтмейстера жалование 10 миллионов рублей в месяц, да еще премия вроде того же? Он что, лично в каждый дом письмо доставляет? В зубах! И как себя должен чувствовать обычный врач, учитель, инженер, получающий в 500 раз меньше? Негром, работающим за баланду?; Неужели кремлевские прагматики не понимают, что такой градус социальной несправедливости, унаследованный от 1990-х, может испепелить страну. Я человек, в общем-то, не бедный, но даже меня такие перекосы просто бесят. От чего вообще зависит зарплата чиновника? От исполняемой работы или от того, насколько высоко кресло с его задом оторвалось от нашей грешной земли, населенной терпеливым народом... Как мог какой-то Дод, руководитель среднего звена, получить 300 миллионов рублей премии, да еще притибрить 70 миллионов, за что его, собственно, и взяли. Это же в сто раз больше, чем компенсация семье погибшего в Сирии нашего летчика-героя! Такое тупое попрание всех человеческих и божеских законов безнаказанно для здоровья общества не проходит.

– Юрий Михайлович, с другой стороны, корреспонденты «КП» Владимир Ворсобин и Виктор Гусейнов, которые путешествуют по стране на электричках, провели такой эксперимент. Прочитав утром информацию, что арестован министр экономического развития Алексей Улюкаев, они в вагоне, в котором едет простой народ, тот самый, который обижен, громко объявили: «Граждане, вот арестован Улюкаев!» И никакой реакции.

– Знаете, 26 октября 1917 года люди, ехавшие в трамвае, тоже

не знали, что произошла революция. Наши либералы долго твердили, что в стране станет совсем хорошо, если народ не будет знать, кто у нас президент и премьер-министр. Добились своего. Но когда страшно заглянуть в свой кошелек, люди начинают вглядываться в телевизор: «А кто это у нас там рулит экономическим блоком?!» Еще не вечер...

– Юрий, а как относиться к тем писателям, которые не просто пишут и своими произведениями что-то пытаются сделать, но идут в политику, в Думу, например.

– Нормально. Меня тоже звали, но я отказался: староват. А вот Сергей Шаргунов, молодой, активный писатель, пошел в Думу. Замечательно! У него много времени впереди, и он может потратить часть жизни на работу в парламенте. Писатель – это такая же профессия, как и другие. Если в депутаты идет ученый, спортсмен, актер, то почему не может пойти писатель?

– То, что писатели не просто сами идут, а их стали активно приглашать, означает ли, что популярность литераторов и их значение в обществе повышается? Было же какое-то ощущение, что литература ушла на задний план и в обществе уже не так важна.

– Тут ситуация более сложная. В 1990-е годы писателей убрали на задний план. Либеральную контрэлиту, тогда победившую, пугало влияние писателей, чьи выступления и книги (в том числе и мои) она использовала, свергая советскую власть. Хотя я писал повесть «Сто дней до приказа», чтобы помочь армии очиститься от дедовщины. Простите за параллель, но и Куприн сочинил «Поединок» не для разложения царской армии, а совсем наоборот. Но политика даже невинность может поставить на службу пороку. «Властителей дум» объявили маргиналами, вытеснили литературу из политики и из сфер, где формируется общественное мнение. Стали насаждать идею, что литература – это вроде домашнего рукоделия, которое иногда можно и продать...

– Поднималась всякая окололитература.

– ... И недолитература. Стали говорить, что Донцова и Маринина – вот это писатели! Были Лев Толстой, Булгаков, Фадеев, а теперь – Акунин. В Думу на место писателей пришли спортсмены... В лучшем случае. Были ведь и стриптизеры, и светские львицы, и бандиты, снявшие кожаные куртки. Но, удалив настоящих мыслящих писателей, власть потеряла интеллектуальную подпитку, ибо в нашей стране литература –

испокон мощный источник новых идей. В какой-то момент, видимо, власть это почувствовала. Я вижу, как год от года Путин все больше внимания уделяет тем соображениям, которые высказывает наш Совет по культуре. По нашим выступлениям принимаются конкретные решения, чего в 90-е годы не было и в помине. Вот только писатели продолжают числиться по ведомству Министерства связи. А ведь Президент давно обещал вернуть нас в Минкульт. Поговаривают, будто против премьер Медведев...

– Тенденция похвальная. Кстати, позвольте несколько слов в защиту Дарьи Донцовой. Пусть она и не Толстой, но у нее есть своя ниша. Речь идет о тенденциях серьезной литературы и литературы развлекательной, которая тоже потребна читателю, и дай Бог ей существовать.

– Сочинительницы коммерческой литературы, вроде Донцовой, были всегда. Та же Чарская. И я к Агриппине Аркадьевне и ее ироническим детективам отношусь с симпатией, тем более, что ее папа – Аркадий Васильев – являлся парторгом МГК в нашей Московской писательской организации, когда я был там комсоргом. Увы, имена Донцовой и Марининой стали нарицательными, когда их попытались противопоставить таким мастерам, как Распутин, Астафьев, Искандер, Битов... Дамы в этом не виноваты и пишут, как умеют...

4. «Я не занимаюсь всякой хренью»

– Юрий, в одном отрывке из новой книги попалась знаковая фраза: «Я не занимаюсь всякой хренью». Вы занимаетесь серьезными проблемами. Одну из них вы охарактеризовали как «осеннее обострение вольнолюбия». Это было в вашей статье «Вольные бюджетники и немощствующий народ», и мы хотим использовать их как затравку для разговора о взаимоотношении власти, творчества и народа, потребителя этого творчества.

– Моя статья в ЛГ – это ответ на манифест режиссера Звягинцева, опубликованный в «Коммерсанте». Выражение «немощствующий народ» – это его. Я бы себя такого не позволил.

– Напомним: кинорежиссер Андрей Звягинцев, а до него худрук московского театра «Сатирикон» Константин Райкин очень эмоционально обвинили власть в жестокой цензуре, сравнив ее даже с 37-м годом. Дурной сон госзаказа? Вы

очень резко раскритиковали их позиции.

– Есть за что. Какая цензура? Власть давно уже не вмешивается в творческий процесс. Говорю это вам как практикующий литератор. По моим сценариям, пьесам, романам снято 15 фильмов, мои комедии идут по всей стране, выходят сотысячными тиражами книги. И работаю, я, согласитесь, не в жанре детективной пасторали.

– Кстати, довольно злые у вас произведения, хоть и смешные.

– Правильнее сказать – сатирические.

– Один «Чемоданчик», пьеса, кстати, поставленная Александром Ширвиндтом в прославленном московском Театре Сатиры, чего стоит – в нем замахнулись вы даже на святая святых – Президента Российской Федерации...

– Да, комедия о том, как у президента России сперли ядерный чемоданчик. Следуя логике Райкина и тех, кто говорит о цензуре, я давно должен сидеть в тюрьме в кандалах, а спектакль исчезнуть из репертуара. Но автор сидит перед вами, а спектакль регулярно идет на аншлагах. Врать-то зачем?

– Да... Ну, и гонений каких-то особых на авторов манифеста вроде не было заметно. Тот же фильм Звягинцева «Левиафан», очень неоднозначно принятый зрителями, многие из которых прямо обвиняли автора в очернительстве России, шел в российском прокате...

– Фильм снят, кстати, на казенные деньги. Зато продюсерам, хотевшим экранизировать мои сочинения, Фонд кино без объяснений отказал. Я должен возмущаться, а не Звягинцев. Но наши либералы давно перепутали, где верх, а где низ, где перед, а где зад. И Райкин, и Звягинцев, и Калягин, и Табаков – все они абсолютные баловни власти. У нас Хазанов, разваливший театр Эстрады, получил орден за заслуги перед Отечеством 1 степени раньше Патриарха Кирилла. Ну не бред? Им всем предоставили полную свободу творчества, их театры государство прилично финансировали, даже не спрашивая о результатах... Но вот впервые за 25 лет им очень мягко сказали: «Дорогие друзья, вы живете за счет государства, за счет налогоплательщиков. Не кажется ли Вам, что все-таки театр должен отражать не только Ваши личные вкусы, но и считаться с интересами общества»» Почему в половине московских театров, в том числе академических, таких как театр имени Вахтангова, нет ни одной современной русской пьесы? Господин Туминас, Вам не

интересна наша Россия? Почему? Ах, вы из Евросоюза... И тут чуткие ноздри Райкина, поставившего единственную современную пьесу «Все оттенки голубого», уловили запах 1937 года!

– Может, такие пьесы просто не пишут?

– Нет, они пишутся, но все реже. Драматургия не может развиваться, если пьесы не ставятся. Это как писать картины на внутренней стороне чемоданных крышек. Никто их не увидит. Получается заколдованный круг: если современные русские пьесы не ставят, то их и писать перестают. Но вдруг государство озабочилось состоянием театральной культуры. И началась паника... Почему? Привыкли жить как рантье? Надо отвыкать. Театр – не родовое имение.

– С другой стороны, театр должен иметь право, так же, как и любой художник, на эксперимент. На попытки искать новые средства выражения.

– Правильно. 25 лет искали. Но тут как раз: кризис, цены на нефть упали, санкции ввели, денег стало мало... Государство очнулось: давайте все-таки как-то поэкономнее будем, хотя начинать экономить, по-моему, надо с «золотых парашютов» чиновников. Тем не менее, правильно сказал В. Мединский примерно так, выступая на ТВ: «Почему у вас, господа худруки, на 10 премьер 9 провалов? Может быть, что-то у вас неправильно в театре? Может быть, художественный руководитель просто не понимает, что интересно зрителям?» Лично я думаю, Станиславский просто застрелился бы из наследственного пистолета, если бы у него из десяти премьер девять проваливались. Да, эксперимент предполагает неудачу, и театр – своего рода лаборатория. Но лаборатория не может быть размером с Нижнетагильский металлургический комбинат. Куда горы неудавшегося железа девать будем? На металлолом? А в театре у нас именно так и происходит...

5. Фаллос на мосту: перформанс или хулиганство?

– Существует позиция, что не всегда «голосование ногами» может быть критерием художественности. А некоторые даже считают, что народ не имеет права судить, хорошо это или плохо. Потому что он ничего в творчестве и новаторстве не понимает. В пылу полемики была даже такая реплика: а кто такой вообще этот байкер Хирург, который

осмеливается выносить какие-то свои рецензии, давать оценки произведениям искусства.?

– Хирург – зритель. Если речь идет о вашем домашнем театре, тогда никаких претензий. Если бы в театре была одна только сцена, без зрительного зала, тоже вопросов нет. Обэкспериментироваться! Но театр – это зрелищное учреждение. И есть зрительный зал. Есть права художника и труппы, но есть и права зрителей. Есть права общества, которое может спросить жесткими устами того же Хирурга: вот этот спектакль, он обогащает духовно или развращает? Для некоторых постановщиков, вроде Богомолова, я бы вернул телесные наказания. Причем, бить лучше папками с бухгалтерским отчетом.

– С другой стороны, реакция зрителя тоже может оказаться за гранью приемлемого. Хорошо, если он просто ушел, может не просто прийти, а устроить дебош около сцены.

– И устраивают...

– Или облить мочой фотографии, как это произошло в галерее с известной выставкой. И это очень не понравилось обществу.

– И обливают... Но об этом «обществе с ограниченной ответственностью» надо было думать раньше, когда революционеры от искусства в 1991 году, обвязав трос вокруг шеи, срывали памятники с пьедесталов, когда выставляли свинью в галерее с надписью «Россия», когда нахваливали кощуниц, утроивших в храме чертовы пляски. Те, кто теперь рыдают, виноваты сами. Нарисовать гигантский фаллос на разводном мосту – это же круто! И вдруг появились другие: они считают, что круто – повесить чучелко Солженицына на музее ГУЛАГа. Тоже, как ни крути, перформанс. Не надо было мешок Пандоры развязывать. Конечно, с этим необходимо бороться. И надо сказать, что в отличие от перечисленных случаев, которые были в 90-е годы, по всем нынешним эпизодам заведены уголовные дела. И люди будут наказаны, как были наказаны плясавшие в храме. Но из них-то наши «передовые ценители искусств» сделали героинь. Вот вам двойной стандарт, типичный для либеральной интеллигенции.

– Возникла хулиганская мысль: а если бы эти ребята, которые пришли с пресловутой колбочкой с мочой в галерею, заявили, что их действие – перформанс, акт искусства, как

сделали это Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Какая была бы тогда реакция?

– Никакой. В том-то и дело. В книге «Последний советский писатель» есть такой эпизод. Когда я вел «Контекст», мы обсуждали как раз фаллос, нарисованный группой «Война» на питерском мосту. В студии была Ольга Свиблова и еще кто-то продвинутый. Я их спрашиваю: «Это, по-вашему, искусство?» Они в один голос: «Настоящее! Да еще напротив здания ФСБ. Вообще супер!» Тогдашний министр культуры Авдеев даже премию «Войне» отвалил, за что его, кажется, и упекли послом в Ватикан. Тогда я спрашиваю: «А если тот же самый прибор нарисовать на стене музея академика Сахарова, тоже искусство?» «Ну, что вы, – возмутились они, – это хулиганство?» «А почему?» И они поняли, что попались: «Прекратите съемку, это надо срочно перезаписать!» Я уперся: «Что сказано, то сказано!» Они побежали к начальству и добились своего...

6. «А чем Слава Малезик хуже Боба Дилана?»

– Сегодняшние возможности издания книг создают такой широкий спектр предложений в книжном магазине, что у читателей возникает необходимость искать какие-то ориентиры, чтобы не утонуть в этом море. Одним из таких важных ориентиров всегда была Нобелевская премия. И вдруг мы видим ваше высказывание: «Я к Нобелевской премии отношусь с юмором».

– А как еще? После Светланы Алексиевич, лауреата прошлого года, можно любому блогеру-русофобу «нобелевку» выдавать. Кстати, мы одновременно с ней получали премию Ленинского комсомола: я – за повесть «ЧП районного масштаба», а она за публицистику. Почему премию дали Бобу Дилану, а, скажем, не Славе Малезику? Малезик нисколько не хуже Боба Дилана... Где критерий? Бунин, Шолохов, Бродский – это я понимаю...

– Во всяком случае, Дилан проявил некую скромность, что ли, или трезвую самооценку, не сразу явился за этой премией – две недели просто молчал.

– Значит, он умный человек, и, наверное, очень удивился.

– Хотя в принципе он приличный поэт.

– Надеюсь... Хотя под гитару можно спеть даже инструкцию по разведению кроликов. Если бы Нобель узнал, кому дают сейчас его премию в области литературы и сколько там теперь политики,

он бы собрал свой динамит, запалил и рванул, как шахид, вместе с Нобелевским комитетом.

– А на что же тогда ориентироваться?

– На «Литературную газету» и вкус умных друзей.

– ... Так вам везет, у вас есть такие друзья. А у нас-то нет.

– Мне звоните! А если без шуток, то проблема, действительно, есть и серьезная. В советские времена критика носила, как ни странно, прежде всего, эстетическую направленность, и уже потом идеологическую. Оценивали: как написано – хорошо или плохо, интересно или неинтересно, отражает реальные процессы или нет, есть литературная новизна или одни перепевы... Нынче критика обслуживает премиальные фонды, издательские концерны и тусовку. Что тут могу посоветовать? Ну, читайте «Литературную газету. У нас в каждом номере около 20 рецензий на новинки. Есть даже рубрика «Литературный прозектор».

7. «Кто вы, писатель Поляков? На кого работаете?»

– Мы пытались ваш политический портрет составить. И как-то немножко растерялись. Вот вы жестко власть критикуете – а либералов, которые тоже против власти, – критикуете не меньше. Не с ними, то есть. Нестыковка какая-то.

– Видите ли, писатель по роду занятий обязан быть оппозиционером. Власть – это всегда, в общем-то, насилие. Хорошо еще, если разумное и необходимое. Кто вступится за малых мира сего? Писатель. Кто сформулирует то, чем именно недоволен, народ? Писатель. Однако оппозиция совсем не обязательно должна быть непримиримой. Вот к Ельцину я был в непримиримой оппозиции, потому что это была не власть, а напасть. С нынешней властью я состою скорее в критическом соратничестве.

– Что категорически не приемлют наши либералы, которым все революции подавай...

– Конечно, они критикуют власть, чтобы самим стать властью: «Мы создаем Кремлю проблемы за то, что сами не в Кремле мы!» Я же просто хочу, чтобы наша страна жила лучше во всех отношениях. Например, недавно спросил у президента: «А почему, например, к столетию великого русского композитора

Свиридова поставили памятник Ростроповичу? Он очень удивился. Теперь собираюсь спросить, почему памятник Плисецкой в Москве поставили раньше, чем Улановой? Странно как-то выходит...

– Кстати, а почему так получилось?

– Сведущие люди говорят: «А вы найдите денег на памятник Свиридову, и мы ему тоже поставим!» Значит, на памятники Ростроповичу и Плисецкой сбросились. Хорошо это? С одной стороны, неплохо: нашлись щедрые люди. Но с другой стороны, должна же быть какая-то внятная государственная политика по увековечиванию имен выдающихся сограждан. Если мы будем ставить памятники на коммерческой основе, то далеко зайдем. Как известно, криминал денег на мрамор для усопших братков никогда не жалел. А что у нас юбилеями выдающихся людей? Вы слышали про надвигающиеся 150-летие Горького и 200-летие Тургенева? Нет? То-то и оно. А по поводу 100-летия Солженицына, которое грянет в 2018-м, всех еще в 2014-ом на высокий старт поставили.

– У нас как-то... чем больше писатель презирает свою страну, тем почему-то его больше поднимают на щит. Вы не замечали?

– Не только замечал, но и постоянно об этом говорю. Но поймите правильно: это не значит, что писатель не может поссориться с властью, уехать из страны, ругать ее из-за границы. Может. А бывает – и должен. Но нельзя лишь это обстоятельство делать решающим при оценке места человека в отечественной культуре. Но именно так чаще и происходит....

8. «А на Украину меня не пускают за Раду Переяславскую...»

– Юрий Михайлович, вас на Украину не пускают?

– Не пускают, я в списке невыездных.

– Вы в список скопом попали или за какие-то конкретные преступления?

– Я думаю, что за позицию «Литературной газеты» прежде всего, хотя жена у меня, между прочим, украинка, и родилась в Борисполе. Мы в ЛГ о том, что происходит на Украине, стали писать гораздо раньше, чем другие наши СМИ. Еще в 2002–2003 году у нас была рубрика «Севастопольские рассказы», где мы писали о независимых безобразиях в городе русской славы. А

чтобы не подставлять наших инсайдеров, мы сфотошопили мордашку симпатичной девушки и придумали ей псевдоним – «Рада Переяславская». И вот мне звонит из посольства Украины какой-то советник: «Мы внимательно читаем колонку, Рада Переяславская, конечно, – талантливый журналист, но многое пишет неправильно. Мы хотели бы побеседовать с ней. Вы можете нам такую встречу организовать?» Я мнусь: «Это, знаете, будет примерно так же трудно, как организовать вам встречу с Козьмой Прутковым». На что он мне ответил: «Можно и с Козьмой Прутковым тоже встретиться». Мы потом опубликовали еще немало острых материалов на украинскую и крымскую темы, как говорится, по собственной инициативе, не дожидаясь, пока власть озаботится проблемой. Наверное, поэтому, когда в честь воссоединения с Крымом наградили большую группу российских журналистов, про «Литературную газету» даже не вспомнили...

Любовь МОИСЕЕВА, Александр ГАМОВ

«Комсомольская правда», 2016.

Часть III. Кафедра русского театра

Чемоданчик

Апокалиптическая комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ИВАН СЕМЕНОВИЧ СТОРОЖЕНКО – бывший колхозник

МИХАИЛ – его сын, бывший офицер охраны

СОНЯ – его жена, бывшая актриса

ФЕДОР – их сын, бывший десятиклассник

ЭДИК СУПЕРШТЕЙН – бывший худрук театра «Экскрим»

НАДЕЖДА – его жена, бывшая спортсменка

ЗАХАР ПРАВДОМАТКИН – бывший репортер газеты
«Скандалиссимо»

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – действующий

МУРЕНА ШЕПТАЛЬСКАЯ – пресс-секретарь президента

ГЕНЕРАЛ СТРОЕВ – начальник охраны президента

РОССОМОНОВЕЦ МОРСКОЙ ОФИЦЕР С ЧЕМОДАНЧИКОМ

Действие пьесы разворачивается в Москве в скором будущем, но не ранее 2018 года. Все факты, события и герои вымышлены, все совпадения не случайны.

Первый акт

Скромная типовая квартирка. Справа кухня с открытой дверью-купе и прихожая. Слева спальня. Посредине – выход на балкон. Обычная мебель. На стенах фотографии: актриса в разных ролях и рыболовы с трофеями.

Федор с дымящимся паяльником сидит над компом, к которому тянутся провода от мигающих блоков. Соня в халате ходит по квартире. В одной руке – ноутбук, в другой – тапок.

Сын и мать в наушниках, спинами друг к другу. Оба беседуют по скайпу. Голоса их собеседников не слышны.

СОНЯ (по скайпу)...Даже не знаю, подруга, что теперь и делать. Выгнали на улицу, как собаку... За что? Ни за что! (Передразнивая.) «Сонечка, пожалуйста, два эспрессо без молока, три биг-лотте с пенкой, один ирландский безалкогольный с

лимоном, а мне как обычно: тройной без кофеина с корицей и соевыми сливками...» Я в Щуке роли с листа учила. Помнишь? Но разве нормальный человек может все это запомнить? Он теперь долго будет свои соевые сливки с лысины стирать. Босс!

Она нервно ходит по комнате, выслушивая ответ подруги.

ФЕДОР (по скайпу). ...А она?.. Гонишь!.. Да ты что! Реально все в крови было? Жесть! И скорая приезжала?! ...Я тебе говорил: пяти сантиметров с нее хватило бы! А как Тамерланыч, орал?.. Да ты что? ...Гонишь! Так и сказал? Жесть! Ну, мне теперь кобздец!..

СОНЯ (по скайпу). ...Стороженко? А что с ним сделается! Всё как обычно. Собрался. Взял чемоданчик. (Зло и артистично.) «Ну, я пошел...» – «Когда вернешься?» – «Не задавай глупых вопросов!» Вернулся: «Привет! А борщ есть?» Хочется убить или наставить ему рога, как у лося... У марала рога больше? Значит, как у марала. Вера, я полная дура! Выйти замуж за парня, который жрёт по утрам борщ и не выносит табачного дыма! (Закуривает, слушает.) Одна радость в жизни осталась – сынок! Феденька! Я его тоже как-нибудь убью. Компьютером...

ФЕДОР (по скайпу). А педсовет зачем собирали?.. Гонишь!.. Исключили из школы! Меня? Жесть!.. Единогласно? Педофобы! Я труп. Отец меня убьет... Нет, у него не «макаров». И не «беретта». Какая-то многозарядная хрень специальной конструкции... Не-ет, даже поддержать не дает.

Федя смотрит на мать, встает с ноутбуком и выходит на балкон.

СОНЯ (по скайпу) ...Зачем я шла за него? Ну ты спросила, подруга! На баб морская форма действует как валерьянка на кошек. Сама знаешь! На тебя не действует? Странно! (Курит, ходит по комнате.)...Нет, Эдик так и не позвонил... Я тебя умоляю. Все режиссеры – обманщики!.. Нет, Вера, сразу, как ты, я не могу. Мне мужика надо сначала примерить...

Соня ходит по комнате и курит. С балкона возвращается Федя, натывается на мать, идет на кухню.

ФЕДОР (по скайпу, на ходу)...Ну и пусть выгоняют! Испугали ежа колючей проволокой! Уеду в Силиконовую долину. Там русские мозги нарасхват. Заработаю бабла. Куплю себе виллу, как у вас. Кстати, что там, на Канарах? Девчонки-то хоть есть?

Соня, услышав про Канары, рассеянно смотрит вслед сыну,

скрывающемуся на кухне.

СОНЯ *(по скайпу, откровеннее)*. ...О чем ты говоришь, Вера! У нас не квартира, а карцер на троих. Всё на виду. Мужа лишний раз к себе не подпустишь, боюсь ребенка разбудить. Я же девушка шумная!.. Да, вырос, все понимает... А как дети растут? Парню давно нужна отдельная комната. Нет, очередь на квартиру не движется... Значит, не выслужил мой Стороженко...Ну конечно, по телевизору тебе еще не такое скажут. Они, наверное, там *(показывает вверх)* думают, что все военные в казармах живут и дымом греются...

Курит, слушает подругу. Возвращается Федя, снова сталкивается с матерью.

СОНЯ. Не крутись под ногами!

ФЕДЯ. Отстань!

СОНЯ *(по скайпу)*. Это я не тебе!

ФЕДЯ *(по скайпу)*. Это я не тебе...Да ты что! На яхте? Вдвоем? Топлес? Круто! А ты?... Тоже топлес? Жесть! А она?... Гонишь! Слушай, как думаешь, Вилка меня теперь никогда не простит?

Мать и сын продолжают перемещаться по квартире, избегая друг друга.

СОНЯ *(по скайпу)*. ...Отвлечься? Съездить куда-нибудь? Да моему Стороженко никуда нельзя. Весь из себя такой засекреченный... В Ялту? Нет, Крым – это Канары для патриотов. Да ему и в Крым некогда. Один день свободный – сразу на рыбалку. Живу со спиннингом. Пять лет в море не купалась. А у меня была лучшая фигура на курсе! Помнишь? Когда я на пляже раздевалась... Да, у тебя тоже вроде ничего была... Что? Ты?! Офелию репетируешь?! *(Видит таракана.)* Вот сволочь! Насекомое!.. Это я не тебе! Перезвоню!

Соня гонится за тараканом, пытается убить шлепанцем.

ФЕДОР. ...Кто у нас орет? Мама... Нет, не на меня. На таракана... Не-е... родоки пока еще ничего не знают. И не узнают! У меня все под контролем... Я сам тебе позвоню. Отбой!

Федя достает пульт и нажимает кнопку, потом, подумав, нажимает еще раз – включается телевизор, картинки нет, но слышен голос диктора. Соня гоняется за тараканом.

ГОЛОС ДИКТОРА. Сегодня начинается официальный визит президента Российской Федерации в Японию. Накануне состоялась встреча лидера страны с избирателями. Твердая решимость главы государства остаться в Кремле еще на один срок вызвала неподдельную радость подавленного большинства... Извините, подавляющего большинства.

ФЕДЯ (*выключив телевизор пультиком*). При Сталине за такие оговорки расстреливали!

СОНЯ (*не догнав таракана, в отчаянье*). Кто тебе это сказал?

ФЕДЯ. Папа.

СОНЯ. Он-то откуда знает?

ФЕДЯ. От дедушки.

СОНЯ (*озираясь*). Улетел он, что ли?

ФЕДЯ (*поворачивается к матери*). Ну да... улетел... А когда вернется, сказал?

СОНЯ. Нет. Но, думаю, прямо сейчас и вернется.

ФЕДЯ. Почему так скоро?

СОНЯ. Скучно ему без людей.

ФЕДЯ. Ты о ком?

СОНЯ. А ты о ком?

ФЕДЯ. Я – о папе.

СОНЯ. А-а-а... Я о таракане. (*Ищет сигареты.*) Офелию она репетирует!

ФЕДЯ. Вызови морильщиков!

СОНЯ. Вот ты и вызови. Сделай что-нибудь для семьи! Весь в отца.

ФЕДЯ. Это плохо?

СОНЯ. Замечательно! А из Верки Офелия как из меня овечка Долли. (*Снова закуривает.*)

ФЕДЯ. Зря куришь! Он догадается.

СОНЯ. Плевать! А ты почему не в школе? Каникулы кончились.

ФЕДЯ. Продлили.

СОНЯ. С какой стати?

ФЕДЯ. У нас же в школе избирательный пункт. Урны ставят. Мам, ты за кого голосовать будешь?

СОНЯ. Без разницы. Наверное, опять за то же самое. Привыкла. Выборы президента – это как замужество: выходишь вроде за одного, а живешь потом совсем с другим.

ФЕДЯ. Ты папу совсем разлюбила?

СОНЯ. Не совсем. Что ты мне зубы-то заговариваешь? Раньше, если занятия отменяли, всегда Анна Марковна звонила. А сегодня глухо – телефоны как вымерли.

ФЕДЯ. Морковку на пенсию вытурили. У нас теперь новая

класуха. Практикантка.

СОНЯ. Как зовут?

ФЕДЯ. Вилка.

СОНЯ. Ка-ак?

ФЕДЯ. Вилена Сергеевна.

СОНЯ. Если твой отец привезет из Японии какую-нибудь фигню вроде сувенира, пойду знакомиться с Вилкой. А ты чего сидишь? Рехнешься тут со своим компом. Сходил бы куда-нибудь, девочку пригласил. *(Достает из кошелька купюру.)*

ФЕДЯ *(берет деньги)*. Не интересуюсь.

СОНЯ. Стоп! А кем ты интересуешься? В глаза смотреть!

ФЕДЯ *(наставительно)*. «Влечение к лицам своего пола, а также интимные отношения с ними являются равноправной формой сексуальной самореализации индивидуума».

СОНЯ. Где тебе сказали эту чушь?

ФЕДЯ. В школе. На уроке «Основы сексуальной толерантности».

СОНЯ. Я взорву вашу школу, а директора кастрирую!

ФЕДЯ. Ладно, не парься! У меня все нормально.

СОНЯ. Ты уверен?

ФЕДЯ. Конечно. Когда Вилка роняет у доски мел и нагибается, знаешь, как у меня сердце подскакивает!

СОНЯ. Догадываюсь. У твоего отца тоже когда-то подскакивало.

ФЕДЯ. Но я считаю, секс без любви – это скучно.

СОНЯ. А любовь без секса – еще скучнее.

ФЕДОР. Я заметил.

СОНЯ. Неудивительно в такой тесноте.

ФЕДОР. Значит, брата у меня не будет?

СОНЯ. Если хорошо окончишь школу, мы подумаем. *(Дает еще денег.)* На вот, сходишь в «Макдоналдс». Петька-то вернулся с Канаров?

ФЕДОР. Вернулся. А папаша его еще там остался со своей новой телкой.

СОНЯ. Слова выбирай! С матерью разговариваешь! С ума сойти, мужик четыре года в Думе посидел – и навсегда отдыхает, виллу себе на Канарах взял. Ну и как там у них?

ФЕДОР *(мечтательно)*. Петька сказал, все девушки топлес ходят!

СОНЯ. Врет.

ФЕДОР *(считает деньги)*. Мало!

СОНЯ. Если ты девушке нравишься, достаточно, а не нравишься – миллиона не хватит. Поэтому жениться надо по любви. Дешевле выходит.

ФЕДЯ. Мне не на девушку.

СОНЯ. А на что?

ФЕДЯ. Новую мать надо купить.

СОНЯ. А старая мать, значит, не годится?

ФЕДЯ. Не-а, прошлый век.

СОНЯ. И куда ее теперь – на помойку, мать-то?

ФЕДЯ. А куда же еще? Нет, реально, со старой материнской платой комп еле шевелится. Нужна новая!

СОНЯ. На ерунду не дам. Сиди дома!

ФЕДЯ. Ну мам! Я на радиорынок слетаю. Там дешевле.

СОНЯ. Денег нет! Понял или тупой? Я не виновата, что меня уволили, а твой отец зарабатывает как лилипут на разгрузке вагонов. Еще этот гребаный банк «Щедрость» лопнул.

ФЕДЯ. Нельзя держать деньги в банке с названием «Щедрость». Ясен пень – жулье. И не надо было боссу грубить.

СОНЯ. Я актриса, а не кофеварка! Ну почему, почему я не вышла замуж за режиссера? Имела бы роли, какие хотела!

ФЕДЯ. И тебя имели бы все, кто хотел.

СОНЯ. Не повторяй за бабушкой всякую чушь! Мал еще. Нет, вы слышали: Верка – Офелия! Обхохочешься. Но все еще можно исправить! Мне недавно один хитрый, очень известный, сказал...

ФЕДЯ. Это когда ты дома не ночевала?

СОНЯ. Я была на встрече однокурсников.

ФЕДЯ. До утра?

СОНЯ. Мы не виделись десять лет! Ты отцу ничего не говорил?

ФЕДЯ. Я больной, что ли? Он же тебя убьет!

СОНЯ. Пусть убивает, чем дальше мучиться. На вот еще – купишь себе новую мать. *(Показывает кошелек.)* Больше нет!

ФЕДЯ. Мам, реально не хватит...

СОНЯ. Убью-ю!

Вновь замечает таракана, гонится за ним.

ФЕДЯ. Бесполезно. Соседи морят – все к нам бегут.

СОНЯ *(упустив таракана, устало)*. Какой болван придумал квартиры с мусоропроводом на кухне? Видел бы ты, сынок, Веркин пентхаус! Но ей мало. Она теперь еще и Офелия!..

Она ходит по кухне, раздраженно хлопает мусороприемником в стене. Федор не слушает мать, он, озираясь, вынимает из кармана мигающий пульт, нажимает кнопку, затем набирает номер телефона.

ФЕДЯ (*тихо, в трубку*). Алло, Петь, это опять я. Ну как там у вас?.. Что? Тамерланыч к нам дозвониться не может? И не дозвонится. Отец в Японию летит, а дома я глушак включил...Да, мое ноу-хау. Тишина. Полная! Продам Пентагону – озолочусь! Если добавишь мне на новую мать, могу еще один глушак слепить. И у тебя будет как в бункере. Смотримся на радиорынок?... Океюшки!

Возвращается Соня. Федя снова нажимает на кнопку пульта.

СОНЯ. Был бы мужчина в доме – давно бы вытравил.

ФЕДЯ. У папы другая профессия.

СОНЯ. Профессия мужчины – быть мужчиной. Остальное – хобби...

Звонок в дверь.

СОНЯ. Кто это еще?

ФЕДЯ. Может, папа вернулся?

СОНЯ. Он только что улетел.

ФЕДЯ. Забыл, наверное, что-нибудь.

СОНЯ. Ага, свой пистолет. Открой! Переоденусь. Вдруг олигарх дверью ошибся.

Она уходит в спальню, а Федя идет отпирать дверь. Появляется Эдик в желтом халате, на плече у него большой баллон с длинным распылителем.

ЭДИК. Здравствуйте! Служба «Добромор». Вызывали?

ФЕДЯ (*громко*). Мама, мы «Добромор» вызывали?

СОНЯ (*из спальни*). Отец, наверное, вызвал. Наконец-то!

ЭДИК (*вздрыгнув от голоса Сони*). Я вам звонил, чтобы детей и домашних животных из квартиры удалили. Но у вас что-то с телефоном.

СОНЯ (*из комнаты*). А у нас всегда всё не как у людей.

ЭДИК (*испуганно, порываясь уйти*). Это кто?

ФЕДЯ. Мама. А что?

ЭДИК. Ничего. Померещилось.

СОНЯ (*из комнаты*). Сынок, покажи Добромору нашу Тьмутаракань!

ФЕДЯ (*тащит Эдика на кухню*). Из мусоропровода лезут.

ЭДИК (*рассматривает мусоропровод*). Антиквариат! Времен Очакова и покоренья Крыма.

Выходит Соня в красивом платье.

СОНЯ. И что там у нас?

ЭДИК. Кошмар! *(В испуге надевает респиратор, заглядывает в мусоропровод)*. Типичный...

СОНЯ. А бывают нетипичные кошмары?

ЭДИК *(искусственным басом)*. О да! В одной квартире держали тараканьи бега. Тропические экземпляры с тапок величиной. Расползлись по всему дому, народ жутко испугался...

СОНЯ. А вы?

ЭДИК. Я? Нет, конечно. Это моя работа.

СОНЯ *(присматриваясь к гостю)*. Вот как? Интересная у вас работа...

Эдик рассматривает мусороприемник.

ЭДИК. Ого, тут целый инсектарий!

СОНЯ. Чем богаты – тем и рады.

ЭДИК. А вот и оотеки. Много!

СОНЯ. Что там?

ЭДИК. Тараканьи яйца. Вам лучше на время уйти из квартиры. Вредно.

СОНЯ. Федя, ты куда-то собирался?

ФЕДЯ. Я хочу посмотреть, как тараканов травят.

СОНЯ. Ничего интересного. Пшик, и все. Как случайный поцелуй. Правда?

ЭДИК *(смуценно)*. Ну, не совсем пшик. Полная деинсекция наступит через пять дней. А насчет поцелуя вы точно заметили. Яд передается половым путем. Фактически тараканы умирают от любви. Нанотехнологии...

СОНЯ. Фантастика! Рассказывайте, рассказывайте!

Подталкивает сына к двери.

ФЕДЯ *(тихо)*. Мама, ну зачем ты с ним кокетничаешь?

СОНЯ. Чтобы не потерять форму. Исчезни! Радиорынок закроется.

ФЕДЯ. Мне все равно на новую плату не хватит.

СОНЯ. Денег нет.

ФЕДЯ. Ты у тети Веры ночевала, да?

СОНЯ *(достает купюру из-за бюстгальтера)*. На, вымогатель, на! Только уйди!

Федор уходит. Оставшись одни, Соня и Эдик неловко молчат.

СОНЯ. Убиенные тараканы по ночам не снятся?

ЭДИК. Что? А-а-а... Нет... Почему вы спросили?

СОНЯ. Просто так. Из любопытства. Вы работайте, работайте!

Эдик настраивает аппаратуру. Соня наблюдает.

СОНЯ. Значит, тараканы убивают друг друга по любви?

ЭДИК. Оригинальная методика.

СОНЯ. Очень! Целовал, обещал перезвонить, а сам лапки вверх...

ЭДИК. Кто обещал перезвонить, таракан?

СОНЯ. Ты, скотина, обещал перезвонить, а исчез на месяц!

ЭДИК. Вы ошибаетесь, э-э-э...

СОНЯ. Эдик, перестань вещать как удушенный и сними респиратор, конспиратор!

Эдик снимает маску, вздыхает, садится.

ЭДИК. Когда ты меня узнала?

СОНЯ. Сразу. У тебя же по актерскому мастерству двойка была. Потому и пошел в режиссеры.

ЭДИК. Ложь! Мне стало тесно в лицедействе. Что такое талант актера? Так, емкая глупость. А режиссер – демиург, творец, бог! Он может всё!

СОНЯ. А позвонить он может? Я как дура сидела, ждала, мужа к себе не подпускала, чтобы не остыть. Какого черта! Ты сбежал, а мне всю ночь пришлось жрать водку с Веркой. *(Передразнивает.)* «Ах, у нас в МХТ, ах, у нас в МХТ!» Корова... заслуженная. Знаю, за что ей звание дали! Офелия!

ЭДИК. Да, она деревянная. Не то что ты. Ну прости, Сонечка!

СОНЯ. Ладно, сама виновата. Попалась, как первокурсница. *(Передразнивая.)* «Мы ставим “Гамлета”. Я возьму тебя в мой театр “Экстрим”! Клянусь Мейерхольдом!»

ЭДИК. «Эксрим».

СОНЯ. Повелась! В восемнадцать лет оно еще понятно. К тебе подходит пузан в дымчатых очках: «Деточка, я ставлю “Алые паруса”. Мне нужна Ассоль!» И ты таешь, как эскимо. Потом выясняется: ничего он не ставит, а ты ему нужна, чтобы нахлобучить на свой озабоченный вагиноискатель. Но клюнуть на это в тридцать... два...

ЭДИК. погоди, Сонечка, мы же ровесники.

СОНЯ. Женщина всегда моложе своих лет. Это наш

гендерный бонус. Куда ты исчез?

ЭДИК. У жены обострение. Врачи, консилиумы, лекарства... Ты знаешь, сколько стоят лекарства?

СОНЯ. Знаю. Но позвонить-то можно было?

ЭДИК. Я звонил, у вас что-то с телефоном.

СОНЯ. Допустим, но есть и другие способы.

ЭДИК. Я не мог отойти от жены. Она так мучилась!

СОНЯ. Отмучилась?

ЭДИК. Да. Уехала в санаторий.

СОНЯ. А ты сразу ко мне!

ЭДИК. О да!

СОНЯ. Освежить слежавшийся половой инстинкт?

ЭДИК. Ну прости, я скучал, я о тебе думал, я так хочу, чтобы ты сыграла в моем спектакле!

СОНЯ. Допустим. Тогда зачем этот маскарад?

ЭДИК. Конспирация. А если твой муж дома? Ты говорила, он у тебя ревнивый.

СОНЯ. Как пьяный Отелло.

ЭДИК. Он у тебя, кажется, военный?

СОНЯ. Еще какой!

ЭДИК (*смотрит на фотографии*). Здоровый мужик!

СОНЯ. Знаешь, что он сказал мне в первую брачную ночь?

ЭДИК (*подступая*). У него было время говорить?

СОНЯ. погоди! Сказал, что всех, кто был у меня до него, он убил мысленно, а всех, кто будет после, убьет из табельного оружия.

ЭДИК. Он не вернется?

СОНЯ. Нет, улетел в Японию.

ЭДИК (*хихикая*). Не с президентом?

СОНЯ. А что, президент в Японии?

ЭДИК. Все утро по ящику бубнят.

СОНЯ. Я не смотрю: сериалы – для дебилов, новости – для кретинов.

ЭДИК. Увы, Соня, демократия – это театр для людей с ограниченными умственными способностями. Ну, иди ко мне... в театр! (*Хочет обнять.*)

СОНЯ (*уклоняясь*). Допустим, не врешь. А «добромором» зачем вырядился? Мог бы интеллигентно: почтальоном, разносчиком пиццы, сантехником...

ЭДИК. Это костюм для моего нового спектакля.

СОНЯ. Врешь!

ЭДИК. Клянусь Мейерхольдом!

СОНЯ. В «Гамлете» есть могильщики, но морильщиков там нет.

ЭДИК. Не было. До меня. А теперь будут, потому что и Клавдий, и Гертруда, и Полоний, и Горацио, и Лаэрт, и Гильденбрандт, и Розенкранц, и даже Офелия – все они на-се-ко-мы-е. Но разные. В зависимости от характера. Вот, например, призрак отца Гамлета – жук-рогач...

СОНЯ. А Офелия?

ЭДИК. Трудный вопрос. Еще не решил. Возможно, моль.

СОНЯ. Моль? Помнишь, как на этюдах я изображала стрекозу?

АРНОДЬД. Я помню все!

СОНЯ. А Гамлет кто?

ЭДИК. Мировая сенсация. Он – «добромор». Уморит всех!

СОНЯ. В каком смысле?

ЭДИК. В прямом. Разве не гениально! Разве такое было?

СОНЯ. Такого – нет еще...

ЭДИК. Гамлет бродит по сцене в халате, респираторе, с ядовитым баллоном и медлит, медлит с местью... *(Эдик ходит по сцене, показывая.)* «Быть или не быть!» Потом всех травит, в конце – себя...

Эдик хватается за баллон и открывает газ.

СОНЯ. А зрителей тоже?

Отбирает у него агрегат и выключает газ.

ЭДИК. При чем тут зрители? Зрители нужны, чтобы вешалка в театре не пустовала и вчерашние бутерброды в буфете не залеживались.

СОНЯ *(вздыхнув)*. Ладно. Я буду тебе хорошей Офелией.

ЭДИК. Знаешь, не все так просто...

СОНЯ. Что! Ты уже кому-то пообещал мою роль?

Направляет на него распылитель.

ЭДИК. Нет, но очень много желающих. Чулпан телефон обрвала.

СОНЯ. Раздевайся!

ЭДИК. Зачем?

СОНЯ. А то я не знаю, как роли достаются.

ЭДИК. Ну хорошо... Может, завтра где-нибудь... в отеле...

СОНЯ. Порядочные замужние женщины по отелям не шляются. Здесь и сейчас. А завтра заключаем контракт.

ЭДИК. Здесь? А если кто-нибудь придет?

СОНЯ. Кто? Федька на рынок через всю Москву едет. Муж летит в Японию.

ЭДИК. Он дипломат?

СОНЯ. Ага, атташе по физкультуре. Портфель за начальством носит.

ЭДИК. Ну, если так... Я готов!

Обнимает Соню, пытается поцеловать. Она уклоняется.

СОНЯ. Сначала в душ.

ЭДИК. А где у вас душ?

СОНЯ. Там же, где и унитаз. Извини, живем скромно.

ЭДИК (*загораясь*). Не в этом счастье, Соня!

СОНЯ. Помнишь, у Вознесенского: «Моя душа – совмещенный санузел»?

ЭДИК. Конечно, помню! «Ты говорила шепотом: “А что потом, а что потом?”»

Эдик скрывается в ванной.

СОНЯ (*вздыхнув*). Только ради искусства!

ЭДИК (*выглядывая из ванной*). Тут всего два полотенца.

СОНЯ. Воспользуйся большим – оно Мишино.

ЭДИК. А удобно ли?

СОНЯ. Ну мной же ты собираешься воспользоваться.

ЭДИК. Всенепременно!

СОНЯ. Я горю!

ЭДИК (*закрывая дверь*). Я моюсь.

Слышен шелест воды в ванной. Соня задумчиво бродит по квартире, вдруг оживляется, снимает платье, набрасывает на себя простыню, делает из искусственных цветов венок, надевает его на голову и напевает:

День Валентинов проклят будь!

Нет у мужчин стыда.

Сначала девушку сгребут,

А после как всегда:

– Ты мне жениться обещал,

Меня лишая чести!

– Клянусь, я слово бы сдержал.

Но мы уж спали вместе...

Она увлекается и не замечает, как входит Михаил в форме подводника, капитана третьего ранга. В руках у него черный кейс. Некоторое время он с иронией наблюдает за женой. Она замечает

мужа и хватается за сердце.

СОНЯ. Фу, черт... Стороженко!

МИХАИЛ. Здесь!

СОНЯ. Как призрак отца...

МИХАИЛ. Моего?

СОНЯ. Скажешь тоже! Гамлета...

МИХАИЛ. Испугалась?

СОНЯ. Ты же в Японии?

МИХАИЛ. Отменили.

СОНЯ. Почему?

МИХАИЛ. Скоро узнаешь. А чем это пахнет? Курила?

СОНЯ. Тараканов морили.

МИХАИЛ. Смотри-ка, быстро прислали. А борщ есть?

Садится, ставит чемодан на журнальный столик. Соня незаметно ногами заталкивает под тахту одежду Эдика.

СОНЯ. Не успела... Я думала... У тебя что – новый чемоданчик? А где старый?

МИХАИЛ. Там, где меня нет.

СОНЯ. Потерял? Мой подарок?

МИХАИЛ. Оставил на память начальству.

СОНЯ. Ну и зря.

МИХАИЛ. Разговоры в строю! Сама-то зачем вырядилась чуточком?

СОНЯ. Я? Репетировала... Мне роль предложили.

МИХАИЛ. Кто?

СОНЯ. Один. Знакомый. Режиссер.

МИХАИЛ. Говорил мне батя: не женись на актерке!

СОНЯ. Ну и не женился бы.

МИХАИЛ. Где он?

СОНЯ *(вздрыгнув)*. Кто?

МИХАИЛ. Хрен в пальто.

СОНЯ *(упавшим голосом)*. Откуда ты знаешь?

МИХАИЛ. Позвонили добрые люди. Где спрятала? Убью!

СОНЯ *(закрыв лицо руками)*. Он... он в душе...

МИХАИЛ. Грехи смывает?

СОНЯ. Ничего еще не было.

МИХАИЛ. Не было? Было! Не репетировать надо *(срывает с нее венок)*, а сына воспитывать.

СОНЯ. Ты о чем?

МИХАИЛ. Федьку из школы выперли.

СОНЯ. Ты-то откуда знаешь?

МИХАИЛ. От верблюда. Тамерланых позвонил. У тебя все время занято. По телефону репетируешь?

СОНЯ. За что выгнали?

МИХАИЛ. Он новую классную руководительницу...

СОНЯ. Вилку?

МИХАИЛ. Вот именно. Ну что за поколение! Мы были не такие. Ну, могли кнопку на стул подложить. Канцелярскую. Как комарик укусит. А эти дикари! Саморез. Десять сантиметров! Как она теперь рожать будет?

СОНЯ. Какой ужас! Но почему? Федя... добрый мальчик...

МИХАИЛ. Втюрился он в нее.

СОНЯ. Ты-то откуда знаешь?

МИХАИЛ. Общаться надо с сыном, а не со знакомыми режиссерами. Я ему говорил: рано, сынок, терпи, наращивай потенциал, ты еще встретишь свою женщину. Не выдержал, сбросил ей в «личку», мол, люблю и так далее... Ну, она его при всем классе и высмеяла...

СОНЯ. Это же непедагогично!

МИХАИЛ. Ясен пень. Молодая, необученная. Дура. А другие в пединститут не идут. Федька психанул и отомстил... саморезом. Она – к директору.

СОНЯ *(в ужасе)*. К Чингизу Тамерлановичу?

МИХАИЛ. К нему. Вызвал он нашего уroda и раскатал. А Федька взял образец лица этой Вилки и прифотошопил к ней продолжение с порносайта.

СОНЯ. Это конец!

МИХАИЛ. Нет, еще не конец. Потом Федька обрушил в школе интернет. Ткнешь кнопку – выскакивает эта Вилка во всех кучерявых подробностях. Я посмотрел. Заводит! Талантливый у нас все-таки сын. Вымоется – прибью. *(Бьет в дверь ванной.)* Выходи, хуже будет! Боится. Меня батя за такие штуки оглоблей лупцевал.

СОНЯ *(в сторону)*. Жалко – не убил.

Подходит к жене, обнаруживает под простыней голое тело.

МИХАИЛ. Ого! Не ждала, значит? Пошли. Мне надо стресс снять.

СОНЯ. Давай не сегодня.

МИХАИЛ. У тебя всегда то голова болит, то текущий ремонт.

СОНЯ *(спохватывается, обнимая мужа)*. Ну хорошо, иди – раздевайся! Я что-нибудь придумаю.

Михаил уходит в спальню. Она бросается к двери ванной.

СОНЯ. Эдик!

ЭДИК (*выглядывая с опаской*). Кто это?

СОНЯ. Муж!

ЭДИК. Кошмар!

СОНЯ. У тебя три минуты, чтобы исчезнуть.

ЭДИК. Почему так мало?

СОНЯ. Не лезь в мою семейную жизнь!

Михаил выходит из спальни. Он снял китель, оставшись в брюках и майке.

МИХАИЛ. Шушукаетесь!

СОНЯ (*отпрянув от двери*). Нет... я... хотела...

МИХАИЛ. Вот, на твоих потачках террорист вырос.

СОНЯ. Иди, иди... Я сейчас...

МИХАИЛ. Не могу. Трясет. Надо сначала пожрать.

СОНЯ. Хлеб кончился...

МИХАИЛ. Бардак! Ни борща, ни хлеба...

СОНЯ (*С надеждой*). Может, в магазин сбегашь?

МИХАИЛ. Обойдусь. Давай что есть!

Соня хлопочет. Михаил включает телевизор. Экран остается темным.

МИХАИЛ. А что с ящиком?

СОНЯ. Федька хотел 3D сделать.

МИХАИЛ. Из этой рухляди? Хотя... наш Кулибин может. В прадеда Василия пошел. Тот всей деревне ходики чинил. Генетика!

Бьет по ящичку кулаком, экран остается темным, но слышен голос диктора.

ГОЛОС ДИКТОРА. Визит президента России в Японию внезапно отложен. Пресс-секретарь главы государства Мурена Шептальская объяснила причину: в одном из московских родовых в рамках предвыборной кампании ждут появления на свет 150-миллионного россиянина. (*Звук прерывается.*) Новый президент США Ястребиный Коготь в Овальном зале Белого Вигвама обсудил с вождями углубляющийся кризис экономики... (*Звук прерывается*) Во Франции протестующие фермеры повалили Эйфелеву башню... (*Звук совсем пропадает.*)

МИХАИЛ. Ага, запрыгали!

СОНЯ. Кто прыгнул?

МИХАИЛ. Кто надо. А Шептальская – голова. Ловко вывернулась. Надо выпить. Такое событие – 150-миллионный соотечественник наружу лезет.

СОНЯ. Кончилась.

МИХАИЛ. Как это?! Соль, спички, хлеб и водка должны быть в доме всегда.

СОНЯ. А ты забыл, сколько выхлебал, когда банк «Щедрость» лопнул!

МИХАИЛ. Ну, выпил. Не каждый день теряешь все, что нажил. Купила бы!

СОНЯ. Закрутилась.

МИХАИЛ. Хозяйка из тебя как из бюстгальтера португя.

СОНЯ (с сарказмом). Сбегаешь или обойдешься?

МИХАИЛ. Сбегаю. (Подходит к двери ванной.) Смотри женилку не смыль, влюбленный пингвин! Вернусь – выпорю.

Михаил набрасывает на себя плащ с капюшоном, закрывающим лицо.

СОНЯ. На улице дождь?

МИХАИЛ. Гроза.

Уходит. Соня бросается к двери ванной.

СОНЯ. Эдик, скорее, у тебя пять минут. Магазин в соседнем подъезде.

Возвращается муж, попутно спотыкается о баллон.

МИХАИЛ. Ч-черт!

Соня отскакивает от двери.

СОНЯ. Забыл что-нибудь?

МИХАИЛ. Забыл. А что это там за фигня?

СОНЯ. Ах, баллон! Я же говорила: тараканов морили. Вечером заберут.

Михаил достает из тумбочки кобуру, проверяет пистолет, кладет в карман, берет чемоданчик.

МИХАИЛ. Выйдет – не бей! Меня дождись.

Михаил уходит. Соня стучит в дверь ванной.

СОНЯ. Скорее! Скорее!

Эдик осторожно выглядывает. На голове у него прозрачная душевая шапочка, вокруг бедер повязано полотенце.

ЭДИК. Боже, как в плохом водевиле!

СОНЯ. В водевилях не убивают. А у Миши табельный пистолет.

ЭДИК. Господи, за что? И ты так спокойно об этом говоришь!

СОНЯ. Поживешь пятнадцать лет со спецназовцем и успокоишься.

ЭДИК. Где моя одежда?

СОНЯ. Вот!

Соня достает из-под дивана скомканную одежду.

ЭДИК. Как я пойду в этом по улице?

СОНЯ. Ты лучше думай, как живым до улицы дойти. Дуй вверх по лестнице! Там оденешься. Потом, когда он вернется, спустишься...

Грохот в прихожей.

ЭДИК. Что это?

СОНЯ. Вернулся! Лезь под тахту...

Эдик безуспешно пытается залезть под тахту.

ЭДИК. Тут узко.

СОНЯ. Выдохни и представь, что ты камбала.

ЭДИК. Как это?

СОНЯ. По Станиславскому.

Эдик заползает под тахту. Вбегает Михаил, безумно озирается, хватается кресло и тащит в прихожую.

СОНЯ. Что ты делаешь?

МИХАИЛ. Баррикадируюсь. Помогай!

СОНЯ. Зачем?

МИХАИЛ. Они оцепили дом.

СОНЯ (*несет в прихожую стул*). Кто? Почему?

МИХАИЛ (*таская мебель в прихожую*). Потом объясню. Бери

Федьку и медленно выходи из подъезда с поднятыми руками.

СОНЯ. Почему с поднятыми?

МИХАИЛ. Иначе пристрелят. Где он?

СОНЯ. Одевается.

ГОЛОС ПО МЕГАФОНУ. Внимание! Дом оцеплен, на крышах снайперы. Сопротивление бесполезно. Выходить по одному с поднятыми руками.

СОНЯ. Что это, Господи?!

МИХАИЛ. Я тебе говорил – гроза... *(Пытается сдвинуть тахту.)* Подсоби!

СОНЯ. Не надо! Развалится. *(Не дает двигать тахту.)*

МИХАИЛ. Плевать!

Вдруг сам собой оживает телевизор: на экране появляется генерал Строев.

СТРОЕВ. Майор!

МИХАИЛ. Капитан третьего ранга Стороженко, товарищ генерал!

СТРОЕВ. Майор, ты понимаешь последствия своего проступка?

МИХАИЛ. Так точно!

СТРОЕВ. Если президент узнает про твою выходку с кнопкой, тебе конец!

СОНЯ *(в ужасе)*. Миша, ты подложил президенту кнопку?

МИХАИЛ. Скорее – свинью.

СТРОЕВ. Немедленно сдай оружие и казенное имущество! Тогда я смогу что-то для тебя сделать.

МИХАИЛ. Например?

СТРОЕВ. Похлопочу, чтобы выделили отдельную камеру.

МИХАИЛ. Я согласен.

СТРОЕВ. Ну и отлично!

МИХАИЛ. Трехкомнатная отдельная камера. На юго-западе.

СТРОЕВ. Майор, ты о чем?

МИХАИЛ. О моей квартире, которую ты, генерал, отдал своему племяннику.

СТРОЕВ. Пожалеешь!

МИХАИЛ. Не пугай!

СТРОЕВ. У тебя десять минут на размышление.

МИХАИЛ. А у тебя – пять. Кнопку не отдам! Привет начальству!

Телевизор гаснет. Слышен голос из мегафона.

ГОЛОС ПО МЕГАФОНУ. Готовность номер один! В случае сопротивления – огонь на поражение!

СОНЯ. Какая кнопка? Стороженко, что ты натворил?

МИХАИЛ. Тебе лучше не знать.

СОНЯ. А про какую квартиру вы говорили?

МИХАИЛ. Про ту, которую мы должны были получить в прошлом году.

СОНЯ. Но ты же сказал, очередь не движется.

МИХАИЛ. Движется. Да не туда. Ну я и накатал рапорт. Куда следует.

СОНЯ. Ты дурак, что ли?

МИХАИЛ *(вздыхнув)*. Верно батя говорил: начальству о бардаке докладывать – как свинье на грязь жаловаться. Рапорт замылили, меня сначала с очередным званием прокатили, а потом на медосмотре аритмию нашли. В последний раз сегодня дежурил. Но они меня еще вспомнят! Я их сам комиссию. Помогай!

Резко сдвигает тахту. Там лежит, прикрыв голову руками, Эдик.

МИХАИЛ. Это кто?

СОНЯ. Где?

МИХАИЛ. На полу.

СОНЯ. А-а... Я же сказала, тараканов морили...

МИХАИЛ. Не похож.

СОНЯ. Всякие бывают.

МИХАИЛ. А почему под тахтой?

СОНЯ. У них там гнездо, видимо.

МИХАИЛ. Возможно. А почему голый?

СОНЯ. Мылся, наверное.

МИХАИЛ. Выясним. Встать!

Эдик встает, придерживая полотенце на бедрах.

МИХАИЛ. Значит, в душе был он, а не Федька!

СОНЯ. Ну да...

МИХАИЛ. Почему врала?

СОНЯ. Я не врала. Ты сам так решил.

МИХАИЛ. Почему не возражала?

СОНЯ. Когда ты психуешь, спорить с тобой бессмысленно.

МИХАИЛ. Допустим. Где сын?

СОНЯ. На радиорынок уехал.

МИХАИЛ. Почему утаила?

СОНЯ. Ты рта не давал мне открыть: то стресс сними, то водки налей, потом мебель стал двигать...

МИХАИЛ. Разберемся. (*Эдику.*) Зачем мылся?

ЭДИК. Работа у нас вредная. После дезинсекции необходимо принять душ.

МИХАИЛ. Правдоподобно. Как вариант. Под диван зачем полез?

ЭДИК. Таракан туда забежал.

МИХАИЛ. Не уверен. Звать как?

ЭДИК. Таракана?

МИХАИЛ. Тебя.

ЭДИК. Эдуард.

МИХАИЛ. Допустим. А ты почему не доложила, что у нас гость?

СОНЯ. Я про него и забыла. Думала, ушел...

МИХАИЛ. Забыла и голая по квартире разгуливала...

СОНЯ. Говорю же, репетировала.

МИХАИЛ. Голой?

СОНЯ. Ну конечно. Офелия когда жила? В средневековье.

ЭДИК. В темные века.

МИХАИЛ. Заткнись! В темных веках ты теперь жить будешь.

СОНЯ. Нет, правда: белья тогда не было. Одежду на голое тело носили...

МИХАИЛ. Экономно.

СОНЯ. Вот я и вживалась в образ. Так у Станиславского написано.

МИХАИЛ. А у него не написано, что не все, кто по форме одевается, бараны вроде Розенстерна и Гильденкранца?

ЭДИК. Розенкранца и Гильденстерна.

МИХАИЛ. Из какого ты театра?

ЭДИК. Я не из театра.

МИХАИЛ. Значит, из кино. В групповой кастинг баб заманиваешь?

ЭДИК. Я из «Добромора». Уничтожение бытовых насекомых.

МИХАИЛ. Врешь!

СОНЯ. Ладно, Эдуард, скажи ему правду.

ЭДИК. Я не вру!

МИХАИЛ. Никогда?

ЭДИК (*после паузы*). Никогда.

МИХАИЛ. Проверим. Месяц назад, в среду, где был?

ЭДИК (*высчитывает*). На работе. Травили в загородном доме. Хозяин – экстремал, завез либерийских тараканов. А они пищат, как мыши. Жуть!

МИХАИЛ. Да, наши тараканы молчаливые. Как народ. А

потом?

ЭДИК. Не помню.

МИХАИЛ. Вспоминай!

Достает пистолет, осматривает оружие, снимает с предохранителя.

ЭДИК. Ах, ну да... Потом я поехал на встречу выпускников.

МИХАИЛ. А оттуда?

ЭДИК. К однокурснице.

МИХАИЛ. Имя?

ЭДИК. Вера Караханова. Заслуженная артистка. Лауреатка «Золотой маски».

МИХАИЛ. Знаем. Пробы ставить негде. Странно, что не народная. Теперь еще и сводница. А вы, Софья Борисовна, где были в среду?

СОНЯ. Не помню. А ты где был?

МИХАИЛ. Летал с президентом в Мадрид.

ЭДИК. Какая у вас работа интересная!

МИХАИЛ. Ничего интересного. Машина. Самолет. Машина. Самолет. Ни выпить, ни закусить. Спим вдвоем в одной комнате по очереди. Стережем. Командировочные выдают как гномам. Так и хочется дать объявление: «Продается офицер охраны президента. Недорого. Возможны скидки...»

ЭДИК. Почему же не даете?

МИХАИЛ. Тебе, тараканья душа, не понять русского офицера!

СОНЯ. Он бедный и гордый.

МИХАИЛ. Заткнись!

СОНЯ. Жене надеть нечего!

МИХАИЛ. Ага, нечего надеть и некуда вешать. Не вилай! Где была в среду?

СОНЯ (с вызовом). Дома была. Борщ варила.

МИХАИЛ. Не ври! Ты дома не ночевала. Где шлялась, Офелия?

СОНЯ. Ночевала. Как всегда, одна. Можешь спросить у Феди.

МИХАИЛ. Спрашивал. Тоже врет. Тебя выгораживает, предатель!

СОНЯ. Почему ты не веришь собственному сыну?!

МИХАИЛ. Нет у меня сына. Лгун и террорист! Запомни: наша квартира под круглосуточным наблюдением.

СОНЯ. С чего это вдруг?

МИХАИЛ. Не вдруг, а давно. Служба у меня такая. Я шефу собственной безопасности проставился, он и сбросил мне всю информацию про тебя.

СОНЯ. Ну задержалась. И какая уж у тебя такая служба?

МИХАИЛ. При кнопке. Где задержалась?

СОНЯ. При какой кнопке?

МИХАИЛ. Где ночевала, шлюха?

СОНЯ. У подруги. При какой кнопке? Ты же за президентом портфель носил?

МИХАИЛ. Носил...

Михаил берет в руки кейс, набирает шифр, откидывает крышку: внутри какие-то лампочки, клавиши и большая красная кнопка посередине.

СОНЯ. Боже, что это?

МИХАИЛ. Ядерный чемоданчик. Мы его кнопкой зовем.

ЭДИК *(в сторону)*. Ну я и попал!

СОНЯ. Миша, ты спер ядерный чемоданчик. Зачем?

МИХАИЛ. На память.

СОНЯ. Тебя расстреляют.

МИХАИЛ. У нас нет смертной казни.

СОНЯ. Тогда посадят. Надолго.

МИХАИЛ. За что? У нас люди полстраны растащили, а сидят не в тюрьме – в правительстве.

СОНЯ. Вот когда будешь сидеть в правительстве, тогда и воруй. А сейчас – отдай им чемоданчик!

МИХАИЛ. Не отдам.

СОНЯ. Тебе конец...

МИХАИЛ. Это тебе конец! *(Наставляет на нее пистолет.)* У какой подруги ночевала?

СОНЯ. У Верки Карахановой.

МИХАИЛ. Ну вот и сошлось.

ЭДИК. Ничего не было. Ничего! Я рано уехал. К жене. У меня больная жена. Мы просто поболтали как однокурсники, клянусь Мейерхольдом!

МИХАИЛ. Мейерхольдом? Значит, было. Решили продолжить на дому, с удобством!

ЭДИК *(обводя рукой)*. Ну, какие тут у вас удобства!

МИХАИЛ *(сурово)*. Заткнись! Родину не за комфорт любят.

ЭДИК *(робея)*. Это просто глупое совпадение. Я работаю в «Доброморе». Мне выписали путевку. Сейчас покажу. Она где-то в кармане. Прихожу, а тут Соня... Софья Борисовна... живет... разговорились... об искусстве. Я ставлю «Гамлета».

МИХАИЛ. В «Доброморе»? Сам-то веришь в то, что врешь? Соня, помнишь, что я тебе сказал в день свадьбы?

СОНЯ. Помню...

ЭДИК. Михаил, нельзя заикливаться на половом дискурсе, ревность – это заболевание.

МИХАИЛ. Будем лечиться. К стене! *(Передергивает пистолет.)* С кого начнем?

ЭДИК. Начните, если можно, с себя.

МИХАИЛ. Остроумный! Еврей, наверное?

ЭДИК. Так заметно?

МИХАИЛ. А ты думал, мы слепые? Сменил фамилию – и никто не видит. Как, кстати, фамилия?

ЭДИК *(с гордостью)*. Суперштейн!

МИХАИЛ. Совсем обнаглели. Даже фамилию сменить поленился.

ЭДИК. Соня, ты не говорила, что твой муж – антисемит.

СОНЯ. Никакой он не антисемит. Просто у него неприятности по службе. Миша, кончай сейчас же!

МИХАИЛ. Если настаиваешь... *(Эдику.)* Ну, Суперштейн, как умрешь, стоя или на коленях?

ЭДИК. Стоя!

СОНЯ. Не делай этого! Посадят.

МИХАИЛ. Так и так посадят.

Режиссер встает, придерживая полотенце. Муж приставляет пистолет к его лбу. Эдик в испуге закрывает лицо руками – полотенце падает...

ЭДИК. Ой!

Михаил некоторое время внимательно рассматривает режиссера.

МИХАИЛ. Ну и чем он лучше меня? Станные вы, бабы...

СОНЯ. Пошляк!

ЭДИК. А я так хотел поставить «Гамлета».

МИХАИЛ. Поставишь. На том свете много хороших актеров.

Включается телевизор. На экране снова появляется генерал Строев.

СТРОЕВ. Отставить!

МИХАИЛ. Здесь команду я.

СТРОЕВ. Ну ладно, Миша, подумай, и хватит. Твой вопросик решается. Сын маршала Штырко опять жениться раздумал. Освободилась отличная трехкомнатная квартира как раз на юго-западе. Можешь въезжать хоть завтра.

МИХАИЛ. Мне квартиру обставлять не на что. Банк «Щедрость» лопнул.

СТРОЕВ. Поможем.

МИХАИЛ. Когда?

СТРОЕВ. Через недельку. Надо деньги из офшоров вывести. Ну, по рукам!

СОНЯ. Господи, Миша, соглашайся!

МИХАИЛ. Заткнитесь, шалава!

СТРОЕВ. Майор, будь проще! Плановая измена укрепляет брак, случайная – освежает.

МИХАИЛ. Нет. Не годится. Меня все равно посадят, а она с этим клоуном в новой квартире будет кувыркаться.

СТРОЕВ. Не бойся, я поговорю кое с кем в Верховном суде, они квалифицируют кражу чемоданчика как рядовое хищение обычного государственного имущества, а за это у нас много не дают. Года два. Может, и штрафом отделаешься.

МИХАИЛ. Смотри, какой добрый стал! Поздно. Разговор окончен.

СТРОЕВ. Со мной не хочешь говорить – с родным отцом побеседуй!

МИХАИЛ. С каким еще отцом? Он под Костромой... в деревне...

СТРОЕВ. Истребители летают быстро. В окно посмотри!

Все поворачиваются к балкону. Сверху опускается строительная люлька, в ней стоит бородач – внешность сельскохозяйственная. Телевизор гаснет.

МИХАИЛ (удивленно). Батя, ты!

ОТЕЦ. А кто ж еще. Москва-то как расстроилась! Я тут у вас, считай, годков двадцать не был. Поезда дорожущие. Была дорога железная, а стала золотая. И до райцентра не доберешься. Раньше катер по Волге-матушке ходил, теперь только круизы буржуев прохлаждают. Поют, пляшут на палубе. Тьфу! Сидишь на берегу и ждешь, когда «Аврора» поплывет.

МИХАИЛ. Никогда. Как мама?

ОТЕЦ. Слегла твоя мама. Болеет.

МИХАИЛ. Что с ней?

ОТЕЦ. Обиделась.

МИХАИЛ. На кого?

ОТЕЦ. На власть.

ЭДИК. У нас этим полстраны болеет.

МИХАИЛ. Заткнись!

ОТЕЦ. Это кто? Сонькин хахаль? Я тебе говорил, дубина.

МИХАИЛ. Не хахаль... тараканов пришел морить.

ОТЕЦ. А почему голый?

МИХАИЛ. По инструкции. Что с матерью?

ОТЕЦ. Я же тебе писал, что к нам из области газовую трубу тащат?

МИХАИЛ. Писал.

ОТЕЦ. Мы всей деревней последнее на радостях пропили. А трубу мимо протащили.

МИХАИЛ. Как мимо?

ОТЕЦ. Неперспективная мы деревня. Школу закрыли, медпункт закрыли, клуб закрыли, даже магазин закрыли. А это уж, сынок, последнее дело. От самогона у меня изжога. Газ, сказали, в Европе нужнее. Там люди, а здесь народ. Потерпит. Не впервой.

МИХАИЛ. Вот гады!

ОТЕЦ. Звезды с Кремля поотшибать за такое безобразие! Коммунисты газу не давали, это понятно, с империализмом боролись, сэкономили, братские страны отапливали. А эти с кем борются? С народом! Эх, Сталина на них нет! Нам бы в президенты кого-нибудь с усами! Ты там при начальстве трешь, замолви словечко – без газу нам нельзя.

МИХАИЛ. Терся. Ты хоть знаешь, батя, зачем тебя в Москву примчали?

ОТЕЦ. Сказали, ты важную казенную вещь прибрал.

МИХАИЛ. Верно.

ОТЕЦ. Молоток! Не все-то им нас обирать. Я когда за электричество плачу – плачу. Плачу и плачу. Дорогая вещица-то?

МИХАИЛ. Бесценная.

ОТЕЦ. Покажь!

Михаил берет в руки кейс, показывает отцу.

ОТЕЦ. Миллион.

МИХАИЛ. Почему миллион?

ОТЕЦ. У америкашек в кино в таких чемоданчиках деньги носят. Придут, на стол хлопнут и говорят: «Миллион».

МИХАИЛ. Нет, отец, подымай выше!

ОТЕЦ. Неужели акциями взял?

МИХАИЛ. Нет, папа, это – ядерный чемоданчик.

ОТЕЦ. Ну как же, слышал. Важная штука!

МИХАИЛ. Еще какая! *(Открывает.)* Если эту красную кнопку нажать – будет ядерная война. Всем конец!

ОТЕЦ. И америкашкам?

МИХАИЛ. Им в первую голову.

ОТЕЦ. Уже легче.

ЭДИК (*жалобно*). Но ведь нам тоже конец.

ОТЕЦ. Ничего. Мы нация соборная.

СОНЯ (*в голос*). Иван Семенович, и вы тоже рехнулись?
Скажите ему!

ОТЕЦ. Заткнись! Верещать будешь под мужем. (*Михайлу.*) Эх, сынок, сынок, ну как же ты так!

МИХАИЛ. Папа, я не хотел, я рапорт подал, а они...
Психанул...

ОТЕЦ. Ты сколько за президентом эту котомку таскаешь?

МИХАИЛ. Семь лет.

ИВАН. Эх ты! Семь лет уже могли бы как люди жить. Себе что просишь?

МИХАИЛ. Квартиру предлагают. Три комнаты.

ОТЕЦ. Бери четыре. Мы с матерью гостить будем. И какую-нибудь хибарку в Испании требуй. Там рынок недвижимости как раз просел.

СОНЯ. Лучше на Канарах.

МИХАИЛ. Заткнись! (*Отцу.*) Смотрю, ты подкованный стал!

ОТЕЦ. А что в нашей глуши еще делать: зайцев стрелять, рыбу ловить да телевизор смотреть. Сумку вернешь, когда они нам газ пустят. (*Кивает на Эдика.*) А этого таракана не убивай – возьми заложником. Так в кино всегда делают...

ЭДИК. Спасибо, дедушка!

СОНЯ. Сколько же нам здесь сидеть, пока к вам газ проведут?

ОТЕЦ. А тебе скучно дома-то, погулять захотела, мокрехвостка? Потерпишь! Нагонят таджиков. Мигом трубу споровят.

На экране появляется взбешенный генерал Строев.

СТРОЕВ. Хватит, убирайте деда! Старый хрен...

ОТЕЦ. Не отдавай сумку, Мишка! Однова живем!

Люлька с отцом уплывает вверх.

МИХАИЛ. Слышал, генерал?! Чтобы завтра у отца был газ.

СТРОЕВ. Ну ты сказал! Это же надо Газпром просить.

МИХАИЛ. Попросишь.

СТРОЕВ. Они сразу президенту отзовонят. Страна на ручном управлении.

МИХАИЛ. Подумаешь, трубу в деревеньку кинуть. Не заметят.

СТРОЕВ. Президент все замечает. Начнет выяснять, что да как. Разнохает про кнопку.

МИХАИЛ. А разве еще не хватились?

СТРОЕВ. Слава богу, нет. Твой напарник дубликат таскает. Но когда узнают, мало никому не покажется. Такое начнется!

МИХАИЛ. Что начнется? Ну, снимут с тебя, генерал, погоны. Давно пора.

СТРОЕВ. Майор, с огнем шутишь, последний раз советую: верни кнопку!

МИХАИЛ. Ладно, уговорил. Значит, так: четырехкомнатную.

СОНЯ. Двухуровневую.

МИХАИЛ. Подземный гараж.

СОНЯ. На две машины.

МИХАИЛ. Иномарки. Лучше – мерсы.

СТРОЕВ. Ладно. По рукам.

СОНЯ. А Канары?

СТРОЕВ. Подберем. Выноси чемодан на балкон, поставь и отойди...

МИХАИЛ *(направляется к балкону)*. Мои гарантии?

СТРОЕВ. Честное генеральское.

МИХАИЛ. Понятно. *(Останавливается.)* Выйду – и пулю в лоб! Нет, я ученый! *(Возвращается.)*

СТРОЕВ. Погоди! Чего ты хочешь?

МИХАИЛ. Справедливости.

СТРОЕВ. Где я тебе ее возьму? Государство чем справедливее, тем слабее. А у нас геополитических врагов – как у вас тараканов. Верни чемодан! Мы же договорились.

МИХАИЛ. Я тебе не верю. Договариваться буду только с президентом!

СТРОЕВ. Спятил? Софья Борисовна, вы умная женщина. Объясните ему!

СОНЯ. Соглашайся, Стороженко! Другого случая не будет.

МИХАИЛ. Заткнись! Ты мне не жена, ты мне теперь чужая! Мужика в дом привела. Верно батя говорил...

СОНЯ. Ах так, ну теперь я тебе все скажу! Думаешь, забыла, как ты ездил к бате своему крышу чинить, а сам продавщицу сельпо... покрыл!

МИХАИЛ. Брехня!

СОНЯ. Вся деревня знала. Без спецнаблюдения.

МИХАИЛ. Мужчина – другое дело.

СОНЯ *(руки в боки)*. Это почему же? Мы живем в демократической стране. Захочу и бабу в дом приведу.

МИХАИЛ. Что-о?! Прибыю!

СОНЯ. «Влечение к лицам своего пола, а также интимные отношения с ними есть равноправная форма сексуальной самореализации индивидуума». Вот!

МИХАИЛ. Сука! Гори она огнем, эта ваша демократия!

Бьет ее по лицу, открывает чемодан, хочет нажать кнопку.

СТРОЕВ. Что ты делаешь?

МИХАИЛ. Развожусь.

СТРОЕВ. Держите его! Он всех погубит!

СОНЯ. Стой! *(Виснет на руке у мужа.)*

ЭДИК. Не дам! *(Виснет на другой руке.)*

МИХАИЛ *(стряхивая Эдика)*. Пусти!

ЭДИК. Здоровый! Я его сейчас газом!

СТРОЕВ *(кричит)*. План «Валькирия!» Скорее!

Звучит «Полет валькирий». Соня борется с мужем. Эдик, придерживая полотенце, хватая баллон, надевает маску, пускает газ. Все тонет в тумане. Шум, крик, кашель. Видно, как опускается люлька со спецназовцем, одетым для штурма: бронежилет, шлем, в руках – снайперская винтовка с лазерным прицелом. Красный луч шарит по задымленной комнате, перебегая с одного дерущегося на другого.

СОНЯ *(заметив луч)*. Ой, что это?

МИХАИЛ. Снайпер.

ЭДИК. Ну наконец-то!

Красный луч упирается в лоб Михаилу, он кладет на пол чемоданчик, сверху – пистолет и поднимает руки. Луч перебирается на лоб к Соне, и она тоже поднимает руки. Наконец красная точка добирается до Эдика, он в испуге скидывает руки. Полотенце вновь падает. Красный луч упирается в его пах, задерживается там, перемещается на лицо, закрытое респиратором.

ЭДИК. Чего он хочет? Я же поднял руки.

МИХАИЛ. Он хочет видеть твоё лицо!

Эдик сдергивает маску. Пауза. Затем – вопль женского отчаянья.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. А-а-а-а! Суперштейн, ты покойник!

Второй акт

Та же квартира. Михаил, Соня и Эдик стоят на коленях. Спецназовец снял шлем с забралом, распустил волосы и оказался... женщиной. Это – Надя.

НАДЯ (мужу). Эдуард, это ты?

ЭДИК. Нет, не я.

НАДЯ. Не ври! Как ты попал в эту квартиру?

ЭДИК. Я?

НАДЯ. Ну не я же!

ЭДИК. А почему у тебя ружье? Ты же в санатории...

НАДЯ. Еще раз спрашиваю: что ты здесь делаешь?

ЭДИК. Работаю. А ты что здесь делаешь?

НАДЯ. Работаю. Почему именно в этой квартире?

ЭДИК. А ты?

НАДЯ (*приставив дуло к его лбу*). Я первая спросила.

ЭДИК. У него пистолет. У тебя – ружье. Я с ума сойду. Чем тебе не нравится эта квартира?

НАДЯ. Потом объясню. Отвечай!

ЭДИК. Мне наряд в «Доброморе» сюда выписали.

СОНЯ. Какой еще наряд? Значит, ты... на самом деле тараканов травишь?!

НАДЯ (*показывает на Соню*). Кто эта женщина, почему она тебе тыкает?

ЭДИК. Наденька, она просто хозяйка тараканов, то есть квартиры...

МИХАИЛ. Это – моя жена. Была. А ты-то кто?

НАДЯ (*показывает винтовкой на Эдика*). Я его жена.

ЭДИК. Просто какая-то комедия ошибок!

СОНЯ. Трагедия ошибок.

НАДЯ (*Михаилу, показывая на Соню*). Она у тебя кто?

МИХАИЛ. На актрису училась.

НАДЯ. А мой вроде как на режиссера...

МИХАИЛ. Сочувствую.

ЭДИК. Что значит – вроде как?

НАДЯ. Заткнись и оденься. Стыдоба. Что люди подумают!

Эдик торопливо одевается в мятый халат.

МИХАИЛ. Да, люди могут подумать всякое. Сама-то откуда?

НАДЯ. Спецотряд «Россомон».

МИХАИЛ. Снайпер?

НАДЯ. Снайпер.

ЭДИК. Надя, что ты говоришь? Ты же тренер в школе юных биатлонистов.

НАДЯ. Ага, прокормишь тебя на зарплату тренера. *(Михайлу.)*
Подрабатываю.

МИХАИЛ. Постреливаешь?

НАДЯ. Постреливаю...

СОНЯ. Лучше бы шила.

НАДЯ *(Соне)*. Заткнись! *(Михайлу.)* А ты чего за своей женой не смотришь?

МИХАИЛ. Виноват, товарищ...

НАДЯ. Лейтенант.

ЭДИК. Бред какой-то!

МИХАИЛ *(протягивая руку)*. Капитан третьего ранга
Стороженко. Охрана президента.

НАДЯ. Врешь! *(Отталкивает его руку стволом винтовки.)*

МИХАИЛ. Смотри!

*Он достает из кармана удостоверение, раскрывает,
показывает издали.*

НАДЯ. Стой, где стоишь!

Она вскидывает винтовку и, глядя в окуляр, читает.

НАДЯ. «Капитан третьего ранга Стороженко Михаил Иванович. Воинская часть...» Верно! А мне дали вводную, что тут база наркоторговцев.

МИХАИЛ. И какую задачу поставили?

НАДЯ. Зачистить, а чемоданчик с героином забрать.

ЭДИК. Как зачистить?

НАДЯ. Как... как ты тараканов.

ЭДИК. Но мы же не тараканы!

СОНЯ. Ты уверен?

МИХАИЛ. Кто приказал?

НАДЯ. Генерал Строев.

МИХАИЛ. Так и знал. Сволочь! *(Жене.)* А ты, дура: «Канары!»
Канарейка!

Загорается экран, на котором возникает генерал Строев.

СТРОЕВ. Да, приказал. И почему сразу – сволочь? Сами виноваты. А ты, лейтенант, в чем дело? Надо было стрелять прямо из люльки? Я дал четкие инструкции.

НАДЯ. В квартире задымление. Боялась снять не того...

СТРОЕВ. Ты плохо слышишь, лейтенант? Я же сказал: в случае трудностей с идентификацией нейтрализовать всех

находящихся в помещении.

НАДЯ. И этих?

СТРОЕВ. Всех.

ЭДИК. И меня?

СТРОЕВ. Всех.

ЭДИК. Но я ее муж.

НАДЯ. Я с тобой развожусь.

СТРОЕВ. Правильно, «вдова» звучит лучше, чем «разведенная». Работайте!

МИХАИЛ. А шума не боитесь?

СТРОЕВ. Нет. Винтовка с новейшим глушителем. Стреляет – как шепчет.

МИХАИЛ. Я про другое. Расстрел семьи офицера охраны президента. Шум в прессе. Журналистские расследования...

СТРОЕВ. Майор, что за кадетская наивность? Пресса – как дрессированная собака: приносит в зубах только то, что ей бросили. Ну, взорвется в квартире газ. Бывает. Лейтенант, после зачистки чемоданчик отдадите мне. Работайте!

НАДЯ (*показывает на мужа*). А с ним-то что делать?

СТРОЕВ. На ваше усмотрение.

Отключается. Все молча глядят на потемневший экран.

НАДЯ (*толкая мужа винтовкой*). Догулялся?

ЭДИК. Надюша, я буду верен тебе, как пес!

НАДЯ. Как кобель... Я же предупреждала: поймаю – убью!

МИХАИЛ. И ты тоже?

ЭДИК. Наденька, клянусь, я морил здесь тараканов. Я тебя люблю!

НАДЯ (*Мужу*). Голым травил?

СОНЯ. Это я предложила Эдуарду Семеновичу после работы воспользоваться нашим душем.

МИХАИЛ. И моим полотенцем?

НАДЯ. Вы им верите?

МИХАИЛ. Что я, контуженый!

СОНЯ. Ну почему вы такие недоверчивые? Он мне совершенно не нравится. У него... зубов не хватает!

НАДЯ (*мужу*). Не стыдно? Уже и посторонние замечают. Говорила: сходи к дантисту! (*Соне*.) А вас никто не заставлял к чужому мужу в рот заглядывать.

ЭДИК. Наденька, это очень дорого! У них пломбы, наверное, из платины. А эти страшные бормашины! Зачем меня бурить? Разве я нефтяная скважина? Еще подсовывают договор.

НАДЯ. Сейчас везде договоры. И я подписала, когда сюда

шла. Иначе бухгалтерия не пропустит.

ЭДИК. Ты почитай этот договор. Они не несут никакой ответственности, даже если я умру в кресле от болевого шока.

МИХАИЛ. Врачи и власть у нас никогда ни в чем не виноваты. (Наде.) Как ты живешь с этим занудой?

НАДЯ (мечтательно). Раньше он таким не был. Мы познакомились, когда я еще на лыжах бегала. Парни в команде хорошие, но скучные. Поговорить не о чем. Ну я в тренера и влюбилась... женатого.

СОНЯ. Самые лучшие мужики, наверное, рождаются женатыми.

МИХАИЛ. Не перебивай! Человек жизнь рассказывает.

НАДЯ. Я с тренировки возвращалась. Он подошел: «Вы Маргарита!» Я говорю: «Меня Надей зовут». А Эдик: «Не спорьте! Я ставлю Булгакова. У меня гениальный замысел: у Мастера будет семь Маргарит!»

МИХАИЛ. Гарем, что ли?

ЭДИК. Почему сразу гарем? Это метафора неисчерпаемости эроса, символ мятущегося мужского начала, когда одну женщину можно, словно луч света, разложить на семь цветов, как радугу...

МИХАИЛ. Вот и раскладывал бы лучи, а не чужих жен.

НАДЯ. ...Эдик предложил мне стать одной из Маргарит.

СОНЯ. Как обычно. Неужели согласилась?

НАДЯ. А вы бы отказались? Но спектакль он так и не поставил. Вообще-то меня тренер замуж звал, обещал развестись, но я не хотела разрушать семью. Сама без отца выросла. А Эдик так красиво про театр рассказывал! Сначала все хорошо было. Я выиграла чемпионат Европы, но сломала ногу и перешла на тренерскую. Эдик нашел спонсора и открыл в подвале театр «Экскрим».

СОНЯ. Значит, не врал про театр?

ЭДИК. Я не вру никогда. Без необходимости.

НАДЯ. Но зрители к нам мало ходили...

СОНЯ. Почему?

НАДЯ. Ну, как сказать... Не всем нравится, когда со сцены матерятся.

ЭДИК. Не матерятся, а используют экспрессивную лексику.

МИХАИЛ. Минуточку, значит, если ты в трамвае материшься, тебя повяжут, а если со сцены...

ЭДИК. Конечно! Ведь в трамвае вы ругаетесь из хулиганских побуждений, а со сцены из художественных.

НАДЯ. Потом вышел закон... ну, в общем, запретили со сцены ругаться. И наш театр закрылся.

МИХАИЛ. Ну, ставил бы дальше чего-нибудь без мата.

ЭДИК. Я не работаю в условиях вербальной неволи!

СОНЯ. Значит, все-таки врал! А как ты в «Доброморе» оказался?

ЭДИК. Изучаю бездны бытия.

НАДЯ. Не ври! Это тренер организовал «Добромор». У него жена – химичка. Я попросила за Эдика. Не отказал. Все-таки мой первый мужчина.

ЭДИК. Наденька, не впутывай меня в свой половой анамнез! Мне будет тяжело с этим жить.

МИХАИЛ. Она сейчас тебе дырку в башке сделает – сразу полегчает. (Наде.) А ты-то сама в «Россомон» как попала?

НАДЯ. Набирали снайперов из биатлонистов для горячих точек. Решила заработать. Эдик у меня хорошо кушает. Да и ребеночек наконец-то наметился. Вот я перед декретом и поехала в командировку. Выследили, поймали, надругались, а пристрелить не успели, наши отбили. Потом четыре операции. Детей у меня не будет. Никогда. А из «Россомона» меня комиссовали.

МИХАИЛ. И тебя комиссовали? Вот суки!

ЭДИК. Боже, Надя, почему ты скрывала? Я думал, ты на сборы едишь.

НАДЯ. Зачем тебе-то знать? Вы, режиссеры, такие впечатлительные, нервные. (Михашлу.) У вас есть дети?

МИХАИЛ. Лучше бы не было.

НАДЯ. Не гневите бога! Я бы за ребенка все отдала... за мальчика, блондина с голубыми глазами.

ЭДИК. От меня? Блондина? Мечтательница ты моя! Прости, Наденька, прости...

МИХАИЛ. Погоди, лейтенант, что-то тут не так. Если тебя из «Россомона» комиссовали, как ты здесь-то оказалась?

НАДЯ. Сама удивляюсь. Позвонил генерал Строев, сказал, есть одноразовое задание – зачистить наркодилеров. Обещал хорошо заплатить. Я согласилась. Эдик в «Доброморе» едва держится. Тренер говорит, таких работников самих травить дустом надо.

МИХАИЛ. Странно. Почему он именно тебе предложил?

НАДЯ. Не знаю.

МИХАИЛ. Я, кажется, понял. Ты зачистишь нас, а они – тебя.

НАДЯ. Нет!

СОНЯ. Похоже на правду.

МИХАИЛ. В списках не значишься. От тебя легче избавиться. Концы в воду!

ЭДИК. Я всегда знал, что мы живем в антинародном государстве.

НАДЯ. Ну почему, почему?! Я честно выполняла приказы, пострадала. А теперь от меня хотят избавиться. За что?

СОНЯ. У каждого насекомого свой «Добромор».

НАДЯ. Человек – не насекомое.

Надя отшвыривает винтовку, садится, закрывает лицо и плачет.

МИХАИЛ. Я тоже раньше так думал. Хочешь отомстить?

НАДЯ. Хочу. Сволочи!

МИХАИЛ. Нет проблемы. *(Открывает чемоданчик.)* Прошу!

НАДЯ. Что это?

МИХАИЛ. Нажимай, не бойся! Это ядерный чемоданчик.

Надя с ужасом осматривает чемоданчик.

НАДЯ. Тот самый? А говорили, наркотики, героин...

МИХАИЛ. Это гораздо лучше. Можно стать Богом. На миг. Он создал мир, а ты уничтожишь. Подумай, лейтенант!

ЭДИК *(Соне)*. У твоего мужа оригинальное мышление, почти режиссерское.

СОНЯ. Да? Я как-то раньше не замечала.

НАДЯ. Откуда у вас чемоданчик?

МИХАИЛ. Таскал за президентом. А потом себе забрал.

НАДЯ. Тоже хочешь отомстить?

МИХАИЛ. Да! Присоединяйся! Вместе веселее...

ЭДИК. А мне можно примкнуть?

МИХАИЛ. Кому мстить будешь?

ЭДИК. Человечеству и тренеру.

МИХАИЛ. Попробуй, если ты и в самом деле Супер-штейн!

ЭДИК. Да, да, да! Я ненавижу мир, который не понимает, что в театре можно абсолютно всё, что лучший спектакль – это пустая сцена, не оскверненная пошлой декорацией, что только уничтожая искусство, мы возрождаем его для новых смыслов, что, сквернословя, мы очищаем душу от мерзости животного низа, что, богохульствуя, мы приобщаемся к трепету чистой веры!

МИХАИЛ. Непонятно, но убедительно.

ЭДИК. Куда нажимать?

МИХАИЛ. Сюда.

СОНЯ. Стой! Ты что делаешь! А как же Федя? Он никогда не вырастет, не выучится, не выберет профессию, не влюбится, не женится, не родит детей...

МИХАИЛ *(ерничая)*. Не выстроит дом, не посадит дерево. Я выстроил. И что? Зато Федю не вышвырнут с работы, не ограбит

банк «Щедрость», его сын не воткнет саморез в задницу учительнице и не предаст отца. И он, Федя, придя домой, не обнаружит свою жену с голым матершинником...

СОНЯ. Наверное, ты прав. У Феди никогда не будет дочери, и она не променяет искусство на семейную поденщину и парное одиночество. Я с вами!

Открывается крышка мусоропровода, и вылезает человек в джинсовом костюме, бронежилете и каске с надписью «Пресса». Это – Правдоматкин. Он слушает спор, достает и включает диктофон, затем извлекает из рюкзака фотокамеру.

МИХАИЛ. Ну, кто нажмет?

ЭДИК. Одному страшно. Давайте вместе!

МИХАИЛ. Правильно. Мы, русские, соборный народ!

ЭДИК. Мы, евреи, тоже!

НАДЯ. Жалко...

МИХАИЛ. Чего тебе жалко, лейтенант?

НАДЯ. Цветов. Они такие красивые. Особенно – ромашки.

СОНЯ. Эдик, для снайпера твоя жена слишком поэтична.

ЭДИК. Да? Я как-то не замечал раньше.

МИХАИЛ. Что, цветочница, передумала?

НАДЯ *(после колебаний)*. Нет! Я с вами!

МИХАИЛ. Жмем все разом на счет «четыре».

ЭДИК. Почему четыре?

МИХАИЛ. Ну, нас же четверо. Раз!

НАДЯ. Два!

ЭДИК. Т... т... три...

Все смотрят на Соню, которая медлит.

МИХАИЛ. Ну!

СОНЯ. Не могу... Снова о Феде вспомнила.

НАДЯ. Я тоже передумала.

МИХАИЛ. Из-за ромашек?

НАДЯ. Мы лучше усыновим кого-нибудь.

ЭДИК. Я тоже не хочу. Жизнь не так уж и плоха.

Когда выходишь на поклон, а зал похож на луг, покрытый ночной росой...

СОНЯ. Почему росой?

ЭДИК. Это блестят слезы зрителей. Нет!

МИХАИЛ. Трусые! Интеллигенция болотная! Беру командование на себя. Раз, два, три, четы...

Тянется к кнопке. Незамеченный журналист ищет ракурс для съемки.

ПРАВДОМАТКИН. Одну минуточку!

Все четверо оглядываются, с удивлением рассматривают журналиста.

МИХАИЛ. Ты откуда?

ПРАВДОМАТКИН. Из мусоропровода. (Показывает на мусоропровод.)

СОНЯ. Тараканов там много?

ПРАВДОМАТКИН. Жуть!

СОНЯ. Я так и знала.

МИХАИЛ. Отставить! Человек по мусоропроводу не пролезет.

ПРАВДОМАТКИН. Человек не пролезет, а журналист везде пролезет.

МИХАИЛ. Ах, ты журналист? Как звать?

ПРАВДОМАТКИН. Захар Правдоматкин.

ЭДИК. Врет! Таких фамилий не бывает.

МИХАИЛ. Разберемся. Тебя Строев заслал?

ПРАВДОМАТКИН. Какой еще Строев? А-а-а, тот генерал, что полигон под дачи продал? Я про него писал. На самом деле меня зовут Женя Пузилов, но с такой фамилией в журналистике нельзя. Правдоматкин – псевдоним.

ЭДИК. Мне тоже твердили: «Эдик, возьми псевдоним!» Но я был и останусь Суперштейном до конца!

МИХАИЛ. Недолго осталось.

СОНЯ. А из какого вы издания?

ПРАВДОМАТКИН. Из еженедельника «Скандалиссимо»!

СОНЯ. Омерзительная газетка! Это вы писали, что Алла Пугачева хочет изменить пол?

ПРАВДОМАТКИН (гордо). Да. По просьбе Галкина.

НАДЯ. Но это же вранье!

ПРАВДОМАТКИН. Конечно. У нас тираж упал – вот и придумали.

СОНЯ. Вон из моего дома, пакостник!

ПРАВДОМАТКИН. Но я там уже не работаю.

ЭДИК. Почему?

ПРАВДОМАТКИН. Меня выгнали.

МИХАИЛ. И тебя. За что?

ПРАВДОМАТКИН. Главный редактор считает, что я перестал ловить мышей.

СОНЯ. В каком смысле?

ПРАВДОМАТКИН. Журналист должен носить в редакцию скандалы, как кот – мышей. Обещали: добудешь хороший скандал, возьмем назад. И вдруг такая удача – настоящая заваруха!

МИХАИЛ. Как ты узнал, что здесь заваруха?

ПРАВДОМАТКИН. Я мимо вашего дома хожу лечиться.

СОНЯ. В поликлинику?

ПРАВДОМАТКИН. С ума сошли! У врачей нельзя лечиться – все дипломы куплены. Я писал об этом.

НАДЯ. Как же вы лечитесь?

ПРАВДОМАТКИН. Народная медицина. Тоску от сволочной нашей жизни хорошо снимает водка, похмелье от водки облегчает портвейн, сушнячок от портвейна лучше промочить пивом, ну а от пива лечатся, понятно, – водкой.

ЭДИК. Интересная методика. Надо запомнить.

НАДЯ. Я тебе запомню!

ПРАВДОМАТКИН. Но вчера, кажется, была паленая водка. Чуть не умер. Мне бы грамм сто пятьдесят – вочеловечиться!

МИХАИЛ. Пусто. Жена не обеспечила. Я и сам перед Армагеддоном выпил бы. А у тебя-то нет? Ты же в магазин шел.

ПРАВДОМАТКИН. Не дошел. Вижу, у вашего дома народ, «Россомон», МЧС. А где маски-шоу, там точно скандал. Спросил. Сказали: бандиты в доме засели.

МИХАИЛ (*тревожно озирается*). Так, по местам... Лейтенант, держи!

Он проверяет свой пистолет и бросает Наде винтовку. Она ловко ловит.

НАДЯ. В чем дело?

МИХАИЛ. Сейчас этим же путем и твой «Россомон» полезет. Целься в шею, между шлемом и броником.

НАДЯ. Не дрейфь: у нас все мужики крупные – через мусорку не проползут.

ПРАВДОМАТКИН. Точно! Пробовали – не проходят. Один задохся. Пока его откачивали, я и прошмыгнул.

СОНЯ. Ловкий!

ПРАВДОМАТКИН. Профессия такая. Чуть-чуть развернитесь, пожалуйста!

НАДЯ. Это зачем еще?

ПРАВДОМАТКИН. Для снимка. И шире чемоданчик откройте!

Журналист расставляет всех вокруг чемоданчика.

ЭДИК. Коллега, я, как режиссер, советую вам поработать с лицами.

ПРАВДОМАТКИН. Зачем?

ЭДИК. Для экспрессии. Вообразите, у одного выражение угрюмой отваги. *(Указывает на Михаила.)* У другой теплится робкая надежда на посмертное счастье. *(На Соню.)* У третьей – сожаление о гибели подлого, но прекрасного мира. *(На Надю.)* Лютики и так далее.

НАДЯ. Ромашки! Ты принес мне на первое свидание ромашки. Забыл?

ЭДИК. Помню, помню...

МИХАИЛ. А у тебя самого что будет на роже написано?

ЭДИК. Я погибну, как Гамлет, с тихой улыбкой мести.

ПРАВДОМАТКИН. Ерунда! В самом начале у вас были очень хорошие лица. Такие глупые-глупые...

ЭДИК. Ну и чего же хорошего?

ПРАВДОМАТКИН. Читателю интересно только то, что глупее его самого. Встали. Последний снимочек. Это будет бомба!

МИХАИЛ. Атомная!

ПРАВДОМАТКИН. Почему – атомная?

МИХАИЛ. Потому что это – ядерный чемоданчик.

ПРАВДОМАТКИН. А сказали, в доме засели бандиты, которые ограбили банк.

МИХАИЛ. Бандиты засели в банках. Здесь ограбленные. Видишь, кнопка! Нажмешь – всему человечеству кирдык...

ПРАВДОМАТКИН *(падает на колени)*. Боже, спасибо, услышал! Репортаж из логова ядерных террористов! Вся редакция... журналисты всего мира сдохнут от зависти!

МИХАИЛ. Это я тебе обещаю.

СОНЯ. Читатели, между прочим, тоже сдохнут.

ПРАВДОМАТКИН. Да и черт с ними! Не для них пишем.

НАДЯ. А для кого?

ПРАВДОМАТКИН. Для вечности.

ЭДИК. И вы для вечности?

МИХАИЛ. Если для вечности – тогда в самый раз. Жми! Сдохнем все вдруг.

ПРАВДОМАТКИН. Минуточку, а почему все вдруг? Вы же это не всерьез? Сколько денег запросим? Сто миллионов? По двадцатке на нос.

МИХАИЛ. Будем просить, чтобы газ в деревню к бате провели.

ПРАВДОМАТКИН. Шутите?

МИХАИЛ. Нет, всерьез.

ПРАВДОМАТКИН. Вы это понарошку... вы не нажмете кнопку?

МИХАИЛ. Нажму.

ПРАВДОМАТКИН. Мама! Не делайте этого!

МИХАИЛ. Почему? Ты же пишешь в газетенках, что мы живем на помойке, что наш мир смердит, как труп. Пусть летит к черту! На руинах, кто уцелеет, выстроит что-нибудь поприличнее... Готовы?

ВСЕ. Не надо!

МИХАИЛ. Надо!

Михаил нажимает кнопку. В чемодане мигают лампочки, раздается крик, как у машины со спецсигналом. Эдик, рыдая, бросается на шею Наде. Журналист падает в обморок. Соня закрывает лицо руками.

ЭДИК. Прощай жизнь, прощай искусство! А почему нет взрыва?

МИХАИЛ. Нельзя быть такими наивными.

ПРАВДОМАТКИН. Вы пошутили? Слава Богу!

МИХАИЛ. Нет, не пошутил. У нас минут десять. Пока совместятся коды, пройдет команда, приведут в боеготовность, запустят, потом американцы спохватятся – ответят. У них подлетное время с ближней точки минут пять. На круг у нас целых шестьсот секунд. Соня, пошли!

СОНЯ. Куда?

МИХАИЛ. Мне надо снять стресс.

СОНЯ. Ты же сказал: я тебе чужая!

МИХАИЛ. С чужой интересней. Жаль, борща нет... для полного счастья.

НАДЯ (*подталкивая*). Иди, муж позвал! Смотри, передумает...

ЭДИК (*мечтательно*). О, я это вижу! Крик женского счастья сольется с ядерным взрывом. Сильный режиссерский ход!

НАДЯ (*бросаясь ему на шею*). Ненормальненький ты мой!

ПРАВДОМАТКИН. Спасите!

Он бросается к мусоропроводу, но оттуда высовывается огромный кулак. Бежит к балкону, однако сверху спускается люлька с генералом Строевым.

СТРОЕВ. Стоять!

Все замирают.

ПРАВДОМАТКИН. Спасите, товарищ генерал!

СТРОЕВ. Молчать! (*Михашлу.*) Доигрался? Добился своего?

МИХАИЛ. Неужели вас уже сняли?

СТРОЕВ. Чему радуешься? Теперь президент все знает. Надо выпутываться.

Остальные с недоумением прислушиваются к разговору.

ПРАВДОМАТКИН. Вы о чем? Через пять минут ничего не будет!

СТРОЕВ. Кто это?

СОНЯ. Правдоматкин из «Скандалиссимо».

СТРОЕВ. Правдоматкин? Тебя же уволили.

ПРАВДОМАТКИН. А вы откуда знаете?

СТРОЕВ. Я и приказал. *(Михаилу.)* Как сюда попал этот недомерок?

МИХАИЛ. Через мусоропровод.

СТРОЕВ. Интересно. Надо прикомандировать к «Россомону» взвод боевых лилипутов.

НАДЯ. Поздно.

СТРОЕВ. Нарращивать обороноспособность державы никогда не поздно.

НАДЯ. Вы не поняли. Он нажал кнопку... Началась атомная война.

СТРОЕВ. По вашей вине, лейтенант Суперштейн!

НАДЯ. Почему по моей?

СТРОЕВ. Если бы вы выполнили приказ, войны бы не было.

НАДЯ. Я не могла их убить.

СТРОЕВ. ...И погубили человечество. Надо доверять командиру. Вам дали патроны с усыпляющими ампулами. В зоопарке хищников такими вырубают.

НАДЯ. Боже, что я натворила!

МИХАИЛ. Ничего ты не натворила. Кнопка срабатывает, если одновременно нажимают трое – министр обороны, начальник генштаба и президент...

ЭДИК. Значит, нет никакой войны?

СТРОЕВ. Вы о чем? Мы миролюбивая держава!

СОНЯ. Ты знал об этом?

МИХАИЛ. Конечно.

СОНЯ. Гад! Гад! Гад!

Бросается на мужа с кулаками. Раздается грохот. Рослый россомоновец в шлеме выносит дверь, разбрасывает завалы. Следом входит молодая дама в брючном костюме, пресс-секретарь президента Мура Шептальская.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Господа, президент Российской Федерации!

Все встают по стойке «смирно». Входит президент – дама средних лет – в сопровождении офицера-подводника с чемоданчиком, точь-в-точь как похищенный. Глава страны озирается, ищет зеркало, поправляет прическу, кивает Муре, которая говорит, словно читая мысли шефа.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Госпожа президент приняла решение навестить капитана третьего ранга Стороженко и пожелать ему скорейшего выздоровления на благо Отечества.

Россомоновец достает из-за спины букет и подает президенту, а та вручает недоумевающему Эдику, треплет его по плечу.

ЭДИК. Это мне? Спасибо...

СТОЕВ. Валентина Валентиновна, простите... Не тому... Другому...

Генерал выскакивает из люльки, отбирает букет у Эдика и отдает Михаилу. Президент кивает.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна не идентифицировала вас без кителя. В связи с вашим решением уйти на заслуженный отдых и отдаться спортивной рыбалке вам вручается набор «Мечта рыболова».

Россомоновец подает чемоданчик. Мурена открывает и показывает содержимое: катушки, блесны, поплавки и т. д. Подводник смотрит с завистью.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Взамен госпожа президент хочет забрать служебный чемоданчик, который вы геройски сберегли от посягательства врагов России.

СТРОЕВ (*тихо, но грозно*). Отдай!

МИХАИЛ. Но...

СТРОЕВ (*тихо*). Потом.

Михаил покорно передает президенту чемоданчик.

СТРОЕВ (*подводнику*). Проверь!

Тот забирает чемоданчик у президента, ставит на стол, рядом с Фединым компьютером, откидывает крышку, кивает.

Мурена аплодирует, остальные подхватывают. Журналист подсказывает к президенту с диктофоном.

ПРАВДОМАТКИН. Один вопрос: что вы чувствуете в этот исторический момент и как чувствует себя ваша любимая хаска Матильда?

Президент смотрит на пресс-секретаря.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Не дышите на президента! Вы из кремлевского пула?

ПРАВДОМАТКИН. Нет.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Кто пустил?

СТРОЕВ. Сам пролез.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Отойдите! *(Поймав взгляд президента.)* Подписан указ: все участники операции награждаются медалями «За споспешествование».

Омоновец достает красные коробочки. Шептальская вынимает медали, а президент прикалывает награды и пожимает руки. Награды получают все, включая президента, Строева, Муру и омоновца. Без наград остаются только Правдоматкин и Подводник, который явно задет этим.

НАДЯ. За что?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Вам же объяснили: «За споспешествование». Кроме того, вы получаете пакет льгот.

ЭДИК. Каких?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Бесплатный проезд везде, но в одну сторону. При оформлении инвалидности вам повышается группа. Инвалиды есть?

НАДЯ. У меня третья группа.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Теперь вторая. Поздравляю! Наконец, вам полагается 35-процентная скидка на ритуальные услуги.

СОНЯ. Обязательно воспользуюсь.

ЭДИК. Простите, а чему мы все-таки споспешествовали?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Это государственная тайна.

ВСЕ. *(Переглянувшись, хором.)* Служим России!

Президент озирается.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Госпожа президент удивлена, в каких скромных, даже спартанских условиях живет офицер ее охраны. Сегодня миллионы граждан улучшают жилищные условия

благодаря ипотеке. Вам дадут кредит.

МИХАИЛ. В банке «Щедрость»? Так он лопнул...

ШЕПТАЛЬСКАЯ (*поспешно*). Банковская система страны еще далека от совершенства, но мы работаем в этом направлении.

СТРОЕВ (*тихо*). Я тебе предлагал. Сам виноват, Миша!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Госпожа президент надеется, что вы все придете через неделю к урнам и бросите в них свой выбор. А мы должны присутствовать при рождении 150-миллионного гражданина России. Бай!

Высокие гости направляются к выходу. Офицер-подводник хочет взять и второй чемоданчик, но президент замечает на полу таракана.

ПРЕЗИДЕНТ. Тараканчик!

Ловко ловит и разглядывает насекомое, смеется, как девочка.

МИХАИЛ (*смущенно*). В простоте живем.

СОНЯ. Простите, Валентина Валентиновна, не успели эту сволочь потравить.

ЭДИК. У нас в «Доброморе» новый препарат, надежный, яд передается половым путем, но действует только через пять дней.

ПРЕЗИДЕНТ. Половым путем надо передавать любовь к Отечеству!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна подразумевает, что нам предстоит большая работа по патриотическому воспитанию народа.

Президент с удивлением смотрит на Шептальскую.

ПРЕЗИДЕНТ (*таракану*). Здравствуй, рыжик! Ну как вы тут живете?

ВСЕ. Так себе.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Будучи избранным на новый срок, президент обеспечит взрывной рост народонаселения и благосостояния.

Президент с еще большим удивлением смотрит на нее.

ПРЕЗИДЕНТ. Знаете, друзья, в детстве я была страшно одинока, хотя жила в перенаселенной коммуналке. В Люберцах. Моими друзьями были тараканы. Я разговаривала с ними, дрессировала, давала имена. Этот рыжик похож на мою Альбертину. Смотри-ка, шевелит усиками! Может, ты пра-пра-пра-

правнучка? Возьму-ка я тебя в Кремль, а то иной раз и поговорить по душам не с кем. Коробочка есть?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Коробочку!

СТРОЕВ. Срочно коробочку!

Суета. Поиски. Соня догадывается и вручает президенту коробочку из-под медали. Та сажает в нее таракана, передает россомоновцу.

ПРЕЗИДЕНТ (*Соне*). Будете переезжать в новую квартиру, обязательно захватите парочку на счастье!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна подчеркивает важность исторической преемственности в вопросах государственного строительства.

ПРЕЗИДЕНТ. Мурена, хватит вздор-то молоть! С людьми говорим – не с избирателями. (*Соне*.) А вот если бы чайку?!

СОНЯ. Конечно, конечно, сейчас! Как же я сама не догадалась...

Хлопочет, включает чайник, расставляет чашки. Эдик активно помогает.

НАДЯ (*сочувственно*). Вас зовут Мурена?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Да, папа был крупный ихтиолог и большой оригинал. У вас хорошая фигура.

НАДЯ. Я спортсменка. Была.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Поужинаем как-нибудь, поболтаем, отдохнем?

НАДЯ (*удивленно*). Я замужем.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Я тоже.

Эдик почтительно приближается к президенту. Омоновец хочет его отстранить, но глава государства разрешает.

ЭДИК. Госпожа президент, разрешите представиться: Суперштейн Эдуард. Режиссер...

ШЕПТАЛЬСКАЯ (*спохватываясь*). Мы опоздаем в роддом.

ПРЕЗИДЕНТ. Ничего страшного. Неточность – вежливость президентов.

ЭДИК. Как это?

ПРЕЗИДЕНТ. Очень просто. Народ ездит в тесном метро, ждет автобусов, стоит в пробках, опаздывает на работу. Зачем же угнетать простых людей своей пунктуальностью, которая мне ничего не стоит? Это невежливо!

СТРОЕВ. Гениально!

ПРЕЗИДЕНТ. Но главное – прическа. Это всегда так долго...

Во время разговора Соня наливает президенту чай. Шептальская тут же забирает чашку, россомоновец достает из сумки казенную кружку, термос, наливает, отдает Шептальской, та ставит кружку перед президентом.

ПРЕЗИДЕНТ (отхлебнув). Какой у вас вкусный чай!

СОНЯ. Спасибо!

ПРЕЗИДЕНТ. Вы очень милые люди, и тараканы у вас симпатичные. Хочу, чтобы вам стало совсем хорошо.

СТРОЕВ. Мы дали каждому по медали...

ПРАВДОМАТКИН. Мне не дали!

СТРОЕВ. Не заслужил.

ПРЕЗИДЕНТ. Вы тоже, генерал, честно говоря, не заслужили. Чуть страну без ядерного щита не оставили.

СТРОЕВ. Виноват, товарищ верховный главнокомандующий. Не рассчитали. Больше не повторится. Но вы уже освободили майора Стороженко от уголовного преследования, и еще он купит квартиру по ипотеке. Вполне достаточно!

ПРЕЗИДЕНТ. А ты сам-то по ипотеке что-нибудь покупал?

СТРОЕВ. Никак нет.

ПРЕЗИДЕНТ. Зря! Генералиссимус Суворов хлебал из солдатского котла.

СТРОЕВ. Обязательно хлебну.

ПРЕЗИДЕНТ. Хлебнешь! У тебя, генерал, сколько в Москве квартир?

СТРОЕВ. Пять.

ПРЕЗИДЕНТ. Правильно: семь. Одну отдашь майору. Все равно пылятся.

СОНЯ. Четырехкомнатную двухуровневую.

ПРЕЗИДЕНТ. Есть у тебя такая?

ШЕПТАЛЬСКАЯ (ехидно). Есть. На Патриарших.

ПРЕЗИДЕНТ. Место хорошее. Я там в детстве на коньках бегала. Отдашь!

СТРОЕВ. Так точно.

СОНЯ, МИХАИЛ. Спасибо!

ПРЕЗИДЕНТ. Ну, какие еще желания?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, нам пора в роддом!

ПРЕЗИДЕНТ. Успеется. Дай передохнуть, не гончая ведь...

МИХАИЛ. Товарищ верховный главнокомандующий!

ПРЕЗИДЕНТ. Да-да? (Всматривается в него.) Как же я вас,

майор, не доглядела?

МИХАИЛ. Наше место за спиной. Служба такая.

ПРЕЗИДЕНТ. Ну и что вы еще хотите за вашу службу?

МИХАИЛ. Пусть банк «Щедрость» вернет наши деньги!

ПРЕЗИДЕНТ. Банк «Щедрость»? Назовут же... А чей это банк?

СТРОЕВ (*мстительно показывает на Шептальскую*). Ее-с!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Клевета! Это банк моего мужа.

ПРЕЗИДЕНТ. Вернешь!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Но он лопнул.

ПРЕЗИДЕНТ. Надуть!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Будет сделано.

ПРЕЗИДЕНТ (*Наде*). А вы у нас кто? По виду физкультурница.

Что жметесь?

СТРОЕВ. Лейтенант Суперштейн. Чемпионка Европы по биатлону.

ПРЕЗИДЕНТ. Как же я люблю нашу спортивную интеллигенцию! Проси что хочешь!

ЭДИК (*жене, шепотом*). Попроси мне театр!

НАДЯ. Отстань! (*Президенту*.) Я хочу ребенка...

ПРЕЗИДЕНТ. М-да... С этим лучше к мужу.

НАДЯ. Он мне изменил.

ПРЕЗИДЕНТ. И твой тоже? Чего им всем не хватает? Не понимаю! Мы вот что, милая, сделаем. Моя Матильда оценилась. Щенков разобрали президенты дружественных держав. Но остался очаровательный мальчик, блондин с голубыми глазами.

НАДЯ. Не может быть!

ПРЕЗИДЕНТ. Он ваш.

НАДЯ. О, спасибо, Валентина Валентиновна! Как вы угадали?

ПРЕЗИДЕНТ. Практика.

Допивает чай. Россомоновец берет кружку и прячет.

ЭДИК (*чуть не плача*). Попроси мне театр, умоляю, Надя! Я буду верен тебе, как зубная щетка.

НАДЯ. Ладно... Госпожа президент, мой муж...

ПРЕЗИДЕНТ. Хочет свой театр?

ЭДИК. Как вы догадались?

ПРЕЗИДЕНТ. Каждая женщина хочет шубу, а каждый режиссер – театр. Но взгляните на проблему шире. Куда нам столько театров? Это же не бассейны, не теннисные корты.

СТРОЕВ. И не авианосцы.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, а если строить театрално-оздоровительные комплексы? Объединить бассейны, ясли, парикмахерские, поликлиники, школы, театры, магазины,

стадионы в один кластер!

СТРОЕВ. С плацами для строевых занятий.

ПРЕЗИДЕНТ. Кластер? Хорошее слово! Подумаем. Дайте ему какой-нибудь театр. (*Эдику.*) Но, чур, ставить что-нибудь жизнерадостное. Больше песен!

ЭДИК. А можно пользоваться экспрессивной лексикой?

ПРЕЗИДЕНТ. Чем-чем?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Матом.

ПРЕЗИДЕНТ. Можно, но в рамках народного целомудрия.

ЭДИК. Тогда я поставлю «Гамлета».

ПРЕЗИДЕНТ. А там разве поют?

СОНЯ (*выступив вперед*). Конечно, Офелия... (*Поет.*)

День Валентинов проклят будь!

Нет у мужчин стыда!

Сначала девушку сгребут,

А после как всегда:

– Ты мне жениться обещал,

Меня лишая чести!

– Клянусь, я слово бы сдержал.

Но мы уж спали вместе...

ШЕПТАЛЬСКАЯ (*подозрительно*). Почему Валентинов день проклят будь?

ЭДИК. Так у Шекспира.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Поправьте!

ЭДИК. Есть!

ПРЕЗИДЕНТ (*Соне*). Народная?

СОНЯ. Ну что вы, Валентина Валентиновна, даже не заслуженная.

ПРЕЗИДЕНТ. Народная, не спорьте! (*Шептальской.*) Мура, проследи! (*Эдику.*) Ну вот тебе и прима. Муж согласен?

МИХАИЛ (*пожимает плечами*). Я с ней развожусь.

ПРЕЗИДЕНТ. Почему?

МИХАИЛ. Она мне изменила.

ПРЕЗИДЕНТ. Такому мужчине? (*Грустнея.*) Да что ж это делается? Измена сверху донизу! Где у вас комната для курения?

МИХАИЛ (*показывает на балкон*). Там...

ПРАВДОМАТКИН. А вы разве курите?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Нет, президент не курит и другим не советует.

СТРОЕВ. Проверь балкон!

Омоновец выскакивает на балкон, осматривает, тыча

стволом во все стороны, зовет президента, она выходит и нервно закуривает.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. С ума сошли? Так огорчить президента.
(Наде.) Сначала вы! (Михаилу.) А потом и вы!

МИХАИЛ. А что я сказал-то?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. От нее муж ушел.

ПРАВДОМАТКИН (встревая). Куда?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Недалеко. К подтанцовщице.

МИХАИЛ. Хороша, наверное?

ШЕПТАЛЬСКАЯ (мечтательно). Не то слово!

ЭДИК. И что теперь с ним будет?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Ничего. Сидит в резиденции с браслетом на ноге.

ПРАВДОМАТКИН. Минуточку, она же на всех приемах с мужем.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. С двойником. Но это гостайна!

ПРАВДОМАТКИН. Понял! Могила!

Журналист незаметно делает снимок курящего гаранта конституции. Возвращается президент.

ПРЕЗИДЕНТ. Москва-то как похорошела! Надо городскую голову наградить. Мурена, в мэрии следственный комитет еще работает?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Работает.

ПРЕЗИДЕНТ. Отзовите. Но зелени в столице еще маловато. Следует что-нибудь про это в предвыборную программу вставить.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Чем больше зелени, тем больше счастья! Подойдет?

ПРЕЗИДЕНТ. Неплохо. (Михаилу.) Я подумала. Вы правы, театр – место возбудительное. Актрисы, особенно танцовки, склонны к беспорядочным перевоплощениям. Назначаю вас директором военно-спортивно-театрального кластера. Присмотрите и за женой, и за репертуаром.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Гениальное кадровое решение!

ПРЕЗИДЕНТ. Кажется, всех наделила. Пора и в роддом.

ПРАВДОМАТКИН. А я?

ПРЕЗИДЕНТ. А вы у нас кто?

ПРАВДОМАТКИН. Журналист.

ПРЕЗИДЕНТ. Ну и чего вам-то недостает?

ПРАВДОМАТКИН (мужественно). Свободы слова.

ПРЕЗИДЕНТ. И всего-то! Мурена, что у нас там со свободой слова?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, слишком много теперь изданий, сайтов, журналистов, блогеров. Не хватает на всех свободы слова. Не резиновая.

ПРЕЗИДЕНТ. Вот видите! Надо быть экономнее, и тогда хватит на всех!

Во время разговора россомоновец подходит к Строеву и шепчет на ухо.

СТРОЕВ. Извините, Валентина Валентиновна, там еще какой-то мальчик. Говорит, живет здесь... СОНЯ. Это наш Федя.

ПРЕЗИДЕНТ. Пропустите!

Вбегает Федя. Сразу, ни на кого не глядя, бросается к чемоданчику.

ФЕДЯ. Ух ты! Жесть!

СОНЯ. Федя, а поздороваться с гостями?!

ФЕДЯ. Всем привет!

МИХАИЛ. Федор, у нас в доме президент! Не видишь?

ФЕДЯ (*копаясь в чемоданчике*). По телевизору надоела.

МИХАИЛ. Как разговариваешь, сопляк! (*Дает сыну подзатыльник.*) Извините! Не трогай аппаратуру!

ПРЕЗИДЕНТ (*Мурене*). Усильте предвыборную работу среди молодежи.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Поняла.

ФЕДЯ (*президенту*). Ваш чемоданчик?

ПРЕЗИДЕНТ. Мой.

ФЕДЯ. Ядерный? (*Углубляется в изучение прибора.*)

ПРЕЗИДЕНТ (*гордо*). Ядерный.

ФЕДЯ. Гонишь!

ПРЕЗИДЕНТ. Честное президентское!

ФЕДЯ. А чего такой отстой? Прошлый век.

ПРЕЗИДЕНТ. Уж какой есть, мальчик.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, нам пора!

ПРЕЗИДЕНТ. Едем.

Шептальская вынимает телефон, набирает номер – аппарат не работает. Все это время обиженный Правдоматкин незаметно фотографирует.

МИХАИЛ (*с укором*). Федор!

Федор щелкает пультиком, отключая глушилку.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Алло, роддом! Пресс-служба президента...

Она отходит в сторону, что-то объясняет в трубку.

ПРЕЗИДЕНТ. Продвинутый мальчик.

СОНЯ. Он у нас просто Кулибин!

ПРЕЗИДЕНТ. И хорошо, что Кулибин. А то всё – Билл Гейтс, Билл Гейтс. В каком классе?

СОНЯ. В десятый перешел.

ПРЕЗИДЕНТ. Как и моя егоза.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Нам пора, головка уже продвигается по родовым путям.

ПРЕЗИДЕНТ. Задержите!

СОНЯ. Валентина Валентиновна, не надо нам никаких медалей, пусть Феденьку восстановят в школе.

ПРЕЗИДЕНТ. Выгнали?

СОНЯ. Выгнали.

ПРЕЗИДЕНТ. А что натворил?

МИХАИЛ. Созорничал.

ПРЕЗИДЕНТ. Бывает. Из какой школы вышибли?

СОНЯ. Из 348-й с углубленным изучением сексуальной толерантности.

ПРЕЗИДЕНТ. А что, и такие есть?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Конечно. Мы же Европа.

СТРОЕВ. Лучше бы с углубленным изучением автомата Калашникова.

ПРЕЗИДЕНТ. Увольте министра образования. Как директора зовут?

СОНЯ. Чингиз Тамерланович.

Президент достает телефон.

ПРАВДОМАТКИН. Легенда отечественной педагогики! Я о нем писал.

ФЕДЯ. У него три номера. Для жены, начальства и девочек. Вам какой?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. А сам-то как думаешь, умник?

Федя шепчет Мурене, та – президенту. Валентина Валентиновна безуспешно набирает номер.

ПРЕЗИДЕНТ. Но это невозможно! Мой телефон нельзя заблокировать.

ФЕДЯ (*щелкает пультиком*). Ладно уж, звоните!

ПРЕЗИДЕНТ (*Строеву*). Увольте начальника техотдела!

СТРОЕВ. Есть.

ПРЕЗИДЕНТ (*в трубку*). Алло, Чингиз Тамерланович... Что? Я вам не киска!.. Я – президент России... Что? Куда вы сказали?

СТРОЕВ. Я пошлю туда «Россомон»!

ПРЕЗИДЕНТ. Не надо туда «Россомон»! (*В трубку.*) Сейчас я им покажу, кто я! (*Наводит на себя объектив телефона.*) Бросил трубку. Что за народ достался? Работаешь, работаешь, как турбина, никакой личной жизни, а они трубками швыряются. Мурена, к черту все, снимаемся с выборов...

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Я сейчас... Только не волнуйтесь! (*Берет трубку.*) Алло! Вы что себе позволяете! С вами пресс-секретарь президента говорит... Где директор?... Без сознания. А вы кто?.. Завуч?

ПРЕЗИДЕНТ. Дай сюда! (*Забирает трубку.*) Слушайте внимательно: у вас есть ученик Федор...

СОНЯ. Стороженко.

ПРЕЗИДЕНТ. Стороженко. Что значит был?.. Саморез? Десять сантиметров. М-да, нам хватало кнопок и клея. (*С интересом смотрит на злоумышленника.*)

ФЕДЯ. Я больше не буду.

ПРЕЗИДЕНТ. Он больше не будет... Восстановительная пластика ягодиц за счет администрации президента... Педсовет будет против? Я за Федора лично ручаюсь... Что?... Ремонт в школе двадцать лет не делали? Хорошо, вам позвонят из... банка «Щедрость»... (*Делает знак Мурене.*) Лопнул? Надуем... Ну вот и пришли к консенсусу.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, вы потрясная переговорщица!

СОНЯ. Госпожа президент, вы... вы... мать нации!

ПРЕЗИДЕНТ (*польщена*). Ладно вам...

МИХАИЛ. Благодарю!

ФЕДЯ. Спасибо, мама Валя!

ПРЕЗИДЕНТ. Ох, озорник! (*Грозит пальцем.*) Тебя бы с моей оторвой свести. Ну, нам пора!

СТРОЕВ (*офицеру-подводнику*). Возьми у пацана чемоданчик!

Офицер направляется к Феде.

ФЕДОР. Не подходи – нажму!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Мальчик, не порти впечатление президента от народа!

СТРОЕВ. В армию захотел, сопляк?! Отдай! Все равно одна

кнопка ничего не решает без министра обороны и начальника Генштаба.

ФЕДЯ. Теперь решает. Я перепрограммировал систему.

СТРОЕВ. Это технически невозможно.

ПРЕЗИДЕНТ. Но мой-то телефон он заблокировал. А это тоже невозможно. Федя, чего ты хочешь? Проси! Но предупреждаю: жениться на моей дочери тебе еще рано. Лет через пять. Полцарства не отдам. Ты ведь европейскую часть попросишь. А что я буду делать с Сибирью и Дальним Востоком? Там народу – как банкоматов в степи.

ФЕДЯ. Не нужны мне ваши полцарства. Я не хочу, чтобы они разводились. Я брата хочу!

Показывает на родителей. Те в смущении.

ПРЕЗИДЕНТ. В чем дело, майор! Неужели так трудно?

МИХАИЛ. Валентина Валентиновна, она не ночевала дома, когда мы с вами в Мадрид летали. (Сыну.) А ты мне не доложил, предатель! Эх, предупреждал меня батя...

ПРЕЗИДЕНТ. Во-первых, мой тоже не ночевал, когда я в Мадрид летала. Во-вторых, сын за мать не отвечает. В-третьих, и меня мама предупреждала. И что теперь? Кругом разгильдяйство, измена, воровство...

Президент выходит на авансцену, продолжая монолог.

Шесть лет как я достигла высшей власти,
Простая люберецкая девчонка.
Но нет покоя ни в Кремле, ни дома.
Ни власть, ни жизнь меня не веселят!
Мечтала я народ мой осчастливить
Достатком, телевиденьем смешливым,
Дешевой продовольственной корзиной,
Безвизовым туризмом за рубеж.
Но мой электорат неблагодарен,
Живая власть народу ненавистна,
Как будто я конкретно виновата,
Что дешевеет нефть и газ,
а доллар
Растет и зеленеет вместе с евро,
Что НАТО расширяется, как сволочь,
А США, всемирный участковый,
Повсюду свой засовывает нос!
Моя ль вина, что кризис на планете,

Что прёт Китай, как тесто из кастрюли,
С арабами собачатся евреи,
А в Киеве свирепствует майдан!
Не я в стране мздоимство насадила,
Не я в державе дураков плодила,
И бездорожье было до меня!
Но все ко мне в претензии, как будто
У каждого я денег заняла!
Бранятся, просят, требуют, канючат...
И мышцы от ручного управления
Устали, словно уголь я рублю!
Мне тошно видеть, как мои бояре,
Казну разворовав, соображают,
В какой офшор засунуть нажитое
И где какую виллу прикупить.
В семье мечтала я найти отраду.
Но мой супруг, которому когда-то
Я отдала отзывчивое сердце,
Мне изменил и спутался, мерзавец,
С какой-то подтанцовщицей смазливой
Из челяди Киркорова Филиппа!
(Жив, жив курилка! И еще поет.)
Муж оказался неблагонадежным,
Как члены госсвета, как министры,
Как лидеры лояльных думских партий,
Как олигархи, мэры, генералы,
Как байкеры, чекисты и спортсмены,
Как мастера науки и культуры,
Которых сколько ни корми, ни чествуй,
На Запад смотрят жадными очами,
Хоть всем известно, что с Востока свет!
Что делать мне? Увы, не молода я...
На сердце тяжело, голова кружится,
И рейтинги позорные в глазах...
Как дальше жить? Два выхода осталось:
От суеты в монастыре укрыться
(Святейший посовещует, где тише)
Или, собрав остатки сил душевных,
Стать ягодкой опять и, подтянувшись,
Пойти на новый срок без колебаний,
Чтобы вести соборную Россию
С народом незадачливым ее
К духовности, к достатку, к просвещенью
И геополитическим победам!

Нам многого не надо – мир и дружба
Да земли, что завещаны от Бога,
Но отняты врагами в смутный год.
А если кто с мечом придет к нам в гости,
Есть у меня заветный чемоданчик
И межконтинентальный аргумент.
Мы наши сапоги помоем в Темзе,
Воды напьемся прямо из Гудзона,
Распишемся на куполе рейхстага
И вычерпаем шапками Босфор!

Достает сигарету, смотрит вокруг. Все одновременно подносят зажигалки. Она закуривает и снова направляется к балкону. Правдоматкин фотографирует президента.

МИХАИЛ. Курите, курите здесь. Потом проветрим.

СОНЯ. Разрешите? *(Стреляет у президента сигарету.)*

МИХАИЛ. Я же запретил тебе.

СОНЯ. Я теперь свободная женщина!

ПРЕЗИДЕНТ *(вздыхнув)*. Я тоже...

К ним присоединяется Шептальская. Дамы курят, переговариваясь. Строев хлопает Михаила по плечу.

СТРОЕВ. Не журишь! Ничего у нее с этим шпаком не было.

МИХАИЛ. Вам-то откуда известно?

СТРОЕВ. Мне известно. Пойми, парень, тебя вели с самого начала. Думаешь, случайно квартирой обошли, твой банк ни с того ни с сего лопнул, аритмию вдруг обнаружили, компромат тебе на жену слили? Соображаешь? Столько несправедливости сразу даже у нас не бывает.

ЭДИК. Значит, и мне «Добромор» путевку сюда специально выписал?

СТРОЕВ. Мы тебя после встречи однокурсников в разработку взяли.

НАДЯ. А меня из санатория тоже нарочно отозвали?

СТРОЕВ. Конечно! Дело-то семейное. Зачем чужие глаза и уши?

ПРАВДОМАТКИН. И меня паленой водкой специально напоили?

СТРОЕВ. Нет. Это не мы. Это из-за отсутствия государственной монополии на спирт.

СОНЯ. Но для чего, для чего вы все это сделали?

СТРОЕВ. Надо было, чтобы твой муж психанул.

СОНЯ. Зачем? Он и так нервный. Стресс никак снять не может.

СТРОЕВ. Когда человек психует, себя выдает – и сразу ясно, насколько он надежен и соответствует занимаемой должности.

Президент тушит сигарету в пепельнице, поданной россомоновцем, и подходит к говорящим.

МИХАИЛ. А если бы я не психанул?

СТРОЕВ. Но ты же психанул!

ПРЕЗИДЕНТ. Удачный у нас все-таки народ, предсказуемый. Это хорошо!

МИХАИЛ. Погоди, погоди... Почему меня-то решили проверить? *(Кивает на напарника.)* А не его?

СТРОЕВ. Ты, майор, как выпьешь с начальником собственной безопасности, сразу власть начинаешь ругать.

МИХАИЛ. Все, как выпьют, ругают.

СТРОЕВ. Но ты, Миша, после третьего стакана ругаешь как трезвый. Это нехорошо. Подозрительно.

ПРЕЗИДЕНТ. Мурена, может, нам сухой закон ввести?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Нельзя, Валентина Валентиновна, страну потеряем, как Горбачев.

МИХАИЛ. Погоди, генерал, выходит, ты наперед знал, что я чемоданчик возьму? Откуда? Я же ничего такого делать не собирался, не помышлял даже. Ни с того ни с сего в голову ударило, взял и пошел...

ПРЕЗИДЕНТ. Внезапный у нас все-таки народ. Это плохо.

СТРОЕВ. Ничего я наперед не знал. Ни-че-го! Сам обалдел. Думал, ты с напарником подерешься или Валентине Валентиновне надерзишь, в крайнем варианте – американцам продашься. На такой случай я хотел из тебя двойного агента сделать. А ты кнопку попятил! Я тут же приказал тебя арестовать. Как ты ушел с чемоданчиком, до сих пор не пойму...

ШЕПТАЛЬСКАЯ. И не поймете! Он смог унести кнопку, потому что так было нужно.

СТРОЕВ. Кому?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Нам.

СТРОЕВ *(потрясенно)*. Матушка Валентина Валентиновна, это правда?

ПРЕЗИДЕНТ. Генерал, для ответов на глупые вопросы у меня есть пресс-секретарь.

ЭДИК. Ничего не понимаю. А смысл? Сверхзадача?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. И это спрашивает режиссер? Все очень

просто. Перед выборами надо проверить надежность команды и устойчивость системы. *(Строеву, свысока.)* Вы хотели проверить надежность одного человека, а мы – всей державы.

МИХАИЛ. Проверили?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Да. Кое-кто сразу переметнулся к оппозиции, другие побежали в американское посольство. В стране не без уroda...

ПРАВДОМАТКИН. Значит, будут посадки?

ПРЕЗИДЕНТ. Обязательно!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Валентина Валентиновна, вы об озеленении столицы?

ПРЕЗИДЕНТ *(с угрозой)*. Не только, Мурена, не только!

ЭДИК. О, моя неласковая Русь!

Услышав такое, Правдоматкин спешно пробирается к мусоропроводу. Маневр замечает Подводник. Захар молитвенно складывает руки. Тот отворачивается. Журналист ныряет в люк, успев сделать еще пару снимков.

СТРОЕВ. Зачем сажать? Чем сильнее человек виноват перед державой, тем лучше работает. Агенты влияния вкалывают, как Беломорканал роют. Жаль, в обе стороны. При Сталине все были виноваты. И какую страну отгрохали!

ФЕДОР *(оторвавшись от компьютера и отложив паяльник)*. Значит, дедушка правильно говорит!

СТРОЕВ. Конечно, правильно, мальчик!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Прекратите немедленно ваш бытовой тоталитаризм! Валентина Валентиновна, вот из-за таких нас в Европу не берут...

ПРЕЗИДЕНТ. Придется взять Европу к себе. А вы, генерал, аккуратней! Не в блиндаже.

МИХАИЛ. Ну хорошо, проверили вы на вшивость меня, страну... Потом что?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. А потом мне пришла в голову... Нам пришла... *(Кивает на президента.)* Им пришла мысль обратить поражение, как всегда, в победу. Валентина Валентиновна лично возвращает стране похищенный чемоданчик, с которым и едет к 150-миллионному младенцу. Каков пиар-ход перед выборами? Оцените!

ЭДИК. Гениально, клянусь Мейерхольдом!

МИХАИЛ. Какой же я наивный козел!

ПРЕЗИДЕНТ. Наивность украшает офицера. Ваша жена чиста, как власть перед народом. А с братиком не задерживайтесь! У такого интересного мужчины должно быть много детей.

МИХАИЛ. Служу России!

ПРЕЗИДЕНТ. Ну, Кулибин, ты ничего мне отдать не хочешь?

ФЕДЯ (*отдавая чемоданчик*). Тетя Валя, а нельзя каникулы подлинней сделать? На недельку...

ПРЕЗИДЕНТ. У нас демократия, мой юный друг, и такой серьезный вопрос может решить только парламент. Ты лучше приезжай к нам на зимние каникулы в Завидово! На снегоходе покатаемся. Договорились, Кулибин?

Президент передает кнопку Строеву, а тот Подводнику, который немедленно пристегивает чемоданчик к запястью наручником. Мурена снова звонит, качает головой и хмурится.

СОНЯ. Спасибо, спасибо, Валентина Валентиновна! А нельзя еще участочек за городом?! Детям лучше на воздухе...

МИХАИЛ. На озере. Рыбку на зорьке половить, а?

ПРЕЗИДЕНТ (*Строеву*). Ты весь уже полигон распродал?

ШЕПТАЛЬСКАЯ (*мстительно*). Лучший кусок у озера придержал.

ПРЕЗИДЕНТ. Выделишь!

СТРОЕВ. Так точно.

Подводник в сердцах плюет на пол и уходит с двумя чемоданчиками.

ПРЕЗИДЕНТ. Ну вот, всех осчастливила, кроме себя. Теперь – в роддом. Немедленно!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Поздно... уже и пуповину обрезали.

ПРЕЗИДЕНТ. Жаль. Не успели.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Может, и к лучшему.

ПРЕЗИДЕНТ. Почему, Мурена?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Видите ли... (*Шепчет ей на ухо.*)

ПРЕЗИДЕНТ. Гонишь!.. Да ладно тебе!.. Жесть! Подождем следующего. Но чтобы русским был!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Уже ищем. Нам пора! У нас подход к прессе.

Президент идет к двери. За ней устремляется свита.

СТРОЕВ (*спохватившись*). А где чемоданчики? Где этот?.. Ушел!

Все озираются, мечутся по комнате.

ПРЕЗИДЕНТ. Но почему?

ШЕПТАЛЬСКАЯ. Генерал, вы же говорили, он надежный!

СТРОЕВ. Позавидовал, сволочь, чужому счастью. А на зависть мы его не проверяли.

ШЕПТАЛЬСКАЯ (*президенту*). Да, вы были слишком щедры.

ПРЕЗИДЕНТ. Доброта меня погубит.

ШЕПТАЛЬСКАЯ. И Правдоматкин исчез. Вот журналюга! Раззвонит теперь всем, что президент курит. Перед выборами.

СТРОЕВ (*Феде*). Ты можешь заблокировать оба чемоданчика?

ФЕДЯ. Легко!

СТРОЕВ. Не волнуйтесь, Валентина Валентиновна, человечество вне опасности!

ШЕПТАЛЬСКАЯ. К черту человечество! Как мы теперь выйдем к прессе? Оппозиция объявит вас недееспособной: за день потерять сразу два ядерных чемоданчика. Накануне выборов. Нам – конец!

ПРЕЗИДЕНТ. Стоп! Тихо! Прекратили панику, представили себе, что думаем не о державе, а о семейном бизнесе, вилле в Ницце. Выход? Быстро!

Напряженная пауза. Все мучительно размышляют. Соня шепчет что-то Михаилу на ухо. Тот благодарно целует жену. Надевает черный морской китель.

МИХАИЛ. Валентина Валентиновна, у меня... у нас... у вас есть идея.

ПРЕЗИДЕНТ. Докладывайте, майор!

Он берет в руки чемоданчик «Мечта рыболова».

МИХАИЛ. Можно выходить в народ!

ПРЕЗИДЕНТ. Благодарю за верность, полковник! (*С интересом.*) А вы не только подтянутый, но и умный. Я вас теперь никуда не отпускаю.

МИХАИЛ. Служу России!

ЭДИК. Валентина Валентиновна, разрешите малюсенькую режиссерскую рекомендацию?

ПРЕЗИДЕНТ. Только быстрее!

ЭДИК. Придайте вашей очаровательной улыбке больше державности!

ПРЕЗИДЕНТ. Только этим и занимаюсь. Выходим!

Все встают по ранжиру.

СОНЯ (*тревожно*). Миша, когда вернешься?

МИХАИЛ. Не задавай глупых вопросов.

СОНЯ. Я сварю борщ.

ПРЕЗИДЕНТ. Счастливая женщина...

Президент и свита уходят. На сцене остаются Соня и Федя.

ФЕДЯ. Mam, a y тети Вали дочь-то ничего?

СОНЯ. Да уж не хуже твоей Вилки.

ФЕДЯ. Тогда женюсь!

СОНЯ. Зачем?

ФЕДЯ. Представляешь, какой компьютер можно будет купить!

Сам собой включается телевизор – и диктор сообщает.

ГОЛОС ДИКТОРА. Как стало известно, нашему президенту, рискуя жизнью, удалось лично отобрать ядерный чемоданчик у террористов и вернуть его избирателям. Народ безмолвствует... Простите, народ безумствует... От счастья. Завтрашний день объявлен днем национального восторга.

Мать и сын смотрят друг на друга. Соня замечает таракана и, размахивая тапочком, гонится за ним по квартире с криком.

СОНЯ (на бегу). Когда ж вы все сдохнете... от любви.

Конец

(Первая постановка комедии была осуществлена в Московском театре сатиры. Премьера состоялась 2 декабря 2015 г. Режиссер – Александр Ширвиндт)

Часть IV. Стихоборье

«Снег цвета довоенных фото...»

Готовя поэтическое избранное, я с удивлением обнаружил, что у меня, оказывается, посвящено 1941 году более десяти стихотворений, сочиненных в основном до середины 80-х. Многие написаны в 1976–77 в Группе советский войск в Германии, где я служил солдатом-артиллеристом. В этом шоне я вновь побывал в тех местах, в Олимпийской деревне на окраине нынешнего Берлина. Увы, о почти полувековом стоянии тут великой Красной армии почти ничто не напоминает, лишь глумливая табличка на поросшем фундаменте: здесь было кафе «Ивушка», где развлекались советские офицеры. Но музей советской оккупации, что располагался лет десять назад в нашем полковом клубе, закрыли, теперь там центр толерантности. Возможно, в следующий раз обнаружу «центр изучение межрасовой сексуальной агрессии». И нигде ни слова о том, что СССР не посылал свою сборную на Игры 1936 года в фашистскую Германию, а США, Британия, Франция охотно поучаствовали. Но про это молчок! Другое дело – снова про пакт «Молотова – Риббентропа» дудеть!

Итак, у меня более десяти стихотворений о 1941 годе. Впрочем, что тут удивляться: тема Великой войны была для нас, если хотите, «поколениеобразующей». Мы выросли под могучим влиянием «стихотворцев обоймы военной», а шире – под впечатлением громадного народного подвига, еще живого и близкого, как дыхание недавней очистительной грозы. Не зря же лучший поэт моего поколения Николай Дмитриев писал:

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны...

Он за книгу, где были напечатаны эти строки, получил премию Ленинского комсомола, а я за цикл стихов о войне «Непережитое» в 1980 году – премию имени Владимира Маяковского. Но уже тогда нас упрекали, мол, зачем вы касаетесь того, чего не видели? Зачем пишете о том, чего не пережили? Оставьте это фронтовикам! Один из сверстников даже в рифму попрекнул:

Катись проторенной дорогой,

О чем угодно воду лей,
Но меру знай – войну не трогай,
Отца родного пожалей!

Пришлось выступать со статьей «Право на боль», где я написал: «Есть боль участника, но есть боль и соотечественника. Человеку, чье Отечество перенесло то, что выпало на долю нашей страны, нет нужды заимствовать чужую боль, потому что она принадлежит всем и передается от поколения к поколению, равно как и гордость за одержанную Победу... Мирные поколения должны знать о войне все, кроме самой войны. Откройте сборник любого поэта, рожденного, как принято говорить, „под чистым небом“, и вы непременно найдете стихи о войне... Откуда она, эта „фронтовая“ лирика 70-80-х годов, написанная людьми, не знающими, что такое передовая (линия, а не статья), не ходившими в атаку (разве только учебную)?... Дело, видимо, в том, что исторический и нравственный опыт Великой войны вошел в генетическую память народа, стал свойством, чуть ли не передающимся по наследству в числе других родовых черт...»

Вот, на эту-то генетическую память и повели охоту уже тогда, в 1980-е. Сначала осторожно: «Ну что с того, что я там был?», потом все наглее. В 1990-е развернулась настоящая битва за память. Войну пытались выставить кровавой разборкой двух диктаторов, стоившей миру миллионы жизней. Хатынь в нашей исторической памяти пытались заменить на Катынь, и не без успеха. Когда я стоял в прошлом году возле Василия Блаженного, а на меня, обтекая храм, двигался полумиллионный «бессмертный полк», я думал о том, что в битве за память наметился перелом в нашу пользу. Теперь главное, чтобы в Ставке не оказалось предателей. Такое мы уже проходили и не раз...

Я почти не притронулся к тем давним стихам, оставив в них все, как было: и наше тогдашнее прямотушие, и прежнее неведение, и горячие заблуждения, и веру в то, над чем ныне принято хмыляться... Прочти, товарищ!

Свадебная фотография 1941 года

Она не выдержала и смеётся,
В его плечо шутливо упёршись.
...Он послезавтра станет добровольцем,
Его подхватит фронтовая жизнь.
Нахмурясь, чтобы не расхохотаться,
Он купчик обвенчавшийся. Точь-в-точь!
...Ей голодать, известий дожидаться,
Мечтать о нём, работать день и ночь.
Своей забаве безмятежно рады,
Они не могут заглянуть вперёд.
...Он не вернётся из-под Сталинграда.
Она в эвакуации умрёт.
А если б знали, что судьба им прочит,
На что войною каждый обречён?!
...Она так заразительно хохочет,
Через мгновенье засмеётся он.

1974

На фронте не убили никого!
Война резка —
в словах не нужно резкости:
Все миллионы —
все до одного —
Пропали без вести.
Дед летом сорок первого пропал.
А может быть, ошибся писарь где-то,
Ведь фронтовик безногий уверял:
Мол, в сорок пятом в Праге видел деда!
...Сосед приёмник за полночь включит,
Сухая половица в доме скрипнет —
И бабушка моя проснётся, вскрикнет
И успокоится:
дед взял на фронт ключи...

1975

Она кричала о войне:
О сорок первом, сорок третьем...
Я замер – показалось мне,
Что до сих пор война на свете!
Она кричала о врагах,
О наших танках,
О Сталине и о станках,
О спекулянтах,
О том, что вот она верна.
И про «овчарок».
В её глазах была война —
Свечной оплавленный огарок.
Закон ей в этом не мешал,
Она ещё кричала что-то.
Вокруг был мир, кругом лежал
Снег цвета довоенных фото.

1975

*Как я хотел вернуться в «до
войны» —*

*Предупредить, кого убить
должны.*

Арсений Тарковский

Сегодня я один за всех в ответе.
День до войны. Как этот день хорош!
И знаю я один на белом свете,
Что завтра белым свет не назовёшь!
Что я могу перед такой бедою?!
Могу – кричать, в парадные стучась.
– Спешите, люди, запастись едою
И завтрашнее сделайте сейчас!
Наверно, можно многое исправить,
Страну набатом загодя подняв!
Кто не умеет, научитесь плавать —
Ведь до Берлина столько переправ!
Внезапности не будет.
Это – много.
Но завтра ваш отец, любимый, муж
Уйдёт в четырёхлетнюю дорогу,
Длиною в двадцать миллионов душ.
Запомните: враг мощён и неистов... —
Но хмыкнет паренёк лет двадцати:
– Мы закидаем шапками фашистов,
Не дав границу даже перейти!.. —
А я про двадцать миллионов шапок,
Про всё, что завтра грянет, промолчу.
Я так скажу:
– Фашист кичлив, но шаток —
Одна потеха русскому плечу...

«Душа, как судорогой сведена...»

Душа, как судорогой сведена,
Когда я думаю о тех солдатах наших,
Двадцать второго,
на рассвете,
павших

И даже не узнавших,
что – в о й н а!
И если есть какой-то мир иной,
Где тем погибшим суждено собраться,
Стоят они там смутною толпой
И вопрошают:
– Что случилось, братцы?!

1976, ГСВГ

Она его не позабудет —
На эту память хватит сил.
Она до гроба помнить будет,
Как в сорок первом уходил,
Как похоронку получила
И не поверила сперва,
Как сердце к боли приучила,
Нашла утешные слова...
А после: слоники, герани,
И вдовый труд, и поздний грех...
Но был погибших всех желанней,
Но павших был достойней всех.
И на года, что вместе были,
Она взирает снизу ввысь...
А уж ведь как недружно жили:
Война – не то бы разошлись.

1976, ГСВГ

Комплект газеты «Правда»
За сорок первый год.
Почины и парады:
«Дадим!»,
«Возьмём!»,
«Вперёд!».
Ударники, герои,
Гул строек по стране...
Июнь.
Двадцать второе.
Ни слова о войне.
Уже горит граница,
И кровь течёт рекой.
Газетная страница
Ещё хранит покой.
Уже легли утраты
На вечные весы.
Война достигнет завтра
Газетной полосы.
Мы выжили.
Мы это
Умели испокон.
Мне свежую газету
Приносит почтальон...

1977, ГСВГ

На экране – круговерть,
Леденящие моменты,
Но ему не умереть:
Впереди еще пол-ленты!
Нужно милую обнять,
С крутизны фашиста скинуть,
Потому легко понять,
Что герой не может сгинуть.
Эта логика проста.
Но идёт на пользу нервам.
В это верит даже та,
Чей герой пал
 в сорок первом.

1979

Монолог расстрелянного за невыполнение приказа

Владимиру Цыбину

Я был расстрелян в сорок первом.
«Невыполнение приказа
В смертельный для Отчизны час».
Ударил залп.
Я умер сразу,
Но был неправильным приказ!
И тот комбат, его отдавший,
В штрафбате воевал потом,
Но выжил, вытерпел и даже
Ещё командовал полком.
Тут справедливости не требуй:
Война не время рассуждать.
Не выполнить приказ нелепый
Страшнее, чем его отдать.
...Но стоя у стены сарая,
Куда карать нас привели,
Я крепко знал,
 что умираю,
Как честный сын своей земли...

1980

*Мы брали пламя голыми руками.
Грудь разрывали ветру...*

Н. Майоров. Мы. 1940

Мир казался стозевным,
 готовым наброситься зверем
Эта схватка была им
 самую судьбой суждена.
И они её ждали, готовились...
Мы же не верим,
Если честно сказать,
 в то, что может начаться война.
И мечтой о сражениях
 наши сердца не терзались.
Мы геройством не грезили,
 чтоб не накликать беду.
А они её ждали —
 и всё-таки чуть не сломались
Те железные парни
 в том сорок проклятом году.

1982

«От сорок первого не деться...»

От сорок первого не деться
Нам никуда.
Он страшно долгод!
В подушке каждого младенца
Сидит заржавленный осколок...

1983

«Ударит хладом обреченным...»

Будь проклят, сорок первый год!

Семен Гудзенко

Ударит хладом обреченным
От тех «котлов», от тех высот,
Останется навеки черным
Проклятый сорок первый год.
Он в памяти у нас донине —
Как невзорвавшийся снаряд —
И вечным пламенем Хатыни
Огни на площадях горят.
И в наших траурных аллеях
Живым цветам не увядать...
Но сорок пятый год алеет —
Попробуйте не увидеть!

2016

ЛГ, 22 июня 2016

Часть V. Мысли на ветер

Из записных книжек

Нормальный человек думает постоянно, даже иногда удивляется, какие глубокие мысли приходят ему порой в голову. Писатель отличается от обычного гражданина тем, что не ленится записывать соображения, посетившие его посреди судьбоносной суеты или на сон грядущий. Некоторые он потом вставляет в произведения, другие ждут своего часа в записных книжках, на клочках бумаги, в ноутбуке или даже на манжетах. Мне тоже не чужды мозговые озарения, иногда мимолетные, вроде профессиональных замечаний и наблюдений, а иной раз нахлынет и что-нибудь тянущее на афоризм или максиму. И я решил не беречь все это на черный день, не копить, как деньги в матрасе, а тратить, транжирить, выносить на суд друзей и врагов. В мире умных мыслей тоже идет ползущая инфляция. Поэтому: мысли на ветер!

▽ ▽ ▽

Климат и расстояния заменяют России национальную идею.

▽ ▽ ▽

Вхожу в тот замечательный возраст, когда о не прочитанных книгах можно говорить с усмешкой: читал когда-то в молодость, но все забыл...

▽ ▽ ▽

У нее было благодарно-приветливое выражение лица – такое бывает у женщин после небезуспешной ночи.

▽ ▽ ▽

Наше правительство напоминает мне Змея Горыныча: голов много, а желудок один.

▽ ▽ ▽

Случается, директор театра воображает себя толи Станиславским, толи Мейерхольдом. Кто он на самом деле, выясняет обычно прокуратура. Мысль эта пришла мне в голову, когда я увидел в телевизоре Крока, директора Московского театра имени Вахтангова.

▽ ▽ ▽

У нас так: если зима ранняя, ее зовут неожиданной, а если зима поздняя – ее называют внезапной.

▽ ▽ ▽

Писатель всегда хочет свободы больше той, которая необходима обществу.

▽ ▽ ▽

Он позволял себе женщин, как диабетик варенье.

▽ ▽ ▽

Некоторые рассматривают достоинства страны проживания, как узники благоустроенность своей тюрьмы.

▽ ▽ ▽

Семейная жизнь вступила в тот период, когда вопрос: кто кого переспорит, сменился другим: кто кого переживет.

▽ ▽ ▽

Либерализм – это гормональное заболевание.

▽ ▽ ▽

Патриотизм – это когда любишь Родину, даже наблюдая игру российской футбольной сборной.

▽ ▽ ▽

В политике выигрывают латентно принципиальные персонажи.

▽ ▽ ▽

Большая политика – это банк, куда нужно вложить очень много зла, чтобы получать небольшие проценты добра.

▽ ▽ ▽

Люди столько сил отдают борьбе за свободу, что воспользоваться ею у них уже не остается сил.

▽ ▽ ▽

Порядок – это коммерческая услуга, которую государство оказывает гражданам. Плата – налоги.

▽ ▽ ▽

Реформаторский дар встречается редко. Реформаторская дурь – постоянно.

▽ ▽ ▽

У него было столько замыслов, что он так и умер, не выбрав, с какого начать.

▽ ▽ ▽

У актера Х. не лицо, а филиал Мировой скорби.

▽ ▽ ▽

Кошмарней современного театра только кружок нудистов при доме престарелых.

▽ ▽ ▽

Современная литература – это иллюстрированный путеводитель по пустыне Гоби.

▽ ▽ ▽

Утром жизнь кажется летальным симптомом.

▽ ▽ ▽

«Большая книга» – это премия за верность зову ветхозаветных предков.

▽ ▽ ▽

Двухобщинная русская литература.

▽ ▽ ▽

Невежественное свободомыслие.

▽ ▽ ▽

Что лучше: несовершенный закон или справедливое беззаконие?

▽ ▽ ▽

История умных учит, а дураков мучит.

▽ ▽ ▽

Гражданин повышенной комфортности.

▽ ▽ ▽

За плачем о всесожжении часто прячется стремление к всесожжанию.

▽ ▽ ▽

Фильтруйте нарратив, коллега!

▽ ▽ ▽

Скромный гигант среди нахальных пигмеев.

▽ ▽ ▽

Он страдал патологической скромностью, и потому в гостях пил водку, не закусывая.

▽ ▽ ▽

Разрекламированный писатель З. канул, как монетка в щель автомата, продающего презервативы.

▽ ▽ ▽

Культурная политика в России проста: чужому – рынок, родному – грант.

▽ ▽ ▽

Жизнь как повод к размышлению.

▽ ▽ ▽

От отчаянья иду прямой дорогой в мракобесы.

▽ ▽ ▽

Всенародное «ай-ай-ай!»

▽ ▽ ▽

Есть жены-содержанки и жены-содержательницы.

▽ ▽ ▽

Жил не по лжи, но врал регулярно.

▽ ▽ ▽

В ее глазах светилась теплая память о постельном сотрудничестве.

▽ ▽ ▽

Бог наказывает асимметрично.

▽ ▽ ▽

Людам часто кажется, будто судьба не додала им счастья, как курортный врач – процедур.

▽ ▽ ▽

Люди сошли с ума: мечутся по планете туда-сюда. Скоро на могилах рядом с датами жизни будут еще писать: кто сколько миль налетал.

▽ ▽ ▽

Власть, как увеличительное стекло: укрупняет недостатки. И всенародно избранный глуп всенародно.

▽ ▽ ▽

«Ты меня любишь?» – спросила она, мечтая о кольце с бриллиантом. «Безумно!» – ответил он, тоскуя о свежем пенном пиве.

▽ ▽ ▽

Мой антагонист.

▽ ▽ ▽

Если кто-то бескорыстен, значит, он уже получил от тебя все, что было нужно.

▽ ▽ ▽

И цветок для пчелы, и женщина для мужчины – это радость. Но ведь Всемогуший мог просто приказать: «Плодитесь! Так надо!» А он сделал нам хорошо. С чего бы это?

▽ ▽ ▽

Она кричала в его объятьях так громко, словно звала на помощь свою далекую стыдливость.

▽ ▽ ▽

Еврей почему-то воспринимает талантливость аборигена как личную обиду.

▽ ▽ ▽

Чтобы понять правоту Сталина, надо простить его неправоту.

▽ ▽ ▽

Чем сильнее человек ненавидит Сталина, тем вероятнее, что в жизни этого человека случались гадости.

▽ ▽ ▽

Жизнь сложена из таких смешных пустяков, что даже удивительно обнаружить в самом конце такую серьезную штуку, как смерть!

▽ ▽ ▽

Понятно, что мысль рождается в голове. Но кто отец?

▽ ▽ ▽

Если власть не обопрется на русских, она обопрется на бездну.

▽ ▽ ▽

Он так заливисто смеялся над своими шутками, что хотелось его убить.

▽ ▽ ▽

Усмешка большого начальника, которого просят о ерунде.

▽ ▽ ▽

Первого ребенка рожают от любви или по глупости. Последнего – потому что скоро климакс.

▽ ▽ ▽

У Романова был скипетр. У Медведева – твиттер.

▽ ▽ ▽

Женщины отдаются мужчинам с замыслом, вымыслом или промыслом.

▽ ▽ ▽

Поляки относятся к русским с той же неприязнью, с какой люди, ютящиеся в тесноте, относятся к родственникам, незаслуженно живущим в просторной квартире.

▽ ▽ ▽

Он был заразительно глуп.

▽ ▽ ▽

Раздевающаяся женщина похожа на распускающийся цветок.

▽ ▽ ▽

В метро рядом с золотушной блондинкой сидели два негра, похожие на глянцевые сапоги дембеля.

▽ ▽ ▽

Когда судят по совести – это хорошо. Когда судят против совести – это плохо. Когда судят без совести – это катастрофа.

▽ ▽ ▽

Шендерович распоясался, как одесский провизор, поступивший в ЧК.

▽ ▽ ▽

Демократия иногда сажает на трон таких убогих инфантов, какие не снились самой забубенной монархии.

Критики хвалят лишь такие книги, какие они сами при наличии желания и времени способны написать. Книги, которые им не по силам, вызывают бешенство.

Безоглядная любовь критики – первый признак профнепригодности писателя.

Поэт Е. всегда был дерзок, но всегда дерзил по ветру.

Разговор после премьеры фильма.

– А почему у главной героини, в которую по сюжету влюбляются все мужчины, такой длинный нос?

– Если бы ваш папа был продюсером, вы бы могли сниматься и без носа.

Если человек начинает ценить свои слова на вес золота, значит, в голове у него дефолт.

Прежде чем поверить в Бога, некоторые хотят ознакомиться с прейскурантом Его услуг.

Он был так завистлив, что даже на собственных похоронах завидовал покойнику, лежавшему по соседству в дорогом просторном гробу.

▽ ▽ ▽

Когда уходишь, женщина, оставшаяся лежать в постели, кажется недоеденным деликатесом.

▽ ▽ ▽

Одни братаются, смешав кровь. Другие – смешав фекалии.

▽ ▽ ▽

Полное собрание личной жизни писателя в трех романах, двух браках и восемнадцати изменах.

▽ ▽ ▽

Следить за здоровьем, как следить за неверной женой: все равно не уследишь.

▽ ▽ ▽

Диалог:

– Скажите, как пройти к счастью?

– Прямо...

▽ ▽ ▽

Человек, который хоть раз в жизни прогуливался по кладбищу, не так самонадеян.

▽ ▽ ▽

Он смотрел на ее обширную грудь, как некормленный младенец.

▽ ▽ ▽

Прошлое как климат. Когда солнечно, мы его хвалим. Польет дождь – ругаем.

▽ ▽ ▽

Если единственное желание оппозиции стать властью, то пусть остается, где сидит.

▽ ▽ ▽

Политик, теряющий власть, глупеет на глазах.

▽ ▽ ▽

Чем чаще думаешь о вечном покое, тем больше хочется бурь.

▽ ▽ ▽

Россия может быть или империей, или союзом независимых деревень.

▽ ▽ ▽

Жена выслеживала его измены, как Моссад арабских террористов.

▽ ▽ ▽

Писатель, всегда соглашающийся с властью, – подлец. Писатель, никогда не соглашающийся с властью, – дурак.

▽ ▽ ▽

Есть в евреях некий исторический яд, полезный другим народам при втирании, но смертельный при приеме внутрь.

▽ ▽ ▽

Талант обрекает на трудолюбие.

▽ ▽ ▽

Уединенция.

▽ ▽ ▽

Чужая смерть – перегоревшая лампочка, собственная смерть – перегоревшее солнце.

▽ ▽ ▽

Телевизионная звездобратия.

▽ ▽ ▽

Мелкие карманники залезают в карман к прохожему, крупные – к государству.

▽ ▽ ▽

Старичок хвастался низким сахаром в крови, как когда-то мужской мощью и постельными рекордами.

▽ ▽ ▽

Половая цель.

▽ ▽ ▽

Любая власть от Бога, кроме демократии.

▽ ▽ ▽

Совет критикам: любите искусство в евреях, а не евреев в искусстве.

▽ ▽ ▽

Механическая страсть танца.

▽ ▽ ▽

В комнате запахло португеей.

▽ ▽ ▽

Конспирологическая улыбка Моны Лизы.

▽ ▽ ▽

Лицо у министра Д-ча безутешное, как у беременной монашки.

▽ ▽ ▽

Писателями-провидцами считают обычно путаников, которые за свою творческую жизнь набормотали столько всего, что можно использовать на любой случай жизни.

▽ ▽ ▽

К пьедесталу будущего памятника Солженицыну вместо цветов будут приносить доносы на власть.

▽ ▽ ▽

Семейный секс и любовное свиданье – это как диетический стол и грузинское застолье.

▽ ▽ ▽

Кухонная интеллигенция.

▽ ▽ ▽

Кладбищенское тщеславие.

▽ ▽ ▽

Цитата: «Матрица детских впечатлений во многом формирует мнематическую картину мира...» Перевод: у каждого свои тараканы.

▽ ▽ ▽

Поздняя любовь как зимняя поездка в Эмираты. Все равно придется возвращаться в заснеженную Москву.

▽ ▽ ▽

Снегопад был тихий и нежный, как шепот благодарной женщины.

▽ ▽ ▽

Я вступил в мемуарный возраст.

▽ ▽ ▽

Тело, доедаемое жизнью.

▽ ▽ ▽

В последние лет двадцать выражение «выдающийся русский», звучащее по телевизору, стало означать – «нерусский».

▽ ▽ ▽

Тех, кто не записывает свои умные мысли, я бы порол. Тех, кто записывает свои глупости, я бы убивал.